AUG 6 1931

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ СОРОК ТРЕТИЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Турецкая революция 1908—1909 гг.—Разгон II Государственной Думы.—Из дневника Константина Романова.—К истории печаевского процесса.— Казнь участников кронштадтского восстания 1906 г.—Из истории революционного движения в армии накануне 1905 г.—Н. И. Романов и американская концессия на жел. дорогу Сибирь—Аляска в 1905 г.

ЦЕНТРАРХИВ

1931

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1931 ГОД

НА ЖУРНАЛ

ИСТОРИК-МАРКСИСТ

6 НОМЕРОВ В ГОД

ОРГАН О-ВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ.

Журнал ставит своей задачей разработку исторических проблем и вопросов исторического знания как в области конкретной истории и ее методологии, так и методики преподавания исторических дисциплин. Одновременно журнал подвергает критике буржуазно-историческую мысль во всех ее разновидностях и борется с искажением и вульгаризацией исторического метода Маркса и Ленина.

Журнал освещает вопросы истории народов СССР, дает хронику работ историков, в частности освещает работы над специальными проблемами, напр., Великой французской революции.

В журнале уделяется достаточное место вопросам развития исторической науки за пределами СССР.

Журнал рассчитан как на историков, занятых научной и педагогической работой, так и на широкие круги общественных работников, студентов вузов и комвузов.

Особое значение имеет журнал для агитпропкабинетов, методич. бюро и комиссий, ведущих руководящую работу при агитпропах по преподаванию истории классовой борьбы, истории партии в партшколах и др. учебных заведениях.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 12 руб., на 6 месяцев — 6 руб.

Отдельный номер — 2 руб. 50 коп.

К сведению читателей.

Ввиду того, что настоящий журнал печатается в строго ограниченном тираже, аккуратное получение журнала гарантируется исключительно подписчикам, своевременно внесшим полностью подписную плату.

Подписка принимается: в Периодсекторе КНИГОЦЕНТРА ОГИЗА (Москва, центр, Ильинка, 3), во всех отделениях, магазинах и киосках КНИГОЦЕНТРА ОГИЗА и на почте.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Красный архив

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

43

ТОМ ШЕСТОЙ (СОРОК ТРЕТИЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ»
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

★

Уполномоченный Главлит Б-1290.
П. 12. Огиз 44063. Заказ 2953.
Тираж 1800 экз. 11 п. л.

Турецкая революция 1908—1909 гг.

Разразившиеся в 1908 г. во внутренней жизни Турции события, теснейшим образом связанные с тем международным положением, в каком оказалась в ту пору Оттоманская империя, и обусловившие, в свою очередь, целый ряд конъюнктурных сдвигов в балканском вопросе, не могли не получить отражения в делах царского дипломатического ведомства. В Архиве Внешней Политики хранится коллекция документов, имеющая заголовок «Турецкая конституция», части I—VII (арх. шифр: П. А. № 3083—3089). Выдержки из этой коллекции мы предлагаем вниманию читателей.

Не приходится, разумеется, рассчитывать на исчерпывающе полное и точное отображение в сохранившейся дипломатической переписке турецкого национально-освободительного движения. Однако важнейшие факты, основные этапы движения запечатлены в публикуемых документах. Восстание в турецких частях, расквартированных в Македонии, связанное с именами Энвер-бея и Ниази-бея, расширение района восстания, охватывающего всю территорию Македонии, руководящая роль в восстании комитета «Единение и Прогресс», действующего планомерно и методически, завоевание революционерами сочувствия широких масс городского и сельского населения, фактический переход власти на местах в руки младотурецких комитетов, предъявление последними султану требования восстановления конституции, «мудрое» решение султана пойти навстречу революционным требованиям, картины всеобщего братанич в период медового месяца революции, образование ответственного кабинета и созыв палаты депутатов, проявление и рост в новой политической обстановке социальных и национальных антагонизмов, расшатывающих сложившиеся в результате компромисса формы власти, мобилизация контрреволюционных сил, ориентирующихся на организованную анархию и империалистическую интервенцию, решительная политическая диверсия султана, пытавшегося произвести военный переворот, срыв этой попытки победоносным движением на Константинополь революционных полков, изоляция Ильдыз-Киоска и капитуляция султана — таковы мотивы, заключающиеся в публикуемой дипломатической переписке и намечающие внешние контуры движения.

Не приходится, разумеется, ждать от публикуемых материалов достаточных данных для выяснения экономической и социально-политической базы движения. В них оттенены два момента: 1) низкие качества турецкого государственного аппарата, характеризующегося всевластием «окружающей султана безответственной клики» и «чудовищно-развитою системой шпионажа» и являющегося вместе с тем орудием в руках иностранных держав, действующих через «эгоистических фаворитов султана» (цитиру-

емые слова принадлежат русскому поверенному в делах в Константинополе); 2) тяжесть налогового бремени, испытываемого турецким крестьянством, с особой резкостью подчеркиваемая в первых прокламациях младотурецкого комитета.

Из всей совокупности документов у читателя может сложиться представление о младотурецкой организации как организации заговорщическо-карбонарского типа, действующей по директивам парижского центра, члены которой рекрутировались из младшего офицерского состава, лиц свободных профессий, мелкого и среднего чиновничества и учащихся высших учебных заведений. Из тех же документов явствует, что движение было направлено в первую очередь против дворцовой олигархии и ее агентуры на местах — высшей бюрократической касты, состоящей из сравнительно немногочисленных, но долговечных чиновничьих династий. Вынужденное в первые дни революции прикрыться фиговым листком солидаризации с движением, высшее, среднее и низшее духовенство на ближайшем этапе борьбы оказывается активным организатором дворцовой контрреволюции. Вместе с тем в дальнейшем ходе событий младотурецкая организация отнюдь не отождествляет своих интересов с интересами крестьянства и, вынужденная пойти навстречу последнему в вопросе приобретения земельных участков, старается не нанести ущерба землевладельцам. Наконец, развивающееся в процессе революции стачечное рабочее движение с первых же дней ставит младотурок в обособленное от рабочего класса положение, при котором им приходится подавлять стачки силою оружия и организовывать штрейкбрехерство [1]). Документы освещают взаимоотношения младотурецкой организации с рядом общественных классов и групп. Нигде не упоминается только о турецкой буржуазии. Знакомясь с личным составом организации и находя там представителей мелкобуржуазной интеллигенции, мы не встречаем представителей подлинной буржуазии — торговцев, купцов, промышленников, банкиров.

Между тем публикуемые документы не оставляют никакого сомнения в том, что осуществляемая младотурками программа реформ была программою реформ чисто буржуазных: мероприятия, связанные с развитием капиталистических отношений в деревне (в частности, отмена барщины и организация сельскохозяйственного кредита), необходимая для укрепления внутреннего рынка реорганизация налоговой системы, урегулирование отношений между капиталом и трудом, реорганизация народного образования, предусматривающая частную инициативу, наконец, преобразование военных и морских сил Турции, как создание предпосылки для возможного развития турецкого империализма [2]).

Несомненно, что, работая над перестройкой политических предпосылок, младотурки осуществляли интересы турецкой буржуазии, как класса, несмотря на то, что они не являлись выходцами из этого класса, несмотря на то, что турецкая буржуазия не выросла еще в активную политическую силу.

---

[1]) О рабочем движении в эпоху младотурецкой революции см. «Современник» 1912 г., № 4, ст. Горцева «Младотурки и рабочий вопрос».

[2]) См. депешу Зиновьева от 20/IX (3/X) 1908 г. № 209. См. также полный текст турецкой конституции, напечатанный в книге П. Милюкова «Балканский кризис и политика Извольского», стр. 379—394.

Данные турецкой статистики говорят о слабых темпах развития турецкой торговли и турецкой промышленности, тормозившихся архаическим турецким законодательством. Непомерно высокие налоги на землю, эксплоатация населения откупщиками налогов, отсутствие дешевого и доступного кредита, ростовщичество, сложное и запутанное аграрное законодательство, построенное исключительно в интересах землевладельцев-чиновников, обусловливали слабость покупной способности населения, слабость турецкого внутреннего рынка. Достаточно вспомнить, что у турецкого крестьянина после уплаты им всех налогов оставалось не более $^1/_3$ всего получаемого с земли дохода и что в Турции, стране по преимуществу земледельческой, обрабатывалось едва только $^3/_{10}$ всей годной к обработке земли. Специфическим характером турецкого законодательства, для открытия какого бы то ни было промышленного предприятия, требовавшего особого разрешения султана и преодоления заградительной стены взяточничества, тормозилось развитие и добывающей и обрабатывающей промышленности. Слабость железнодорожной сети (в 1906 г.—5 589 км) и колесных дорог и система таможенных пошлин, определяемых всевластным чиновничеством в соответствии с величиной получаемых им взяток, действовали в том же направлении. За десятилетие 1897—1906 гг. ввоз в Турцию увеличился с 21,3 до 31,3 милл. турецких лир, вывоз — с 15,4 до 19,6 [1]). Сравнение данных турецкого ввоза и вывоза с теми же данными наиболее отсталых в международной торговле стран, как Россия и Болгария, показывает, что по вывозу богатая сельскохозяйственными продуктами Турция стоит на самом последнем, а по ввозу — на третьем от конца месте [2]). Характерно при этом, что среди предметов вывоза мы не находим ни минералов, ни леса, ни скота, которыми богата Турция. Характерно еще, что ввоз в Турцию в $1^1/_2$ раза превышал вывоз из нее, причем (не в пример таким индустриально развитым странам, как Англия) ввозились в Турцию не предметы, нужные для обрабатывающей промышленности, а товары, обслуживающие только непроизводящие классы населения, иными словами — импорт, выкачивая за границу народные деньги, лишь способствовал обеднению населения.

Господствовавший в Турции политический режим держался, как известно, системою внешних займов, делавших его неоплатным должником иностранного капитала. Прогрессирующее финансовое закабаление турецкого государственного аппарата увенчивается образованием в 1881 г. знаменитой иностранной Администрации государственного долга, берущей в свое управление главнейшие источники государственных доходов.

Забронированный капитуляциями иностранный капитал завладевает всеми основными отраслями народного хозяйства. Он держит в своих руках всю турецкую промышленность и становится монополистом всей внешней торговли страны. Постройка и управление железными дорогами были монополизированы германскими и французскими

---

[1]) См. The statesmen's Year-book, 1908, London, p. 1574.

[2]) Стоимость вывоза на 1 человека для Болгарии — 10 рублей, для России — 7 рублей, для Турции — 6 р. 75 к. См. «Турецкий сборник», Птгр., 1909 г., ст. Ю. Лаврриновича «Экономическое положение и финансы Турции», стр. 152—153. См. также P. Fesch, «Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid», Paris, 1907.

капиталистами, табачное дело и шелководство — в руках французов, хлопководство — в руках греков, угольные и медные разработки — в руках французов и немцев и, наконец, Оттоманский банк — фактически французское предприятие.

Иностранный капитал и внешние займы, разрушая натурально-хозяйственный уклад страны, открывали Турцию для товарного хозяйства. Богатевшие за счет крестьянства откупщики и ростовщики, превращавшиеся в торговцев, начинали помещать свои капиталы в иностранные предприятия, а иногда заводить и собственные производства.

Наряду с мелкой кустарной промышленностью начинают нарастать, ограничиваясь на первых порах отраслями текстильной и пищевой [1]), укрупненные туземные производства.

На последнем (в декабре 1907 г.) конгрессе представителей турецких революционных организаций в Париже, кроме младотурок, мы встречаем представителей армянских, греческих, болгарских и др. комитетов, которые сначала шли в ногу с младотурками, а потом, как видно из документов, блокировались с контрреволюцией. Это были представители христианского населения империи, несшего более легкое по сравнению с мусульманами податное бремя, избавленного от натуральных налогов и государственной барщины, находившегося к тому же под защитой иностранных держав. Из них рекрутировались прежде всего ряды торговой буржуазии; они монополизировали, как известно, почти всю внутреннюю торговлю страны.

Зарождаясь в запретительных условиях абдул-гамидовского режима, в условиях господства не знавшего конкуренции иностранного капитала, туземная буржуазия появлялась на свет, связанная по рукам и по ногам, в нездоровых для жизни условиях.

Недаром в донесениях Нелидова отмечается, что «с первых же дней переворота стала слышаться враждебная Европе нота» и возгласы: «Долой иностранное вмешательство», «Долой капитуляции». Недаром в проекте младотурецкой конституции был предусмотрен пункт, гласивший: «оттоманы могут образовывать торговые, промышленные и земледельческие союзы»... Недаром, став у власти, младотурки обращаются к образованию Банка национального кредита, который начинает субсидировать вырастающие, как грибы, многочисленные грюндерские предприятия.

Мы отметили выше, как характерный для турецкой хозяйственной жизни предреволюционной эпохи, тот факт, что накоплявшийся туземный капитал охотно шел в иностранные предприятия. Это означало срастание туземного капитала с капиталом иностранным и было чревато крупными политическими последствиями, так как влекло за собою неминуемое вовлечение турецкой буржуазии в орбиту политики одной из борющихся на мировой арене империалистических коалиций.

Младотурецкое движение, как движение нарождающейся турецкой буржуазии, призванное играть роль движения национально-освободительного, оказывалось ограниченным не только слабостью социальной диференциации внутри страны, но и создавшимся вокруг страны империалистическим окружением. Та международная обста-

[1]) См. в сборнике «Колониальный Восток» ст. И. Бутаева «Экономические предпосылки образования турецкого государства», стр. 195—222.

новка, в условиях которой возникла турецкая революция, приобретает таким образом значение первостепенного фактора. Даже самый факт возникновения движения в июне 1908 г. ставится обычно в связь с состоявшимся весною того же года в Ревеле свиданием Эдуарда с Николаем II.

Английской политике рассматриваемого времени чужды, как известно, старые принципы неприкосновенности Отоманской империи. Вопрос о расчленении Турции ставится английским империализмом в порядок дня. Втянутая бесповоротно в орбиту политики англо-французского империализма, царская Россия получает возможность вернуться к активной политике на Ближнем Востоке: стоящий у власти буржуазно-феодальный блок реставрирует свои старые планы овладения Константинополем и проливами.

Ревельское свидание являлось завершением англо-русского соглашения 1907 г. и намечало, как известно, общность англо-русских действий в ближневосточных делах. Документации по данному вопросу мы еще не имеем, но знаем, что в Ревеле намечалось отделение Македонии от Турции на началах полной автономии [1]).

Абдул-гамидовский режим, при котором германский империализм начал свой победоносный Drang nach Osten, связал себя теснейшими узами с Берлином. Младотурецкий переворот наносил, как отмечает русский поверенный в делах в Константинополе, сильный удар по германскому и попутно австрийскому влиянию. Назначение Киамиля великим визирем тот же дипломат определяет как «торжество Англии».

Публикуемые документы развертывают перед читателем ту международную обстановку, в которой развивалась младотурецкая революция: явно враждебная позиция Вены, скептицизм Берлина, напряженно-выжидательное состояние балканских государств, исполненная благожелательности и готовности к помощи позиция Лондона и вынужденная любезность царской России. Наблюдающие вспыхнувший революционный пожар зрители готовы при первом удобном случае поживиться в суматохе чужим добром: Триполи уже вспоминается выступление держав в Китае в эпоху боксерского восстания; Милованович заговаривает с Тошевым об общности действий; англичане, по словам Зиновьева, «питают честолюбивую мысль занять в Константинополе приблизительно то же самое положение, которое занимают в Египте». Более нетерпеливыми оказываются австрийцы и болгары, захватывающие, первые — Боснию и Герцеговину, вторые — Румелийскую железную дорогу. Последние два факта затрагиваются данной публикацией только попутно и, несомненно, заслуживают специальной документации. Недостаточно отражена в документах внешняя политика младотурок последующего периода, когда они начинают входить в фарватер германского имериализма.

Документы царских архивов не могут претендовать на исчерпывающее освещение международной конъюнктуры рассматриваемого периода во всей ее сложности, но они дают достаточно яркое освещение политики русского дипломатического ведомства в данном вопросе.

---

[1] См. Die Grosse Politik, Bd. XXV, Kap. 159; см. также Siebert «Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik». Berlin und Leipzig 1921, SS. 777—779; также П. Милюков, op. cit., стр. 1—21.

В этом отношении публикуемые документы приобретают значение первоисточника в полном смысле этого слова, и среди них наибольший интерес представляет протокол Особого совещания от 21 июля 1908 г., на котором рассматривался вопрос о возможности занятия Верхнего Босфора. Идущая под флагом покровительства христианских народностей и прикрывающаяся защитным цветом реформ в Македонии, царская дипломатия ни на минуту не теряла своей целевой установки, диктовавшейся ей интересами русского помещичье-буржуазного блока.

Остановимся в заключение на одном моменте, частично отраженном в настоящей публикации. На упомянутом Особом совещании было признано, что сейчас «мы не готовы на какое-либо самостоятельное выступление», что дело вооруженного завладения Босфором приходится временно отложить и пока заняться разработкой «подробного плана действий о мирном занятии Босфора без объявления войны Турции». Сознание собственного бессилия и дружественные отношения с Англией диктовали русским правящим классам необходимость принять турецкую революцию, примириться с ней и попытаться извлечь из этого факта возможные выгоды. Небезынтересно припомнить в этой связи ту линию, какой держалась в рассматриваемое время в турецком вопросе русская консервативная и либеральная печать. Возьмем руководящие статьи «Нового времени» за 1908 г., за те месяцы, когда у редакции определилось отношение к турецким событиям.

В передовой от 30 ноября [1]) развивается мысль о том, что Турция, которая «до сих пор была больным человеком», «теперь, повидимому, исцелилась и требует себе места под солнцем наряду со всеми другими народами». В передовой от 5 ноября [2]) заявляется: «Если мы не поддержим турок и не добьемся с ними прочного соглашения, они, конечно, вынуждены будут броситься в объятия Австрии». Автор передовой от 6 декабря [3]) говорит о том, что «Новая Турция сразу завоевала всеобщее сочувствие и, что еще вернее, прямое содействие». В помещенной в той же газете от 2 ноября [4]) статье под заголовком «Поворотный пункт русской политики» ставится вопрос о желательности союза Турции с Россией, Англией и Францией. Передовая в номере того же числа озаглавливается «Балканский союз», — в ней доказывается необходимость образования союза всех балканских государств во главе с Турцией против Австрии.

Идея русско-турецкого сближения развивается Извольским с думской кафедры на заседании 12 ноября 1908 г.

По свидетельству драгомана российского посольства в Константинополе [5]), она встречала определенный отклик в турецкой прессе: газета «Икдам» и органы младотурецкого комитета «Танин» и «Шуран-Иммет» защищают мысль об открывающейся для России и Турции новой эры дружбы и совместной борьбы с Австрией (это было время австрийской аннексии).

---

[1]) «Новое время», 1908 г., № 11754.

[2]) Там же, 1908 г., № 11729.

[3]) Там же, № 11760.

[4]) Там же, № 11726.

[5]) См. «Русская мысль» 1915 г. кн. V—VI, ст. А. Н. Мандельштама «Младотурецкая держава».

Отметим попутно, что, солидаризируясь с турецкой революцией, русская консервативная пресса принимала ее по-своему, и воздаваемые ею младотуркам похвалы отличаются некоторым своеобразием. Автор передовой «Нового времени» от 21 сентября 1908 г. [1]) хвалит младотурок за то, что они «не следуют кадетским шаблонам и не осложняют своей задачи сразу всею совокупностью проблем турецкой государственности». Автор передовой той же газеты от 6 декабря 1908 г. [2]) хвалит младотурок за то, что «они не подняли мятежа против исторической верховной власти...»,что «они выступили не как противники монархического начала, врезанного в плоть и кровь восточных народов, а как сотрудники монарха в исцелении государственных язв». «Новое время» от 8 декабря 1908 г.[3]) говорит о «полном порядке в ходе переворота, его бескровности, отсутствии смуты и грязи»... «Не горели поместья и не ходили карательные отряды, не шумели митинги, никто не потрясал в воздухе кулаками, и ряженый поп не водил стотысячной толпы ко дворцу».

Те же мысли об исцелившемся больном человеке можно встретить и в органах либерального лагеря [4]). Либералы, разумеется, и подавно не являются врагами турецкой революции. В первые же дни революции Милюков выражает пожелание, чтобы «на этот раз турецкий парламент не разделил судьбы парламента 1877 г.» и чтобы «в Константинополе не оказалось случайно налицо никакого полковника Ляхова» [5]). Ко дню открытия турецкого парламента к.-д. фракция Госуд. Думы посылает в Константинополь особое приветствие.

Но, как это ни покажется странным, кадетская пресса по сравнению с официозной проявляет гораздо больше скептицизма [6]) в вопросе о судьбах турецкой революции и, во всяком случае, с гораздо большею откровенностью делает выводы из своего скепсиса. Выводы эти касаются прежде всего неудачных попыток Извольского. Передовая «Речи» от 7 октября 1908 г. [7]) высмеивает министра, который хотел проводить политику «бескорыстия» в турецком вопросе и который мечтал явиться на предполагавшуюся международную конференцию с «чистыми» руками: «Ни в одной стране, кажется, дипломатия не считает заслугой оказаться особенно «бескорыстной». Наоборот, повсюду само собой разумеется, что все, предпринимаемое в международной политике, должно предприниматься исключительно в интересах данного государства».

Впрочем, разногласие между русским либеральным и консервативным лагерем в вопросах внешней политики было не так велико. Туркофильство «Нового времени» испаряется, как дым, к середине 1909 г. Еще в октябре 1908 г. «Новое время» так откликалось на неудачу, постигшую Извольского: «Мы удивляемся, что А. П. Извольскому не пришла в Бухлау простая мысль: сделать с Дарданеллами то самое, что бар. Эренталь

---

[1]) «Новое время», 1908 г., № 11684.
[2]) Там же, № 11760.
[3]) Там же, № 11762.
[4]) См. «Вестник Европы» 1908, т. V, стр. 405—406.
[5]) См. «Речь» от 16 июня 1908 г., № 168.
[6]) См. «Речь» № 224 от 19 сентября 1908 г. и № 254 от 22 октября 1908 г.
[7]) Там же, № 239.

«сделал с Боснией» [1]). В июне 1909 г. константинопольский корреспондент «Нового времени», сообщая об оживленной работе турецкого правительства по усилению военного флота, сопровождает свое письмо восклицанием: «Неужели же гроза, разразившаяся 4 года тому назад над Балтийским флотом, должна в недалеком будущем разразиться и над Черноморским!» [2]) Передовая от 4 августа 1909 г. [3]), касаясь национальной политики младотурок, задается вопросом: «Долго ли просуществует эта идиллия?» А передовая от 28 августа того же года [4]) предсказывает: «Процесс выделения из Оттоманской империи непризнаваемых ею национальностей будет продолжаться, как и в XIX столетии».

Консерваторы и либералы продолжали проявлять в ближневосточном вопросе полное единодушие. Руководство буржуазно-помещичьего блока оставалось в вопросах внешней политики цельным и нерушимым. Плохие исполнители его воли, разумеется, должны были быть сняты с постов.

Мы привели отклики русской печати на турецкие события 1908 г. с тем, чтобы яснее стали социальные силы, являвшиеся двигателями активной русской политики на Ближнем Востоке, чтобы яснее стали цели, ими преследовавшиеся. Какой вывод следует сделать из сказанного?

Нам его делать не приходится. Ибо это значило бы повторять то, что писал В. И. Ленин еще в октябре 1908 г. [5]).

Между прочим он писал: «Послушать эти заявления [дипломатов], поверить статьям официозов — все полны «сочувствия» к обновленной Турции, все только и желают укрепления и развития конституционного режима в Турции, все не нахвалятся «умеренностью буржуазных младотурок».

Отмечая далее, что все «эти речи — образец подлого буржуазного лицемерия современных правительств Европы и современной европейской буржуазии», указывая на то, что все усилия европейских правительств сводятся к замазыванию происходящих на Востоке событий, к организации контрреволюционной коалиции европейских держав против рвущихся к демократизму азиатских наций, Ленин писал: «Младотурок хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что она не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов — и в то же самое время Турцию продолжают грабить попрежнему. Хвалят за то, что возможно продолжать по-старому грабеж турецких владений. Хвалят младотурок и продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет собой политику раздела Турции».

---

[1]) См. «Новое время» от 17 октября 1908 г., № 11710.

[2]) См. «Новое время» от 13 июня 1909 г., № 11943, ст. «Константинопольски письма» Холмского.

[3]) Там же, № 11995.

[4]) Там же, № 12019.

[5]) В газете «Пролетарий» № 37 от 16 октября 1908 г. См. Ленин, Собрание сочинений, т. XI, стр. 138—147.

История последующих десятилетий блестяще подтвердила данную В. И. Лениным оценку работы империалистической дипломатии, принеся с собой не только новые проекты раздела турецкой империи, но и организованный хищниками империализма подлинный разгром сначала европейских, а потом и азиатских владений Турции.

А. Попов.

Выписка из донесений управляющего гражданским агентством в Македонии от 25 (12) и 30 (17) июня 1908 г. №№ 296 и 302[1]).

Младотурецкая пропаганда среди военных чинов III корпуса сделала большие успехи. Революционное движение охватило почти всех офицеров, резко критикующих существующий режим и требующих введения конституции. Движению сочувствуют старшие командиры частей и, как говорят, начальник штаба III корпуса генерал-майор Али-Риза-паша, отрешенный ныне от должности и вызванный в Константинополь. Брожение проникло в военные училища: в Ускюбе по требованию воспитанников были уволены некоторые преподаватели.

На почве младотурецкого движения совершен целый ряд покушений и убийств. Революционеры таким путем борются со своими политическими противниками.

Для расследования дела из Константинополя прибыла комиссия в составе трех пашей (Юсуф, Реджеб и Измаил-паши). Возбуждение так велико, что офицеры отказываются отдавать честь генералам — членам комиссии. Революционное настроение офицеров производит самое пагубное действие на нижних чинов.

Таким положением вещей пользуются сторонники старотурецкой партии, которые представили в Константинополе революционное движение в III корпусе, как результат введения генерал-инспектором Хильми-пашою преобразований и как следствие попустительства со стороны Эссада-паши, бывшего командира III корпуса. В этом направлении действует и солунский вали Реуф-паша, заклятый враг Хильми-паши.

Отозвание Эссада-паши и назначение на его место мушира Ибрагима-паши рассматривается, как выражение со стороны Ильдыза неодобрения генерал-инспектору. Ибрагим-паша известен своим враждебным отношением к христианам и любовью к жестоким мерам; на этой почве он всегда сталкивался с Хильми-пашой. Возвращение его в Македонию, где он некогда командовал 9-ю дивизией в Сересе,

---

[1]) Текст документов подготовлен к печати А. Л. Поповым и Б. Я. Галиной.

является прискорбным событием, угрожающим восстановлением старых порядков.

Комиссия трех генералов, работавшая под руководством Ибрагима-паши, установила причастие к младотурецкому движению 15 офицеров, преимущественно солунского гарнизона. Есть основание думать, что подготовлялся военный бунт, с арестом представителей власти, не сочувствовавших движению.

В среде комиссии возникли разногласия. Юсуф-паша и Реджеб-паша решили, не раздувая дела, представить его в смягченных красках. Ибрагим-паша [1]), наоборот, признает положение серьезным и винит во всем Хильми-пашу, выставляя его тайным покровителем и главою младотурецкого движения. Рассерженный разногласиями в комиссии, Ибрагим-паша [2]) выехал в Константинополь.

Генерал-инспектор жалуется на затруднительность своего положения, отныне всякий его шаг навстречу требованиям держав прибавит лишнюю страницу к обвинительному против него акту. В довершение этих неприятностей один из самых деятельных сотрудников Хильми-паши — Энвер-бей оказался принадлежащим к движению и скрылся из опасения ареста, что не могло не произвести самого тягостного впечатления на Хильми-пашу. [Петряев]

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 6 июля (23 июня) 1908 г. № 314.

В настоящее время все высшее военное и гражданское начальство в Македонии занято почти исключительно расследованием дела о младотурецкой пропаганде в войсках третьего корпуса, — все другие вопросы отошли совершенно на задний план.

На основании показаний двух нижних чинов военным следственным властям удалось ныне установить связь между младотурецкой партией и албанскими революционными комитетами на юге Монастырского вилайета. Офицерские младотурецкие кружки в Ресне, Преспе, Прилепе, Крушеве и Охриде (Монастырский вилайет) вошли в тесное общение с главным албанским комитетом в г. Корице (на юге Монастырского вилайета) и, повидимому, выработали план общих действий.

20-го сего июня начальник гарнизона в Ресне, лейтенант Ниази-эфенди, албанец по происхождению, бежал, захватив военную кассу — около 600 т. л. и несколько десятков казенных ружей. К нему присо-

[1]) Так в подлиннике. Повидимому, имеется в виду Исмаил-паша. (См. донесение Петряева от 30(17) VII 1908 г. за № 302, хранящееся в Архиве Вн. Пол. в деле П. А. № 3083.)

[2]) См. предыд. примечание.

единились городской голова Джемаледдин-эфенди, жандармский офицер Бахри-эфенди и один полицейский, все албанцы. Перед побегом Ниази-эфенди посредством шифрованных телеграмм снесся с двумя представителями младотурецкой партии в г. Преспе, офицерами Садыком и Османом-эфенди, также примкнувшими к беженцам. Все они сборным пунктом назначили окрестности села Влахчи (между Преспой и Ресной), изобилующие лесами и вообще малодоступные. Из восьми нижних чинов, бежавших вместе с ними, по последним сведениям, четыре уже вернулись обратно.

Как я узнал доверительным путем, главари албанского революционного комитета в Корице решили оказать бежавшим офицерам младотуркам широкое содействие деньгами и людьми и предоставить в их распоряжение шайки албанцев для действий против турецкого правительства.

Ввиду такого оборота дел командир XVIII дивизии в Митровице Шемси-паша получил приказание немедленно отправиться в район Преспенского округа для ловли вышеназванных лиц и наказания албанцев. В его распоряжение из Солунского вилайета высылается два батальона. Несмотря на свой преклонный возраст и болезненное состояние, Шемси-паша считается специалистом по укрощению албанцев и для приведения их к порядку не останавливается перед самыми жестокими расправами. Подобная миссия была на него возложена и в прошлом году, когда возникли албанские беспорядки в Корицком санджаке, где им и были произведены массовые экзекуции. Теперешняя посылка Шемси-паши, снабженного особыми полномочиями, указывает на то, что турецкое правительство решило с албанцами не церемониться.

Предварительно своего бегства Ниази и Осман-эфенди от имени младотурецкого комитета отправили генерал-инспектору письмо, коим требуют от него (?) [1]) установления представительного образа правления и устранения иностранцев от вмешательства во внутреннюю жизнь государства.

Как теперь выясняется, младотурецкое движение в Македонии в значительной степени направлено против пребывающих здесь иностранных органов контроля, с Хильми-пашою во главе. Кроме того, несколько времени тому назад представители младотурецкого комитета в Солуни обратились с особыми прокламациями к консулам здесь Англии и Франции, протестуя против исключительного и привилегированного положения в Македонии России и Австрии.

Петряев.

[1]) Так в подлиннике.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 13 июля (30 июня) 1908 г. № 331.

Младотурецкое движение здесь, повидимому, все разрастается и крепнет. Убийство в Монастыре генерала Шемси-паши, посланного усмирять восстание, произвело на здешние власти самое удручающее впечатление, тем более, что угрожающие письма от младотурецкого комитета получили также генерал-инспектор и вновь прибывший сюда мушир Осман-паша, вчера выехавший в Монастырь, чтобы заступить место убитого Шемси.

По имеющимся у меня сведениям, больше пятидесяти процентов офицеров третьего корпуса принадлежат к младотурецкой партии. Общее положение грозит еще осложниться тем, что между высшими представителями гражданской и военной власти в Македонии царят теперь полная неурядица и раздоры. Из Константинополя ежедневно присылаются шпионы штатские, военные и даже духовные, старающиеся своими клеветническими доносами запутать в дело революционной пропаганды как можно большее число лиц. На-днях в Солуни в одного из этих шпионов, военного муфтия Мустафу-эфенди, прибывшего из Константинополя месяц тому назад с тайным поручением, младотурки стреляли и тяжело ранили его. Происходило это на глазах военного патруля и полиции, не двинувшихся с места, чтобы арестовать стрелявшего.

Хотя в частной беседе со мною о младотурецком движении Хильми-паша выразил надежду, что правительству удастся справиться с ним, тем не менее в его успокоительных заверениях сквозило сильное беспокойство за возможные последствия предпринятой младотурками кампании. Самым капитальным в этом деле является вопрос, как отнесутся к младотуркам их христианские коллеги по революционным пропагандам в Македонии: греки, болгары и сербы.

В донесении от 27 июня за № 327 [1]) я уже имел честь отметить позиции, занятые в этом отношении христианскими революционными комитетами. Получаемые мною ныне сведения вполне подтверждают это. С присущим им практическим смыслом, болгары, пока что, решили выжидать дальнейших результатов этого движения и впоследствии или примкнуть к нему или же, воспользовавшись затруднительным положением турецкого правительства, на свой риск и страх, нанести ему сильный удар. Греки, если не вступили в формальное соглашение с младотурками, то, во всяком случае, поддерживают с ними наилучшие отношения и спешат усилить кадры своих банд и приверженцев,

[1]) Донесение Петряева от 10 июля (27 июня) 1908 г. за № 327 хранится в Архиве Вн. Пол. в деле П. А. № 3083; содержание его в основном излагается данным абзацем публикуемого документа.

и повсюду ожидаются новые вспышки их террористической деятельности. Сербские комитеты решили действовать также в этом направлении [1]).

Представители турецкой власти, с которыми мне приходилось говорить по этим вопросам, отрицают возможность такого соглашения, ссылаясь на то, что младотурки слишком большие патриоты, чтобы соединиться с врагами турецкой государственности.

Как бы то ни было, младотурецкое движение является теперь весьма важным фактором в македонских делах. В случае его окончательного успеха в стране положение турецкого правительства окажется поистине драматическим; до сих пор оно в борьбе с христианскими революционерами опиралось на мусульман и войска, теперь же и эти элементы оказались ненадежными. Нечего и говорить, что такое положение вещей может вызвать крупные политические осложнения международного характера и поставить серьезные препятствия реформенной акции держав.

Все эти события весьма поколебали положение Хильми-паши, и, по имеющимся у меня доверительным сведениям, не исключена возможность его отставки.

Петряев.

Меморандум младотурецкого комитета от 12 июля (29 июня) 1908 г. [2])

Г. Консул.

Ввиду распространения агентами партий, заинтересованных в том, чтобы посеять разногласия и недоверие среди различных слоев населения империи, недоброжелательных слухов, партия младотурок, именуемая «Оттоманской Лигой Единения и Прогресса», считает своим долгом довести до вашего сведения следующие объяснения относительно гуманного и либерального характера ее притязаний.

I. Основная и конечная цель Лиги заключается в том, чтобы добиться открытого и правильного применения конституции 1876 (1292) г.

---

[1]) В донесении от 10 июля (27 июня) 1908 г. за № 327 Петряев сообщал также, что «албанский комитет открыто обещал свою поддержку младотуркам, с которыми у него, благодаря албанскому происхождению многих офицеров, существуют более тесные связи».

[2]) Перевод с французского. Французский текст приложен к донесению консула в Битоли Каля от 14 (1) июля 1908 г. за № 170. В этом донесении Каль передавал свой разговор с вручившими ему меморандум представителями младотурецкой партии, которым он между прочим категорически заявил, что «какой бы оборот ни приняло движение, мы ни в коем случае не допустим избиения христиан». Вместе с тем, опасаясь перерыва в железнодорожном и телеграфном сообщении с Константинополем, Каль просил Нелидова снабдить его необходимыми инструкциями.

Иностранным консулам в Македонии, без сомнения, лучше, чем кому-либо другому известно, что скверное политическое положение Оттоманской империи зависит исключительно от нынешнего режима, основанного на деспотизме, фаворитизме и взяточничестве.

Да восторжествует, наконец, правда! Пусть европейская дипломатия открыто признает, что единственное верное и действительное средство достигнуть длительного улучшения заключается в свержении этого режима и в замене его конституционным образом правления, который единственно может обеспечить общественный порядок и благосостояние граждан!

Мы надеемся, что ни Франция, ни Англия, ни Австро-Венгрия, ни Италия, ни Германия, ни даже Россия, равно как и другие государства Европы, не смогут ни на одно мгновенье оспаривать этот принцип, и что, следовательно, нечего сомневаться в том, что османы встретят у политических деятелей Европы благожелательное отношение и энергичную поддержку при осуществлении своих справедливых и законных стремлений.

Великим державам, в особенности, представляется случай доказать свои благие намерения в отношении народов Турции, настойчиво посоветовав нынешнему носителю власти, его величеству султану, удовлетворить столь основательные просьбы его подданных, еще верных, но возмущенных постыдным положением, в которое поставлено их отечество.

II. Лига торжественно заявляет, что она нисколько не враждебна не-мусульманам и что, наоборот, осуществление конституционного режима заключает в себе гарантию жизни, чести и имущества всех народов Турции, без различия национальности и религии.

III. Если Лига применяет иногда энергичные средства, то только в исключительных случаях, когда речь идет о наказании остервенелых врагов свободы, в случаях, которые следует рассматривать, как законную защиту.

IV. Мы избегаем бесполезного кровопролития, достаточно крови пролито несчастными народами Турции благодаря коварной политике правительства. Есть основания опасаться, как бы и на этот раз правительство старой Турции не вызвало резни между мусульманами и не-мусульманами, с тем, чтобы возложить затем ответственность на нашу партию.

V. Войска не только не будут нападать на села, но будут их защищать от вторжения банд извне и будут проповедывать согласие и братство народов.

VI. Чтобы лишний раз доказать беззастенчивость правительства, достаточно упомянуть следующий имевший недавно место факт.

Шемси-паша, с целью увлечь свою личную охрану, состоявшую из башибузуков, представил ей инцидент в Ресне, как восстание сербов. Разве применение башибузуков, не признающих никаких законов и ищущих только грабежа, не является пренебрежением к дружеским советам, которые державы всегда давали правительству?

Доводя вышеизложенное до вашего сведения и представляя его на вашу справедливую оценку, Оттоманская Лига Единения и Прогресса просит вас, г. консул, сообщить его содержание вашему правительству.

Донесение консула в Битоли от 17 (4) июля 1908 г. № 173.

Сегодня утром бригадному генералу (лива) Осман-Хидает-паше было поручено прочесть в казарме офицерам текст телеграммы султана, в которой его величество прощает восставших офицеров, но грозит принять строгие меры против непокорных. Не успел генерал произнести последних слов, как один из молодых офицеров выстрелил в него и, как говорят, тяжело ранил. Лива Осман-Хидает-паша был назначен в конце минувшего года главным начальником по преследованию революционных банд в Битольском вилайете, а перед тем был недолгое время командующим войсками на греческой границе.

Вчера в городе было произведено неудавшееся покушение на полицейского комиссара Халид-эфенди. Преступники скрылись, и личность их осталась невыясненной, но, по общему здесь убеждению, и это покушение совершено младотурками.

Из Охриды получены, наконец, более точные и подробные сведения от итальянского капитана Манера, командированного туда, чтобы ознакомиться на месте с деятельностью Ахмед-Ниази-эфенди и его товарищей. По донесениям капитана Манера, Ахмед-Ниази стоит ныне во главе 500 вооруженных людей. Прибыв в Охриду, он без труда переманил на свою сторону всех мусульман города, завладел военным складом и расклеил по городу прокламации, перевод которых при сем прилагаю [1]). По болгарским источникам, младотурки учредили в Охриде специальную судебную комиссию, которой поручено разбирать все жалобы населения. Кроме Охриды Ниази-эфенди посетил несколько сел Дрин-кола (между Стругой и Диброй), как то: Велеште, Демошта, Датези, Лабуништа и др., и повсюду навербовал себе много приверженцев. В воззваниях своих к селянам он требует от них уплаты податей отныне не правительству, а ему и объявляет, что он сам и его товарищи будут расплачиваться расписками, имеющими силу денег. Каждому, кто откажется принять эти расписки,

[1]) См. ниже.

начальник этого либерального движения грозит жестоким истязанием, и, действительно, расписки эти, по словам капитана Манера, находятся в обращении в Охридской казе.

Видя, что правительство их не преследует, и батальоны, посланные для подавления движения, не покидают Ресны, младотурки набрались храбрости и расширили район своей деятельности: ныне Ахмед-Ниази-эфенди перешел в Старово (Корчанского санджака), где, заняв конак, он объявил всех чиновников смещенными; майор Хассан-бей, его товарищ, направился в округ Кырчево, а майор Энвер-бей, как говорят, подготовив почву в Демир-Хиссарской нахии, появился на-днях в Флоринской казе.

Кальь.

ВОЗЗВАНИЕ К МАГОМЕТАНСКОМУ НАРОДУ [1]).

О, сыны отечества! О, братья османы! О, храбрый народ Румелии! Наконец, пришла пора показать вашу храбрость. Пришла для нас пора объединиться и трудиться для спасения нашей страны от угнетения. Если мы сами себе не поможем, у кого будем мы просить помощи, у земли или у камней? Отечество в опасности: наши села и наши крестьяне разорены. Наши возлюбленные сыновья (свет очей наших) были замучены в пустыне Иемена и в горах Румелии. Наши очаги остались без дыма, наши сердца без радости, наши поля без обработки, наши плуги без волов, наши жены без мужей, наши матери и отцы без сыновей. У каждого дома свой траур, у каждого сердца своя рана и свое горе. Убийцы и палачи были назначены на должности вали, мутессарифов, каймакамов, алай-беев, полицейских и жандармов, их щедро одаряли полными пригоршнями золота и одевали в разукрашенные золотом мундиры. Мы были отданы на произвол этих змей, этих коварных кровожадных зверей, этих грабителей, врагов народа, этих убийц, губящих отечество. Горы и скалы не выдержали бы мучений, перенесенных нашим народом. Тюрьмы наполнены людьми, говорившими и признававшими правду и требовавшими ее. Бесконечными налогами разорили наши дома. Они обращали свои взоры (да поразит их бог слепотой!) на наш кусок хлеба, на те пять или десять пара, которые мы имеем. Подобные животным, они не обращаются с нами, как с людьми, — они подвергали нас мучениям; подобно волам они возложили нам ярмо на шею. Они отдали врагам наши земли: Крит, Батум, Карс, Восточную Румелию (которая подобна раю). Наши братья из этих земель были повержены к ногам врага. Они унизили нас, отдав на поругание врагам честь наших сестер, ради которой мы только и живем. Увы, дорогие братья, османов унизили и самое имя их нации сделали презренным! Обращена в рабство раса завоевателей (прославленная своей храбростью), которая своей саблей заставляла трепетать всю землю. Ее сделали трусливой, как лиса, невежественной, как ребенок. Отравлена наша нация, наша страна, наша честь, наша религия, наша вера! Все, все отравлено!

Если мы не пробудимся, чтобы обуздать и покарать этих презренных предателей, виновников притеснений и зол, если мы не размозжим своими ногами их змеиную голову, мы вызовем всеобщее презрение, заставив весь мир поверить,

[1]) Перевод с французского.

что причиной всех этих бед является магометанская религия. Но нет, нет, не ислам является их причиной! Вы знаете, что болгары, сербы и валахи не враги наши: наоборот, они были вверены нам, они — наши братья. Поэтому нашей священной обязанностью является защищать их жизнь, их честь и их имущество. Наш бог и наш пророк поручили их нам. Любите и уважайте их, потому что они гораздо больше нас пролили крови за свободу. Они остались сиротами. Наше невежество виновно в том, что мы видим в них врагов. Нет, они наши друзья и братья. Невежество, подобное сну, не позволяет нам отличить друзей от недругов. Наш враг — это теперешнее правительство, затемняющее наши глаза, как ночь, пристающее к нашему телу, как ядовитый скорпион, сосущий из нас кровь, и прикидывающееся ангелом. Презренные приверженцы нынешнего правительства только и делают, что разоряют очаги, разрушают дома, уничтожают жизнь и стоят во главе нашего невежественного народа, как чудовищный дух ада.

Армяне в Ване, Битлисе и Диарбекире, болгары в Румелии и сербы, арабы в Йемене, турки в Эрзеруме, Трапезунде и Касталуни, друзы в Хоране, не в состоянии больше терпеть эту тиранию, восстали. Правительство, якобы для того, чтобы их наказать, схоронило в адской Аравийской пустыне и в покрытых снегами горах Румелии подобных львам сынов несчастной Анатолии и Румелии, взращенных материнскими и отцовскими заботами в течение 20, 30 лет. Они страдали от жары, холода, голода, болезней, недостатка ухода, медикаментов, одежды и т. д. Есть ли теперь хоть один дом, не орошенный слезами скорби по сыне, замученном в Йемене или в Румелии? Не жалеете ли вы наших сограждан христиан, дома которых разрушены, а сыновья рассеяны? Искупим перед ними ошибки, совершенные до сих пор по нашему невежеству и невниманию! Заключим друг друга в объятия! Забудем о прошлом, докажем всему миру наше братство! О, народ, открой глаза, потому что не время теперь спать: отечество гибнет, и наши соседи и враги, заставляя нас убивать друг друга, хотят наследовать нашу землю! Не дадим себя увлечь их подстрекательствами, потому что конец нашей страны будет несчастьем для всех нас.

Причина стольких бедствий — в нашем разъединении. Объединимся! Как пример можно назвать народы персидский, марокканский, португальский и даже русский, которые путем единения достигли счастья: они спаслись от шахов и царей, разорявших свои народы своими прихотями. Согласившись между собой, они восстали и взялись за оружие, говоря, что права нации не могут быть принесены в жертву ради удовольствия властелина и кровь народа — ради удовольствия правительства. Они требовали и силой добились национального собрания. Бог сказал в своем святом коране: «Совещайтесь о делах!» А знаете ли вы, что это значит? Это значит: решайте государственные дела, советуясь с мудрецами нации. Наша религия не разрешает, чтобы дела нации вершились согласно прихотям государей. В прежние времена наши предки свергли с престола и повесили не одного падишаха за то, что они тратили государственные деньги на свои прихоти и оскорбляли народ. Власть султана очень велика, но возлагаемая ею ответственность еще больше. Бог спрашивает у человека, что он сделал хорошего и дурного, и у государей он также спрашивает отчет о всех правах их народов, их крови и их налогах.

О, нация, теперешнее правительство морит наших детей голодом, превращает наше отечество в убежище для разбойников и убийц, назначает убийц валиями, воров — чиновниками, лишает наши поля урожая, лишает нас безопасности, спокойствия, школ, семинарий и, наконец, разделяет братьев. Это правительство заставляет убивать райю, делает ее нашими врагами, превращает нас в рабов,

закрыв национальное собрание, открытое 30 лет назад согласно предписаниям религии. Нужно требовать от падишаха и правительства осуществления прав народа — от этого правительства, которое себя окружает отступниками и врагами отечества, от этого правительства, которое, считая народ глупым и тупым, говорит, что его следует раздавить ударами кулаков. Не верьте тем невеждам, которые, изучив две-три книги на арабском языке, появляются перед вами с двумя рядами тюрбана вокруг головы и называют себя учеными (чтобы не нести военной службы). Наш пророк перед самой своей смертью, взойдя на трибуну, сказал народу: «Возлюбленный народ, если я когда-либо невольно причинил зло кому-нибудь из вас, пусть тот поднимется и требует от меня своего права». Мы были бы бесчестны, если бы не боялись понести на том свете наказание за эту трусость и взять на себя стыд перед всем человечеством на этом свете. Увидев нас в таком состоянии, не постарались ли бы наши враги захватить наше отечество? До каких пор будем мы терпеть, чтобы враг попирал нас ногами, как собак? До каких пор будем мы бояться отомстить за себя? Бог сказал: «Верующие — братья», и наш пророк доверил нам райю.

Итак, объединимся, станем братьями и поможем друг другу. Будем счастливы, уничтожая это жестокое правительство, и поставим у власти людей честных, избранных нацией! Вперед, герои, пришла пора спасти наше отечество! Оковы не созданы для львов. Стыдно, чтобы они позволяли обманывать себя лисицам. Сделаем наше отечество счастливым, отомстив за него.

Вперед, герои, будьте теми, о ком бог говорит в своем коране: «Без всякого сомнения, он не любит жестоких». Бог не любит жестоких, он защищает угнетенных. Рвение зависит от нас, успех от бога.

Оттоманский комитет Единения и Прогресса.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии] от 19 (6) июля 1908 г. № 344.

Младотурецкая пропаганда продолжает с успехом распространяться среди военных чинов третьего корпуса, и в этом отношении каждый день приносит новые разочарования турецкому правительству, все еще надеющемуся на мирное улажение этих волнений.

На-днях из г. Тиквеша (Солунский вилайет) бежал офицер Мустафа-эфенди, и увлек за собой около пятидесяти солдат. В г. Кайларе (Монастырский вилайет) двое старших офицеров из местного гарнизона, собрав несколько дней тому назад в городских казармах около двух рот, и снарядив их по походному, ночью выступили из города и, по слухам, двинулись на соединение с другими младотурецкими бандами, собравшимися в горах в окрестностях Монастыря. В г. Кукуше (Солунский вилайет) один офицер младотурок в казармах держал революционные речи к своим товарищам офицерам и солдатам, и из представителей местных военных властей никто не решился арестовать его. В самом городе Солуни в кофейнях и просто на улицах возле общественных фонтанов происходят открытые собрания офицеров младотурок. Одно из таких совещаний состоялось недавно даже вблизи помещений, занимаемых генерал-инспектором.

Такая свобода действий представителей младотурецкой партии объясняется отчасти бессилием турецкого правительства, а отчасти не выяснившимся его отношением к младотурецкому движению. Насколько я могу заключить из бесед по этому вопросу с Хильми-пашой, турецкое правительство решило пока не раздражать младотурок резкими против них мерами и действовать лишь путем увещания и убеждения. Политика эта до сих пор не дала никаких положительных результатов. Вместе с тем в будущем как будто не исключена возможность и более суровых и энергичных мер, потому что в Македонию постепенно стягиваются войска из Анатолии. Пока прибыло до трех тысяч человек, всего же ожидается до 29 батальонов.

Петряев.

Телеграмма управляющего ген. консульством в Салониках [от] 21 (8) июля 1908 г.[1]).

Сегодня солунским отделением младотурецкого комитета разослан по почте консулам в Солуни меморандум, заверяющий державы, что освободительное движение, переходящее ныне к активным действиям, направлено исключительно против деспотического режима правления, на пользу всего оттоманского народа, без различия национальности и религии, и во всей империи, а не только в Македонии.

Комитет заранее протестует против клеветы о религиозной ненависти к христианам и выражает уверенность, что державы воздержатся от вмешательства в это патриотическое народное движение, полагаясь на симпатию общественного мнения в Европе.

Кохманский.

Телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне 22 (9) июля 1908 г. № 914.

Моя вчерашняя телеграмма [2]) была отправлена посольствам в Париже, Берлине, Вене и Риме согласно желанию лондонского кабинета, переданному мне О'Бейрном. Сообщая о сем сэру Эдуарду Грею, благоволите добавить доверительно следующее.

Австро-венгерский посол сообщил мне телеграмму Эренталя, указывающую на серьезный характер положения Македонии вследствие младотурецкого движения среди местных войск. Венскому кабинету представляется совершенно необходимым, чтобы султан смог

[1]) Номер отсутствует; то же наблюдается и в ряде других документов, публикуемых ниже.

[2]) В телеграмме Извольского от 21(8) июля 1908 г. за № 909 содержались указания относительно порядка представления Порте и обсуждения коллективной ноты держав по вопросу о борьбе с бандами в Македонии.

справиться с этим движением, и весьма важным, чтобы, при рассмотрении великобританского предложения о взаимодействии жандармерии и войск против банд, были приняты в соображение вышеупомянутые обстоятельства. Эренталь полагает, что последние могли бы повлиять на установление времени, когда соответственный поступ [1], мог бы быть предпринят с пользою перед Портой. С своей стороны адмирал Тушар запросил меня, не отзовется ли младотурецкое движение в Македонии на ходе переговоров об английском предложении. Мне было бы желательно знать взгляд сэра Эдуарда Грея на этот предмет.

Извольский.

Письмо посла в Лондоне от 22 (9) июля 1908 г. [2])

В субботу утром я получил телеграмму вашего превосходительства с поручением предложить сэру Эдуарду Грею предпринять выступление с целью оказать давление на афинский, белградский и софийский кабинеты [3]).

Ввиду того, что министр в этот день отсутствовал, я мог выполнить ваше поручение только в понедельник.

Я прочел вашу телеграмму сэру Эдуарду Грею, который без малейшего колебания ответил: «Я вполне согласен и готов содействовать».

Он прибавил, что разговор его с турецким послом не только не создал затруднений для этого совместного выступления, но, наоборот, подобно вашему ответу, скорее подготовит почву.

Он сказал мне, что оспаривал два пункта в заявлениях посла. Во-первых, то, что Турция будто бы уже теперь сделала все, что было возможно, и, во-вторых, то, что вся ответственность падает на три правительства; но, по его словам, он прибавил, что в Афинах, Софии и Белграде английское влияние всегда применялось в смысле, желательном в данный момент для оттоманского правительства, и что

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Перевод с французского.

[3]) В телеграмме Извольского от 17(4) июля 1908 г. (адресованной в Лондон, Париж, Рим, Вену и Берлин) сообщалось о сделанном ему турецким послом заявлении, что Порта возлагает ответственность за деятельность банд в Македонии на соседние балканские государства и просит державы оказать на них соответствующее давление в этом смысле; в ответ Извольский сообщил послу о предложении английского правительства по поводу банд и заявил, что предложение турецкого правительства должно быть обсуждено державами; далее Извольский сообщал, что считает предложение Порты заслуживающим внимания и предлагал российским представителям объясниться по этому поводу с соответствующими правительствами.

всякий раз, когда Турция дает доказательства благожелательного отношения, ей обеспечена английская поддержка в этом смысле.

Затем сэр Эдуард Грей дал мне прочесть телеграмму, излагающую разговор, о котором идет речь. Эта телеграмма прекрасно резюмирует то, что он мне сказал.

Бенкендорф.

Телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 22 (9) июля 1908 г.

Сегодня в 2 часа великий визирь сменен и заменен Саид-пашой, по прозвищу Кучук, уже бывшим великим визирем. Бывший великий визирь Киамиль-паша назначен членом совета министров без портфеля. Военный министр Риза-паша заменен Еумер-Рюшди-пашой, бывшим помощником начальника штаба. Можно ожидать дальнейших перемен министров.

Нелидов.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 23 (10) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Хильми сообщает, что вчера вечером Ниази и две тысячи человек вошли в Монастырь; к нему присоединился гарнизон. Захвативши мушира Османа-пашу, они покинули город. По сведениям Хильми, в городе насилий не было.

Петряев.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 23 (10) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Сегодня в Солуни на площади в центре города начались митинги. Ораторы от младотурок, военные и штатские попеременно на разных языках обращаются к народу с пламенными призывами содействовать водворению конституционного строя и идеи свободы и равенства, а толпа отвечает шумными аплодисментами. Полиция и жандармерия, присутствующие тут же, остаются безучастными зрителями. На завтра назначены собрания в мечетях для провозглашения конституции.

Пока порядок нигде нарушен не был. Такие же сведения о младотурецком движении получаются из Монастыря, Ускюба, Сереса, Кепрюлю и Иштиба.

Петряев.

Телеграмма консула в Битоли от 23 (10) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Более тысячи младотурок, прибывших из Ресны и Охриды с Ниази во главе, захватили сегодня ночью маршала Османа-пашу и увели его. Город в их руках. Нас официально известили, что через час будет провозглашена здесь конституция.

Каль.

Телеграмма консула в Ускюбе от 23 (10) июля 1908 г.

Сообщаю послу.

Вчера гражданские чины принесли присягу на верность конституции. Сегодня принципы конституции объявлены в печати. По предложению комитета командующий войсками выехал при криках «Да здравствует нация, отечество, свобода!». В городе полный порядок, поддерживаемый патрулями под командою офицеров.

Орлов.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 23 (10) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Вчера в городе Гевгели Солунского вилайета старшие военные чины захватили власть в свои руки. Каймакам, чины административного совета, командир жандармской роты были приглашены в конак и принуждены присягнуть на верность программе младотурецкой партии. По городу и окрестностям ходят военные патрули с офицерами, раздающими прокламации, и провозглашают виваты народу. По предложению младотурецкого комитета представители христианских общин читают в церквах прокламации. То же просходит в Воденской и Караджабадской казах Солунского вилайета.

Каймакам Еласоны Монастырского вилайета убит за отказ присоединиться к младотуркам.

Телеграф с Монастырем не действует.

Петряев.

Телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Цетинье от 24 (11) июля 1908 г. № 926.

Телеграмма 10-го [1]) получена.

Мы имеем полное основание надеяться, что происходящее ныне в Турции движение ограничится пределами империи и не вызовет ос-

[1]) В телеграмме от 23 (10) июля 1908 г. поверенный в делах в Цетинье Штейн сообщал об опасениях черногорского правительства в связи с событиями в Турции, «и, в частности, в Македонии», за которыми оно следит «с величайшим интересом», и о намерении его «занять известное положение в зависимости от указаний, какие могли бы быть даны Черногории императорским правительством».

ложений на Балканах. Благоволите посоветовать князю отнестись с полным спокойствием к теперешним событиям и не предпринимать решительно никаких шагов.

Извольский.

Депеша поверенного в делах в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г. № 154.

Я только-что имел честь по телеграфу донести вашему высокопревосходительству о появлении султанского ирадэ, предписывающего «на основании существующих законов» приступить к выборам депутатов ввиду созвания парламента.

Мера эта явилась довольно неожиданным результатом тех тревожных известий, которые за последние несколько дней получались быстро одно за другим из македонских провинций Турции и сущность коих известна императорскому министерству из телеграмм российских консулов.

Мне кажется однако, что было бы ошибочно видеть в указанном распоряжении конец и результат того политического брожения, на которое я имел честь указывать в донесении от 5 (18) с. м. за № 149. Напротив, воскрешение «турецкой конституции» знаменует собой начало новой эпохи, повидимому, отнюдь не менее чреватой непредвидимыми пока последствиями, чем время первого ее провозглашения 32 года тому назад.

О направлении и дальнейшем вероятном развитии событий можно судить пока лишь по отдельным фактам и совершенно элементарным соображениям, от сочетания и сопоставления коих возможны самые разнообразные заключения, которые однако невольно будут носить лишь характер догадок.

Во главе проявившегося политического движения стоят молодые офицеры, пропитанные «младотурецкими», с запада навеянными, идеями свободы и равноправия...

Но к движению этому, к звонким требованиям «конституции» примкнули и албанцы, в числе многих тысяч собравшиеся в окрестностях Феризовича...

Между тем какое, казалось бы, дело албанцам до «равноправия» христианских подданных султана? Какой большей «свободы» могут они желать д л я с е б я, нежели та, коею они фактически пользуются при доселешнем положении вещей?

Одних этих вопросов было бы достаточно, чтобы, как говорится, «иметь в подозрении» все это «освободительное» движение.

Еще больше подозрения возбуждают личность и бывшая деятельность первого провозвестника движения майора Ниази-эфенди.

факт, что он прежде всего окружил себя разбойниками и бродягами, и вся совокупность привходящих побочных обстоятельств, указанных в серии донесений императорского консула в Битоли и гражданского агента в Македонии.

Наконец, и само отношение турецких властей к состоявшимся вчера и третьего дня провозглашениям конституции в Монастыре, Сересе, Солуни и так далее, поспешность, с коею сам султан увенчивает здание младотурецких домогательств, все это носит характер столько же капитуляции перед силой движения, сколько умышленного попустительства.

А это наводит, меня по крайне мере, на мысль, что если султан и потерял, может быть, возможность остановить или сдержать возникшее движение, то он не теряет надежды его направить. Куда? И как? Это-то и есть те вопросы, в ответ на кои ныне пока возможны одни догадки.

Да, движение протекает п о к а спокойно, с соблюдением порядка, при равномерном участии как христианской, так и мусульманской части населения.

Но мною слышано было мнение, имеющее полное основание притязать на компетентность, что так называемое «младотурецкое» движение мысли есть движение очень старое и очень турецкое и сводится к протесту турка-завоевателя против навязываемых Турции Европою реформ и нововведений, мало по малу лишающих его всякой власти над «покоренным» населением. Подтверждение этому заключается в только-что полученной телеграмме из Митровицы [1]), гласящей, что арнауты радостно палят из ружей, «надеясь на замену всех реформ шариатом».

При таком настроении достаточно будет малейшего столкновения хотя бы на почве осуществления пресловутых равных прав, не говоря уже о малейшем давлении извне, чтобы существующее брожение вылилось в самые крайние формы. Благоволите в пояснение моей мысли обратить внимание на телеграмму консула в Битоли от 9 (22) сего июля [2]).

Опасения, сквозящие в донесении императорского консула в Битоли от 1-го с. м. за № 170 и управляющего гражданским агентством в Македонии от 7-го сего месяца, № 349 [3]) представляются мне, таким образом, далеко не лишенными весьма реального основания, почему

---

[1]) Телеграмма Тухолки от 24 (11) июля 1908 г., хранится в Архиве Вн. Политики в деле П. А. № 3083.

[2]) Телеграмма Каля от 22 (9) июля 1908 г. в делах б. министерства ин. дел не обнаружена.

[3]) В делах б. министерства ин. дел не обнаружено.

казалось бы необходимым снабдить императорских консулов в Македонии заблаговременно всеми необходимыми указаниями на случай наступления тех крайних событий, при наличии коих уже некогда было бы думать, а предстояло бы действовать, не теряя минуты.

Нелидов.

Письмо поверенного в делах в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г.

События сегодняшнего дня заставляют меня, отложивши заготовленный для нескольких донесений материал, ограничиться беглым изложением обстоятельств, связанных с сегодняшним восстановлением конституционного строя в Турции.

Говорят, что вчерашние совещания министров во дворце, вызванные известием последних дней из провинции, длились чрезвычайно долго. Султан и секретари его доказывали опасность уступить движению. Саид-паша долго молчал и лишь под конец указанием на полученное из Адрианополя известие о готовности II корпуса итти на столицу и требовать конституции и заявлением, что при этих обстоятельствах он не отвечает за жизнь его величества, ему удалось уговорить султана издать ирадэ о выборах в парламент.

Сегодняшняя церемония селямлыка обошлась, как всегда; замечено было лишь отсутствие албанской гвардии, войскам были делаемы толпой овации, но все же положение остается смутным, и, как я слышал, новый великий визирь признает его даже серьезным.

Я лишь завтра, уже по отправлении настоящей экспедиции, буду, вероятно, иметь свидание с Саид-пашой; ныне же желал бы представить вашему высокопревосходительству краткий отчет о беседе, которую я имел на тему о текущих событиях с посетившим меня, едва ли без определенного умысла, австро-венгерским послом.

Начав с заявления, что он уже более недели ясно предвидел неизбежность для султана восстановления конституции, маркиз Паллавичини стал распространяться на тему о том, что теперь Европа стоит здесь перед совершенно новым порядком вещей, последствия коего, конечно, еще неизвестны, но который, во всяком случае, потребует и нового к себе отношения держав. Никогда, — говорил он, — ни одна революция не обошлась так спокойно, как здешняя, никогда не видано такой дисциплинированности населения и единодушия всех слоев его к достижению общей цели. Эти обстоятельства, по мнению посла, создают для султана очень твердую почву как для борьбы с реформенными программами Европы, так и для отражения возможности нападения мелких балканских государств.

«Мне кажется прямо смешным предъявить теперь султану требования вроде, например, проектированной английской ноты о летучем отряде; нам неизбежно будет отвечено: «Подождите, дайте мне наладить новый строй, мы сами тогда займемся и борьбой с бандитами и реформами». Поэтому единственный ныне возможный для Европы образ действий это — ждать, пока выяснятся результаты провозглашенной конституции».

Нисколько не желая придать своим словам характер спора или возражений по существу, я однако заметил, что от провозглашения принципов конституции до осуществления ее еще далеко, что пример тому налицо и что, наконец, провозглашение новых государственных принципов само по себе не лишает Европу ни юридических ее прав по отношению к правительству султана, ни фактически занимаемого положения, и что для «престижа» Европы, о коем, повидимому, заботится посол, столь же неблагоприятно было бы рисковать отказом при предъявлении требований неисполнимых, сколько благосклонно возложить свое упование на одну «конституцию». Не отвечая прямо на это замечание, посол продолжал развивать свое мнение о наступлении новой эры в Турции и о необходимости спокойно выжидать результатов нового порядка — «конечно, при условии, что он действительно будет осуществлен».

Не могу скрыть от вашего высокопревосходительства, что из совокупности слов австрийского представителя я невольно — и, может быть, ошибочно — вывел заключение о существовании внутренней связи между благосклонным взглядом его на турецкую революцию, радостью албанцев, видящих в новом порядке лишь возможность «заменить реформы шариатом», и... одним из условий недавнего австро-турецкого секретного соглашения, обязывающего Двуединую монархию способствовать восстановлению прежних, до-реформенных порядков в Турции.

Это, — повторяю, может быть, ошибочное и произвольное, — впечатление еще усилилось, когда маркиз Паллавичини перешел, почти без связи с предыдущим, к соображениям о впечатлении, которое текущие турецкие события, особенно же внушительное сборище албанцев близ Феризовича, должны будут произвести на соседние государства, например, Болгарию. («Comment voulez-vous qu'elle (la Bulgarie) aille provoquer un conflit avec la Turquie dans des circonstances pareilles? Il est certain que le nouvel ordre de choses contribuera à calmer la situation» [1]).

[1]) «Как вы желаете, чтобы она (Болгария) при подобных обстоятельствах вызвала конфликт с Турцией? Без сомнения, новый порядок будет содействовать успокоению положения».

Последняя мысль приобретает особенное значение, если принять в соображение ходившее здесь за последние дни мнение, что одним из средств для султана отвратить в другую сторону направленное к изменению режима движение было бы возбуждение столкновения с Болгариею, а также и то обстоятельство, что искреннее и честное применение принципов равноправия, провозглашаемых конституцией, обеспечивая спокойствие жителям Македонии, в значительной степени лишало бы почвы агитацию балканских независимых государств в пределах этой области.

Оптимизм маркиза Паллавичини показался мне весьма односторонним и, во всяком случае, весьма оппортунистским, и благие последствия восстановления конституции далеко не доказанными.

Призывая всяческое снисхождение ваше на вышеизложенные поневоле отрывочные рассуждения, имею честь быть

Нелидов.

Копия рапорта военного агента в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г. № 238.

Секретно.

Со времени отправления моего последнего донесения от 4 июля за № 224 о военном бунте [1]) события пошли настолько быстрым темпом, что детали младотурецкого движения, известные уже по облетевшим весь мир телеграммам в прессу, уже потеряли свой интерес и бледнеют перед фактом дарования конституции, о чем я сегодня донес телеграммою № 237 [2]).

Остается только отметить некоторые особенности революционного движения, которые могут служить указанием для определения тех путей, по которым может направиться та либеральная волна, которая охватила Европейскую Турцию.

Первым делом следует отметить, что носителями либеральных идей являются исключительно молодые офицеры, которые до самого конца провели революцию без всякого участия старших начальников, которые доказали свое полнейшее ничтожество, оставаясь безучастными зрителями совершившихся событий. Система султана выдвигать вперед одни бездарности в надежде таким образом обезвредить армию и флот, была использована против него самого, и он теперь находится лицом к лицу с враждебною ему армиею, предводительствуемой неведомыми ему силами.

---

[1]) В делах б. министерства ин. дел не обнаружено.

[2]) В делах б. министерства ин. дел не обнаружено.

Занятое армиею положение служит серьезною угрозою для будущего, и можно опасаться повторения роли, которую в свое время играли в истории преторианцы и янычары.

Все войска, не только III, но и II корпуса, в том числе и редифы, симпатизировали революции, присоединяясь к ней по первому зову, каковое обстоятельство указывает на глубоко вкоренившееся в населении неудовольствие существовавшею до сих пор системою произвола, деспотизма и фаворитизма. Особенно резко выразилась ненависть народа к шпионству и беззастенчивому казнокрадству.

Движение было настолько единодушным, что освободительная волна даже не встретила ни малейшего сопротивления и обошлась почти без кровопролития. Последние дни чувствовалось, что всякое противодействие бесполезно. Султану другого ничего не оставалось делать, как даровать требуемые конституцию и амнистию. Таким образом он еще сохранил в своих руках возможность воздействовать на будущий парламент.

До сих пор ни один голос не поднялся против священной в глазах мусульман особы султана, но нет сомнения в том, что если бы он не уступил, то он был бы свергнут, и без большого труда, так как почва, судя по всеобщему здесь ликованию турок, была вполне подготовлена.

Продержится ли султан на престоле или нет, будет во многом зависеть от того, сумеет ли он пойти навстречу тем новым веяниям, которые овладели населением. По мнению многих, настоящий момент есть не венец либерального движения, а лишь его начало, так как младотурки твердо решили добиться осуществления серьезных реформ и не отступят ни перед какими средствами к их осуществлению.

Весь ход событий последней недели и события последних лет: бунт в Эрзеруме в прошлом году, волнения в войсках, участившиеся в последний год, равно как народные волнения среди арабов Сирии и Аравии, как будто указывают на то, что в мусульманском мире незаметно совершился психологический переворот в сторону либеральных европейских идей, с которым необходимо считаться не только новому правительству, но и иностранным державам при определении того нового политического курса, который придется проложить по отношению к Турции для использования нового положения в свою пользу.

Младотурки резко подчеркивают, что они считают инородческие населения своими братьями и что они готовы облегчить их участь и дать им равноправие. Но как примирить христиан с исламом, который проповедует борьбу с неверными?

Нет сомнения в том, что вопрос о македонских реформах вступил в новый еще более опасный фазис, и очень неясно, какой оборот это дело еще примет. Особенно темною представляется та роль, которую

играют албанцы в настоящее время, а еще неяснее, как отнесутся к новому порядку вещей балканские государства.

Одним словом, куда ни смотреть, можно себе задать вопрос: не придется ли переделать или вновь состроить все прежнее?

До созыва парламента, надо полагать, султан имеет еще время завладеть движением и умерить его. Но если он только не успеет или не сумеет этого сделать, и острая борьба перенесется в столицу, можно опасаться необозримых осложнений, не только внутренних, но может быть, и внешних.

Хольмсен.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 24 (11) июля 1908 г. № 367.

В дополнение к моим секретным телеграммам от 10 [1]) и 11 [2]) сего июля имею честь сообщить следующие подробности о действиях здесь младотурецкого комитета, приведшего к восстановлению конституции.

Начиная с 5 июля в Солунь собрались главные представители младотурок и в среду 9 июля отправили к генерал-инспектору депутацию с заявлением, что народ и вся армия требуют конституции, и просили его передать об этом в Константинополь. Причем ему было указано, что в случае отказа стать на их сторону комитет примет против него репрессивные меры.

Незадолго перед этим генерал-инспектор получил смертный приговор от младотурок за неоказание им содействия.

В это время в Солуни и в провинциальных городах уже образовались временные правительства из военных и штатских чинов, захватившие в свои руки фактическую власть. Войска отказывались исполнять приказания, передаваемые им от генерал-инспектора и генерал-губернатора. Ввиду такого положения вещей Хильми-паша снесся в четверг с дворцом, указывая, что положение безнадежно и что не остается ни одного человека, на которого правительство могло бы положиться. Лица, подозреваемые в сочувствии старому режиму, приговариваются к смертной казни. Действительно, младотурецкий комитет расстрелял двух офицеров и двух штатских полицейских чинов, из коих один состоял на службе при генерал-инспекторе. Он был взят на глазах у всех и уведен из канцелярии.

В четверг в самых оживленных частях г. Солуни начали собираться митинги, произносились зажигательные речи, читались прокламации. Толпа аплодировала каждому оратору.

---

[1]) См. выше, стр. 23.

[2]) В делах б. министерства ин. дел не обнаружено.

Речи говорились на всех македонских наречиях. Общий смысл их был — призыв к свободе, низвержению старого режима, уравнению всех национальностей и т. п. Среди ораторов было много чиновников, служащих в канцелярии генерал-инспектора и финансовой комиссии.

Любопытно то, что чины реформированной полиции и жандармерии, находившиеся здесь же для поддержания внешнего порядка, сами принимали деятельное участие в манифестациях.

Ночью с четверга на пятницу генерал-инспектором было получено телеграфное извещение от великого визиря о восстановлении султаном конституции.

Весть об этом моментально облетела город, и громадная толпа военных отправилась немедленно с музыкой к генерал-инспектору. Он вышел к ним и прочитал полученную телеграмму. Раздались восторженные крики в честь армии, свободы и отечества. Сделанная кем-то попытка прокричать виват султану была встречена негодующими возгласами и свистками. Сейчас же офицеры от имени младотурецкого комитета заявили протест против выражения телеграммы великого визиря, сообщавшего, что конституция восстановлена султаном. В резких выражениях они сказали Хильми-паше, что конституция восстановлена ими, а не султаном, и они докажут ему это.

Утром 11 июля около 30 000 человек собралось к конаку, куда прибыли Хильми-паша и Ибрагим-паша, командующий III корпусом. Там была прочитана телеграмма великого визиря и произнесено несколько речей. Войска дефилировали перед народом. Члены младотурецкого комитета носились на руках. Город оглашался салютом в 21 пушечный выстрел и весь разукрасился флагами.

Толпы с флагами в руках и криками: «Да здравствует конституция», свобода и армия» ходили по улицам города.

Следует отметить, что имя султана, восстановившего конституцию, совершенно игнорировалось. Группа полицейских чинов, попробовавшая, было, пройтись по городу со значками, на которых было написано: «Падишахимиз чок яша» («Да здравствует наш государь») подверглась осмеянию и должна была скрыться.

За весь день порядок в городе нарушен не был.

Когда я увидел сегодня утром в первый раз «конституционного» Хильми-пашу, то он мне с радостью сообщил, что все кончилось благополучно и что с введением нового режима, он надеется, дела Турции пойдут гораздо лучше.

Думаю, что эта радость преждевременна, так как именно теперь и начнутся для правительства главные затруднения.

Петряев.

Телеграмма консула в Битоли от 24 (11) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Сегодня около полудня была провозглашена при пушечных выстрелах конституция. Все мусульманское население города, местный гарнизон и прибывшие из Малой Азии батальоны принимали участие. Чиновники с вали во главе остаются на своих местах. Маршал Осман-паша отправлен под конвоем в Ресну. Днем выпущены из тюрьмы арестанты — более тысячи человек. Порядок в городе пока не нарушен.

Кал ь.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 25 (12) июля 1908 г. № 369.

Весь вчерашний день здесь прошел в манифестациях в честь армии. Вечером повсюду была иллюминация, происходили митинги и произносились речи. Младотурецкий комитет приложил все усилия к тому, чтобы порядок ничем не был нарушен. Члены его, — главным образом, из военных, — с особыми значками строго наблюдали за этим. Пока это им удалось.

Собственно, накануне и вчера правительство фактически не существовало, и весь город был всецело в руках офицеров III корпуса и младотурок.

Особенно странное впечатление производило то обстоятельство, что жандармерия и полиция, эти органы поддержания общественного порядка, сами принимали живое участие во всех манифестациях. Много комментариев вызывают здесь процессии, устроенные реформированными жандармами. Собравшись большими группами с красными знаменами и флагами, на которых было написано: «Да здравствует конституция, народ и армия», они расхаживали по городу и производили шумные демонстрации перед канцелярией генерала Робилана. Большинство осуждает реорганизацию за слабость дисциплины среди жандармов и за допущение их к манифестациям.

Вести, приходящие из провинции, почти аналогичны: овации военным, митинги, речи о свободе и братстве и полное игнорирование султана и его правительства.

Главный солунский комитет состоит из тридцати членов (офицеров и штатских), собирающихся ежедневно под председательством турецкого адвоката Магнази Задэ Рефик-бея.

Ему подчиняются комитеты, образовавшиеся в провинциальных городах, с преобладающим элементом военных.

Пока комитет сделал следующие распоряжения.

Все офицеры III корпуса, с маршалом Ибрагимом-пашою во главе, приведены к присяге на верность конституционному строю и программе младотурок. Решено, что будут исполняться только приказания, исходящие от главного комитета. Ослушники будут строго наказываться.

Не переходя пока к активным действиям, комитет решил дать народу возможность праздновать восстановление конституции в течение 3 дней, назвать две площади в Солуни «Площадью Свободы» (Хуриэт) и «Единения» (Иттихад) и улицу, носившую до сего название Хамидие, улицей «Прогресса» (Теракки).

Идет усиленный сбор денег на сооружение статуи Свободы.

Петряев.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 25 (12) июля 1908 г. № 377.

Как я имел честь донести вашему превосходительству телеграммой от 12 сего июля [1]), официальное правительство здесь окончательно капитулировало перед младотурецким комитетом, имеющим в своем распоряжении весь третий корпус, а следовательно, и исполнительную власть. Хильми-паша играет здесь главным образом роль посредника между Константинополем и младотурками.

Этим последним пока удалось поддержать порядок в городе, и шумные, продолжающиеся здесь третий день манифестации пока обошлись без человеческих жертв. В Солунь ежедневно прибывают из провинции офицеры, принимавшие участие в революционном движении и до последнего времени находившиеся со своими приверженцами в горах. Все они встречаются восторженно здесь на вокзале и торжественно провожаются в город. Особенных оваций удостоился майор Энвер-бей, прибывший сюда из Монастыря в сопровождении особой стражи, составленной из солдат, бежавших с ним из полков. Имея на фесках и рукавах особые цветные значки и изображая из себя как бы национальную гвардию, они разъезжают по Солуни при восторженных криках толпы.

Сам Энвер, еще недавно состоявший в свите Хильми-паши для разных поручений, является теперь одним из влиятельных членов младотурецкого комитета и ведет от имени его переговоры с генерал-инспектором. Власть его, как я имел честь выше отметить, сведена теперь к нулю, и достаточно «вето» младотурецкого комитета, чтобы остановить любое правительственное распоряжение. Так, вопреки

[1]) В телеграмме от 25(12) июля 1908 г. Петряев сообщал о получении в Салониках султанского ирадэ о восстановлении конституции.

приказанию Порты отправить обратно девять присланных сюда из Анатолии редифных батальонов, комитет решил задержать их здесь и тем усилить имеющиеся в его распоряжении военные силы.

Сегодня, по распоряжению того же комитета, из солунской центральной тюрьмы выпущены все арестанты. Хотя большинство из них и политические, но среди них имеется немало четников, антартов и просто разбойников, всего более тысячи человек. Эти элементы в настоящее время представляют серьезную угрозу безопасности города. Хильми-паша вошел в переговоры с представителями комитета и добился от них обещания организовать усиленную патрульную службу. Вместе с тем он задним числом обратился в Порту с предложением даровать всеобщую амнистию.

Все эти факты показывают, что дело турецкого правительства в Македонии проиграно окончательно. Оно имеет против себя армию и все национальности, населяющие македонские провинции. Насколько мне известно, младотурецкий комитет решил не удовольствоваться уступками, сделанными уже правительством, в смысле восстановления конституции, а требовать изменения ее в либеральном направлении, дарования конституционных гарантий, отдачу под суд некоторых сановников и министров и производство в армии в чины с строгим соблюдением последовательности и старшинства.

Уже теперь здесь собралась особая комиссия из военных, подробно и тщательно рассматривающая случаи неправильного производства среди офицеров третьего корпуса. Офицеры, произведенные в высший чин благодаря протекции, будут приглашены от него отказаться или же оставить армию.

Управляющий здешними имениями, принадлежащими Liste Civile, получил приказание от младотурецкого комитета не посылать больше доходов с них в Константинополь, а класть все деньги депозитом, по указанию комитета.

Считаю долгом отметить, что со вчерашнего дня манифестации в честь конституции постепенно перешли в резкие и враждебные демонстрации против султана. В клубах и на площадях офицерами, духовными ходжами и просто любителями из народа произносятся речи, в которых имя его величества поносится самым ужасным образом. Портреты его, имевшиеся в разных общественных и частных учреждениях, выбрасываются на улицу и подвергаются оскорблениям.

Все это происходит под звуки музыки, гром аплодисментов возбужденной толпы, виватов в честь армии и народа и при полном бессилии официальной власти чем-нибудь этому воспрепятствовать.

Петряев.

Выписка из донесения управляющего гражданским агентством в Македонии от 27 (14) июля 1908 г. № 381.

Если посмотреть на последние события с точки зрения македонской действительности, то многое в них покажется искусственным, а многое преждевременным.

Болгары, видимо, неприятно поражены неожиданностью переворота. Они держатся выжидательного образа действий, но общее настроение их скорее подавленное, так как они сознают, что конституционный строй кладет предел их политическим вожделениям в Македонии. Греки, наоборот, сразу примкнули к младотуркам, рассчитывая использовать эту дружбу в узко-националистических видах.

С введением конституции центр тяжести политической борьбы перенесется на выборы в парламент.

Младотурки мало склонны сочувствовать слишком резкому самоопределению отдельных народностей, стремясь объединить всех под общим термином «оттоманов». Едва ли однако это уравнение возможно в Македонии, тем более, что сами турки желают быть первыми среди равных.

[Петряев.]

Копия рапорта военного агента в Константинополе от 28 (15) июля 1908 г. № 242.

Секретно.

Из телеграмм прессы вашему высокопревосходительству известны те грандиозные манифестации всеобщей радости и восторга, которыми здесь в столице встречено объявление конституции. Считая поэтому излишним подробно описывать эти манифестации, ограничусь лишь подчеркиванием некоторых характерных подробностей.

Громадные сборища народа прошли до сих пор без всякого нарушения порядка (при проходе через мост сорокатысячная толпа даже уплатила за проход). Власти ни разу не вмешивались, даже при выпуске заключенных они не помешали овациям.

Говорили речи, выступали женщины, сыновья министров и шейх-уль-ислама, имамы и офицеры; все подчеркивали значение дарованной свободы и кончили провозглашением здравия за султана.

При каждом удобном случае толпа выражает свою благодарность армии. Караулы на гауптвахтах вызывались офицерами для отдания чести проходившей толпе, которая махала платками солдатам и офицерам, отвечавшим тем же. Здесь утверждают, что офицеры и солдаты здешнего гарнизона теперь вполне солидарны с младотурками. Офицеры, разукрашенные эмблемами свободы и флагами, разъезжали по городу, смешиваясь с толпою.

Следует еще отметить, что мусульмане всячески афишируют, что они считают христиан своими братьями. Бывали случаи, что предводительствующие толпу имамы обнимали и целовали первого попавшегося европейца при криках толпы: «Мы все братья!»

Город все еще расцвечен флагами, и крики восторга умолкают лишь поздно ночью.

Сегодня ожидаются депутации из Салоник и Смирны для принесения благодарности султану.

Но, с другой стороны, прозвучали и серьезные диссонансы, не обещающие доброго для будущего.

Известия из Македонии тревожны. Говорят, что там запрещено провозглашать здоровье султана. Младотурки захватили власть и предъявляют султану свои требования гарантий данных привилегий. Требования поступили об удалении немалого числа лиц из до сих пор всесильной камарильи дворца, крайне ненавистной толпе. Султан пока уступает во всем. Сослан всесильный до сих пор второй секретарь султана Иззет-паша; мулла фанатик Абдул-Худе удален. Сегодня же был уволен инспектор военных училищ Измаил-паша — официально за то, что установил систему шпионства над учащимися, «глубоко возмутившую его величество». По той же причине был уволен и его зять Эссад-бей, начальник военно-медицинского училища. Уволен морской министр, на место которого назначен Халиль-паша; смещены префект города, министр полиции и пр. Что ни час, то сенсационная новость. Опасность положения заключается в том, что уступчивость делает толпу смелее, и примешиваются уже частные интересы. Извозчики начали, они требуют смещения главы своей корпорации (цеха).

Турецкая пресса заговорила языком, который далеко не способствует успокоению умов.

Трудно также ожидать умеренности со стороны выпущенных из тюрем до 40 000 политических заключенных. Сюда стекаются из провинции и из-за границы все сосланные за тридцатилетнее царствование, которые, наверно, не упустят случая свести личные счеты с виновниками томительной ссылки. Было бы также неосторожно думать, что интересы различных народностей могли бы слиться воедино кругом одного слова «конституция».

Словом, за 30 лет в воздухе накопилось столько электричества, что можно ожидать взрыва в какую угодно минуту.

Вся правительственная система султана рухнула как бы в один миг, а кругом его остались одни конституционалисты. Верною ему считается пока лишь одна 2-я пехотная дивизия, но есть люди, утверждающие, что и она сомнительна. Получается впечатление, что султан всеми

оставлен, и что ему осталось только согласиться на все требования младотурок во избежание дворцового переворота со всеми ужасами.

Хольмсен.

Телеграмма министра ин. дел поверенному в делах в Константинополе от 30 (17) июля 1908 г. № 956.

Французский посол просил нашего заключения о предложении его правительства официально, впредь до нового распоряжения, приостановить деятельность инструкторов жандармерии в Македонии, так как она на деле сама собой прекратилась, будто бы, в местностях, объятых младотурецким движением. По сведениям французского правительства, его офицеры-инструктора покинули свои посты и собрались в Сересе.

Я ответил, что, не имея сведений о каких-либо затруднениях, встречаемых русскими офицерами македонской жандармерии, я не вижу оснований согласиться на французское предложение и вообще считаю нежелательным официально отказаться от прав, приобретенных державами в этой области.

Благоволите, запросив Шостака, сообщить его и Робилана мнение о положении европейских офицеров, а также и соображения ваши по сему вопросу.

Извольский.

Телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 31 (18) июля 1908 г. № 158.

Считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на почерпнутое мною из секретных источников содержание двух писем, обмененных между секретарем султана и великим визирем (27) 14 сего июля.

В первом Саид-паша сообщает содержание телеграммы эрзерумского генерал-губернатора, дающего отчет о беседе своей с великобританским генеральным консулом в этом городе.

Выразив удовольствие, испытываемое его правительством вследствие восстановления конституции, консул спросил валия, не возможно ли будет ныне для Турции приступить к постройке железных дорог в Эрзерумской и соседних провинциях, освободившись от стеснений, наложенных на нее в свое время обязательствами по отношению к России.

Великий визирь присовокупил, что по сведениям, полученным чрез военного министра, многие офицеры IV корпуса якобы задаются тем же вопросом и ждут на него ответа.

В ответе своем Тахсин-паша сообщает великому визирю, что султан не преминул оценить чувства патриотизма, руководящие интересом, проявленным офицерами IV корпуса к данному делу, и усмотреть в вопросе великобританского консула доказательство сочувствия Великобритании к Турции. Так как мнение офицеров несомненно будет разделено и всем населением заинтересованных областей, то на обязанности депутатов, которых они пошлют в парламент, будет лежать поднять этот вопрос в свое время, и прения, которые он вызовет, несомненно будут иметь благоприятные последствия, так как избавят правительство от обязательства, принятого им на себя при обстоятельствах, ныне уже более не существующих.

Вышесказанное должно быть сообщено начальству IV корпуса и властям Эрзерумской провинции.

Нелидов.

Депеша поверенного в делах в Константинополе от 31 (18) июля 1908 г. № 156.

Восстановление действия турецкой конституции 1876 г. стоит на первом месте здешней политической жизни, оттесняя все остальные дела и даже на время лишая их почвы, так как дальнейшее развитие всех стоящих на очереди вопросов стоит в непосредственной зависимости от того направления, которое примут текущие события.

А в этой области прежде всего и невольно навязывался вопрос: искренна ли и прочна происшедшая перемена и не следует ли опасаться вторичного предания забвению начал конституции, как было 30 лет назад?

На этот вопрос значительное большинство слышанных мною мнений из числа могущих почитаться компетентными отвечает положительно, указывая прежде всего на разницу общего положения дел в эти две эпохи. Тогда конституция, теоретически выработанная правительством, была навязана неокрепшему на престоле султану, как бы в подражание и угоду Европе, дабы заслужить ее благоволение ввиду надвигавшейся извне грозы. Ныне движение идет снизу из народа, нашло себе орудие в лице армии, направлено в первую очередь против окружающей султана безответственной клики и чудовищно развитой системы шпионства, а в конечной перспективе имеет в виду освобождение Турции от европейского вмешательства и влияния, орудием и проводником коих и служили эгоистичные фавориты султана при полном безгласии и умышленном отстранении законного правительства — Порты.

Поэтому первым результатом движения и было уничтожение цензурных и полицейских стеснений, массовое освобождение из тюрем политических заключенных и даже уголовных преступников, первыми жертвами его — ближайшие сотрудники султана: великий визирь

(хотя мне известно, что и Ферид-паша доказывал необходимость возвращения к принципам конституции), военный министр Риза-паша, министр полиции. Ныне общественное мнение особенно озлоблено против министра внутренних дел, главного начальника артиллерии Зеки-паши (Зеки-паша сменен, и на его место назначен Али-Риза-паша, о коем слышны благоприятные отзывы), секретарей его величества, особенно второго — Иззета-паши, и четырех братьев-сирийцев Мельхаме, слывущих за взяточников и шпионов. Один из последних, министр земледелия и рудников Селим-паша, уже бежал в Европу не без содействия, как кажется, итальянского посла (дочь Селима замужем за итальянцем), другой арестован именем младотурецкого комитета. Как говорят, относительно многих должностных лиц султану представлены весьма категорические и строгие требования, неисполнение коих может повлечь за собой беспорядки.

Наряду с этим с первых же дней переворота стала слышаться и враждебная Европе нота. В числе первых, хотя и разрозненных и не подхваченных возгласов импровизированных ораторов на улицах столицы слышно было «долой иностранное вмешательство», «долой капитуляции». Если пока положительно ничего нельзя заметить враждебного по отношению к европейцам, то многие из ходящих слухов, несомненно, ложных, все же дают возможность судить о том, в каком направлении работает общественная мысль после 11-го июля. Не раз я слышал, что Хильми-паша подал в отставку, что все иностранные органы уже уехали и, наконец, что офицеры-младотурки заявили будто бы французским офицерам-инструкторам в Сересе, что в их услугах более не встречается надобности. (Генерал Робилан сообщил вчера итальянскому послу, что по отношению к органам реформ вообще и офицерам жандармерии в частности пока не замечается враждебного настроения.)

Мне кажется, что при оценке текущих событий не следует упускать из виду этих симптомов, несмотря на господствующий пока порядок и на пока еще загадочное братание христианских подданных султана с мусульманскими своими согражданами, братание, искренности коего столь противоречит вся прошлая история Турции.

Таким образом, за истекшую неделю военно-революционный характер переворота обрисовался ясно, и на ближайшее будущее следует опасаться не столько отступления султана с пути уступок, сколько предъявления со стороны руководящих движением младотурецких комитетов таких неумеренных требований, исполнение коих повело бы к анархии и международным осложнениям.

Опасность такого оборота, к сожалению, не устранена. Враждебное лично султану настроение выражается все настойчивее, и вчера

полученные из Адрианополя сведения сообщают слух о существовании в среде офицеров II и III корпусов заговора в видах низложения Абдул-Гамида и возведения на престол Юсуфа-Изеддина, сына султана Абдул-Азиса.

При таких условиях едва ли возможно будет на прежних основаниях не только коллективное контрольно-реформенное воздействие Европы в македонском вопросе, но, например, и совместное русско-английское примирительное посредничество в персидских делах, и я позволю себе высказать мнение, что раньше, нежели искать новых приемов в этих областях, каждой державе в отдельности предстоит произвести переоценку своего положения, своих средств воздействия и даже своих конечных целей в области отношений своих к Турции.

Нелидов.

Письмо поверенного в делах в Константинополе от 31 (18) июля 1908 г.

События и комментарии к ним идут одно за другим с такою быстротою, что нет возможности разобраться в этом беспорядке и расположить факты в мало-мальски связном виде.

Всячески извиняясь за нижеследующий перечень наполовину непроверенных слухов и предположений, я тем не менее не считаю себя в праве не упомянуть о них именно оттого, что, как я высказал уже в одном из своих сегодняшних донесений [1]), слухи эти могут служить показателем того, в каком направлении складывается общественное мнение.

Сама внешняя жизнь изменилась до неузнаваемости в одну неделю времени, и кто сколько-нибудь знаком с физиономией Константинополя за последнее десятилетие и даже более, тот на каждом шагу поражается совершенно небывалыми явлениями, каковы например: участие женщин в уличных манифестациях, свободное катанье принцев царствующего дома на обыкновенных пароходах, не говоря уже об уличных манифестациях вообще и свободном выражении мнений в газетах.

Очевидно, что отношение европейских держав к происходящему в Турции служит предметом всеобщего любопытства, для удовлетворения которого имеются пока лишь догадки и весьма еще краткие и неясные оценки западных газет.

В совершенно случайном факте передачи Ферид-паше знаков недавно пожалованного ему ордена Черного Орла за несколько часов до его смещения — стараются видеть доказательство того, что

[1]) См. предыдущую депешу.

происшедший переворот есть удар для германского, а попутно и австрийского влияния.

Назначение Саида считается торжеством для Англии, сторонником коей он всегда слыл, как и новый министр без портфеля (случай, кажется, небывалый) Киамиль-паша. При этом однако забывают, что названные сановники никогда не ладили друг с другом. В прежние времена англофил был синоним руссофоба. Как мнения обоих министров сложатся под влиянием англо-русского сближения, об этом я не имею указания, но молва продолжает строить свои сочетания на прежнем антагонизме, что и породило слух о том, будто русский флот наготове в Черном море для подавления турецкой конституции, и английский недалек от Дарданелл для противодействия замыслам русских.

Спешу прибавить, что в числе множества произносимых в эти дни на улицах и площадях импровизированных речей мне неизвестно ни об одной, явно направленной против России только, и, напротив, дошел слух о речи на тему о том, что «русские не враги».

Говорят, что особенно много несочувственных отзывов слышится по отношению к Германии и даже к императору Вильгельму.

Личным нападкам со вчерашнего дня подвергается итальянский посол за пособничество, несомненно, оказанное им бегству министра земледелия Селима-Мельхаме. Но доказать его участие в этом деле вряд ли удастся, как и единогласно подозреваемую причастность германского представителя бегству второго секретаря и любимца султана Иззета-паши, имевшему место вчера вечером.

Я опасаюсь, что совершенно произвольным комментариям будет подвержено и случайное совпадение отсутствия на сегодняшней церемонии селямлыка, кроме меня, и всех балканских представителей, кроме черногорского. Я намерен в случае вопросов сослаться не только на необходимость изготовить донесения к завтрашнему срочному пароходу, что в действительности и было главнейшей причиной моего отсутствия, но и на отсутствие какого-либо намека на то, что его величеству возможно будет видеть иностранных представителей в столь необычайный момент.

Вчера вечером положение представлялось скорее тревожным. Из тюрем были выпущены не только политические заключенные, но и обыкновенные уголовные преступники. Представители младотурецких комитетов, «de facto» распоряжающиеся пока делами, предъявили ряд требований о смене различных деятелей старого режима и грозили беспорядками в случае неисполнения этих требований.

Желания их мало-по-малу исполняются; так, отрешен от должности начальник артиллерии Зеки-паша и многие из непосредственно приближенных к султану лиц.

Благодаря этому революция — другого слова к текущим событиям применить нельзя — протекает пока совершенно тихо и бескровно, являя картину необычайной дисциплинированности народных масс и пока умеренности вождей.

Опасность, как мне кажется, кроется в неодинаковости надежд, возлагаемых на происшедший переворот различными национальностями Оттоманской империи.

Пока наиболее довольными являются греки, что объясняется как их сплоченностью в отношении расселения, так и наибольшей культурностью, сулящей им значительное влияние при действительно конституционном строе. Но и в греческой среде заметно и обратное действие новых порядков. Так, крайне властолюбивый патриарх Иоаким III весьма ловко пользовался строгими условиями турецкой цензуры для подавления неугодных ему течений в среде как синода, так и греческого общественного мнения вообще. Ныне орудие это выпало из рук его, и уже теперь заметен такой раскол мнений, хотя бы по вопросу об отношении патриархата к восстановлению конституции, каковую меру святейший Иоаким имел неосторожность осудить при первом же посещении своем нового великого визиря, — что весьма возможно, что давление турецкой власти понадобится для улажения внутренне-греческих распрей. Славянские народности скорее удручены, видя в «равноправности» христиан лишь вероятную гибель их нынешних национальных «вожделений».

Эти обстоятельства дают указание тому, как трудно будет Турции приладиться к действительно «свободному» строю и каких разнообразных затруднений следует опасаться в будущем при применении на практике начал конституции.

Но на ближайшие дни можно, кажется, предсказать относительное спокойствие, так как руководящие комитеты явно стараются не скомпрометировать своего успеха несвоевременными действиями или неуместными притязаниями.

Этим спокойствием необходимо было бы воспользоваться, дабы определить свое отношение к новому порядку вещей.

Нелидов.

Секретная телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 3 августа (21 июля) 1908 г.

Получил № 956 [1]). Генерал Шостак против немедленного приостановления деятельности офицеров-реорганизаторов. Многие их обязанности, например, обучение уставу, отчетность, патрулирование — не

[1]) См. выше стр. 38.

имеют отношения к совершившемуся перевороту. Однако, считаясь с обстоятельствами, он приказал офицерам уклоняться от всякой возможности столкновений с революционными комитетами, 6-х из 9-ти уволил в отпуск, остальным предписано воздерживаться от разъездов внутри страны. Генерал Робилан заявляет, что к офицерам все относятся почтительно, беспокойства неосновательны, меры французов в Сересе и англичан в Драме преждевременны. Итальянцы остаются на местах, австрийцы готовы по первому требованию собраться в Ускюбе. Им предписано продолжать свою деятельность с умеренностью и осторожностью, о чем будет издан и общий по реорганизации циркуляр. Робилан прибавляет, что правовое положение всех органов реформы прежнее и что не следует его ослаблять, дабы не связывать свободу дальнейших решений держав. Мне кажется, трудно выделить вопрос из всей совокупности отношений держав к новому строю, еще не выяснившемуся, и что предпочтительно ждать инициативы Турции в этих вопросах, дабы мочь выговорить в обмен либо дополнения конституции гарантией в пользу христианского населения, либо компенсации себе самим.

Нелидов.

Протокол особого совещания при министерстве ин. дел 3 августа (21 июля) 1908 г.[1])

Особое совещание было созвано министром иностранных дел 5 августа (23 июля) 1908 г. [2]) по случаю событий, происходивших в Турции. Открывая совещание, г. министр указал на некоторую опасность положения в Турции, которое в каждый данный момент может обостриться и потребует от нас известных действий. С этой целью он считал бы необходимым установить программу и определить имеющиеся у нас в настоящее время в наличности средства и способы действий, примерно сообразуясь с тем, что было предпринято в 1896 году во время армянских беспорядков, когда было установлено, что, по первому из Петербурга требованию, должна быть произведена посадка войск на суда нашей Черноморской эскадры, причем плавание этих судов было продолжено до марта 1897 года, для чего были отпущены соответствующие кредиты. Необходимо и ныне, чтобы события не застали нас врасплох и чтобы мы были готовы к защите своих интересов.

[1]) Участвовали в совещании: госуд. контролер Харитонов, пом. воен. министра Поливанов, начальник ген. штаба Палицын, постоянный член Совета госуд. обороны Иванов, морской министр Диков, вр. исп. об. начальника морского ген. штаба Каськов, тов. министра финансов Чистяков, посол в Париже Нелидов и посол в Константинополе Зиновьев.

[2]) Так в подлиннике; следует: «3 августа (21 июля) 1908 г.»

Далее г. министр в кратких словах очертил политическую обстановку данного времени. Признавая, что положение вещей изменилось не в нашу пользу, он тем не менее полагал, что общая политическая конъюнктура более выгодна для нас. Англия в прежнее время противилась нашим начинаниям на Востоке, ныне же она против нас не пойдет. Этому обстоятельству А. П. Извольский придавал особое значение. Допуская возможность действия в Турции в согласии с европейскими державами, он, тем не менее, указывал в совещании, что европейский концерт не доверяет Австро-Венгрии и Германии. Совокупность действий держав, конечно, приемлема для нас при условии обеспечения наших интересов. Надо предвидеть худшее в Турции. Возможно, например, убийство султана, полная анархия, опасность для жизни иностранцев, — одним словом, события в Оттоманской империи могут разыграться, как в Китае, и при таких условиях надлежит решить вопрос, следует ли нам принять возможное приглашение держав к действиям сообща.

Морской министр сообщил совещанию, что он может во время навигации послать два броненосца и два крейсера из Балтийского моря, а в зимнее время четыре судна будут находиться в Средиземном море, и что в особых на сие кредитах он не нуждается. На вопрос, какова боевая готовность наших судов, морской министр ответил, что полная.

На совещании выяснилось с достаточной очевидностью, что мы не готовы на какое-либо самостоятельное выступление, что мы можем принять участие в совместных действиях держав, но не более, а для занятия Верхнего Босфора и иных действий можно подготовиться лишь в будущем. Совещание высказалось за желательность скорейшей подготовки.

К заявлению г. министра, что нам нельзя итти на авантюру, а надо быть готовым ко всем случайностям, присоединяется большинство членов совещания.

Далее выясняются все подробности занятия нами Верхнего Босфора и возможность удержаться на занятых позициях, причем последнее обстоятельство было признано более чем сомнительным в случае войны с Турцией.

Совещание постановляет о необходимости разработать подробный план действий о мирном занятии Босфора без объявления войны Турции, при условии соблюдения всех мер предосторожности, дабы турки не узнали преждевременно о наших намерениях [1]).

---

[1]) На докладной записке Извольского от 5 августа (23 июля) 1908 г., в которой он ознакомил Николая II с результатами совещания, имеется резолюция последнего: «Вполне согласен».

Письмо советника посольства в Риме от 4 августа (22 июля) 1908 г.

О впечатлении, произведенном на г. Титтони происшествиями в Турции, и об опасениях, внушаемых ему ими, я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства секретной моей телеграммой от 18 (31) с. м.[1]). К сему долгом считаю прибавить, что министр выражался с необычайной для него непринужденностью и с явною искренностью по отношению к необходимости, которую он испытывает при вновь создавшихся условиях на Ближнем Востоке, быть с вами, милостивый государь, в непрестанных и откровенных сношениях. Предпослав, что его мысль далека от какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела Оттоманской империи, все внимание его в настоящую минуту направлено на те последствия, которые могут обрушиться на иностранцев, проживающих в Турции, если спокойствие в ней сохранить не удастся и если войско, поддержанное толпою, насилием станет преследовать водворение нового политического строя. По получаемым им сведениям, положение надо считать крайне серьезным, а в особенности потому, что правительство и органы его в провинции потеряли всякую уверенность в себе и уже, пока в исключительных случаях, стали предметом оскорбительного для них обращения. А потому ему кажется неотложным из простой предосторожности обсудить теперь же те меры, на принятие коих державы могли бы быть вынуждены, если бы ходом событий им пришлось заступиться за своих подданных. Отдельное действие каждой державы ему представляется связанным с опасностью вызвать новые и еще большие осложнения. Так, предположив, что итальянцы сделались бы жертвою какого-нибудь народного движения, например в Авлоне [2]), министр себя спрашивает, к чему могло бы повести военное заступничество королевского правительства в пределах Албании и на какие бы меры таковое побудило ту из держав, которая в Италии, несмотря на все его старания, продолжает подозревать стремление к захвату противоположного берега Адриатического моря. Сохранение общеевропейского мира посему он всего вернее видит в соглашении между державами и, в случае нужды, в общем их содействии, которое могло бы проявиться также как в Китае, когда правительства поспешили на освобождение европейских миссий, осажденных в Пе-

[1]) Телеграмма Корфа от 31(18) июля 1908 г. хранится в Архиве Вн. Политики в деле П. А. № 3083; содержание ее исчерпывающе передается публикуемым документом. В ответной телеграмме от 5 августа (23 июля) 1908 г. Извольский сообщал, что вполне разделяет точку зрения Титтони, готов приступить к предлагаемому им обмену мнений и предоставляет инициативу в данном деле Италии. Вместе с тем Извольский просил конфиденциально сообщить Титтони, что он допускает возможность посылки к Дарданеллам военных судов по две от каждой державы.

[2]) Валона.

кине. Министр настойчиво просил передать вашему высокопревосходительству его точку зрения, в надежде, что ввиду опасности, которая может наступить в каждое мгновение, вы не откажете ему сообщить ваше о ней мнение.

Передавая мне о заявлении, сделанном ему английским поверенным в делах об отказе его правительства от представлений Порте о летучих отрядах, г. Титтони мне сказал, что он понял, что с.-джемский кабинет совершенно берет назад свое предложение. Я счел долгом отметить, что по полученным мною от вашего высокопревосходительства указаниям сказанное предложение только отложено.

На вопрос мой, какие были, до наступления последних событий, шаги предприняты итальянским послом в Константинополе для достижения согласия Порты на предварительные изыскания железнодорожного пути от Дуная до Адриатики, министр мне ответил, что он неоднократно посылал самые энергичные инструкции маркизу Империали, но что теперь, очевидно, и этот вопрос должен будет разделить судьбу всех остальных предполагаемых реформ. О том, какого рода оппозицию Порта оказывала железнодорожному проекту, г. Титтони счел несвоевременным распространяться, также как он не познакомил меня с личным своим мнением о якобы заключенной между Австрией и Турцией особенной конвенции, а ограничился заявлением, что маркиз Империали в существование таковой не верит.

К о р ф.

Донесение поверенного в делах в Белграде от 4 августа (22 июля) 1908 г. № 64.

Происходящие в настоящее время в Турции события вызывают к себе скептическое отношение со стороны сербских правящих кругов.

До сих пор, впрочем, благодаря младотурецкой революции сербы получили довольно крупные выгоды. Так, были выпущены из тюрем томившиеся в них сербские священники, учителя и иные деятели; закончилась продолжительная распря между турецкими властями и рашко-призренским митрополитом и снова открылись в этой епархии сербские школы; есть надежда на благоприятное разрешение вопроса о сербском викарии в велешко-дебарской епархии и т. д.

Но здесь не без основания усматривают близкую и серьезную опасность со стороны арнаутов, которые, повидимому, обманулись в своих ожиданиях и были введены в заблуждение младотурками, с которыми до сих пор они были заодно.

По полученным здесь сведениям, в Прешевской, Гилянской и Кумановской казах арнауты разошлись по христианским селениям и обложили население рядом натуральных повинностей. Свои требования они основывают на том, что султан им возвратил конституцию, то есть

прежнее управление по духовному закону «шариата», и, следовательно, то блаженное для них время, когда мусульманин был полным и неограниченным хозяином над бесправною христианскою райею.

Если младотурки окажутся достаточно решительными и энергичными и при первых попытках со стороны арнаутов применить на деле столь своеобразно толкуемую ими конституцию пошлют против них войска и принудят их разоружиться, положение христиан будет обеспечено, и будет достигнуто то, на чем постоянно настаивало перед Европою сербское правительство.

В противном случае положение христиан будет ужасным, и они окажутся в полной зависимости от арнаутов.

Другую не столь, может быть, близкую, но не менее серьезную, опасность видят здесь в том моменте, когда воодушевление, вызванное восстановлением конституции, охладится и когда наступит ее практическое применение.

Трудно предположить, чтобы вчерашние фанатики мусульмане, враги христиан, вдруг, как в волшебной сказке, прониклись принципами свободы, равенства и братства и, отказавшись от своих недавних взглядов, согласились видеть в христианах равноправных с ними граждан. Если такая перемена и произойдет, то лишь после долгого времени, и во всяком случае, после долгой и упорной борьбы между представителями старого режима и последователями младотурок.

Опасность этой борьбы, которая не замедлит отразиться на всем христианском населении Оттоманской империи, независимо от его происхождения, побуждает ныне сербское правительство сделать шаг для сближения с Болгариею, чтобы совместными усилиями поддержать единоплеменное им славянское население Турции в случае рокового для него исхода вышеуказанной борьбы.

Сближение это тем возможнее, что в настоящее время отпадает главный повод распри между двумя соседними государствами, именно борьба из-за влияния в Македонии, ведшаяся при помощи банд.

Теперь банды эти разоружаются и расходятся по домам. Четники, сербские подданные, должны вернуться в Сербию. Интернированные же здесь различные «воеводы» и четники, состоящие в турецком подданстве, явившись предварительно в здешнюю турецкую миссию, вернуться в Турцию.

Первый шаг со стороны сербского правительства выразился в том, что г. Милованович, пригласив к себе болгарского дипломатического представителя, высказал ему о желательности и необходимости сблизить между собою Сербию и Болгарию ввиду созданного событиями в Турции совершенно нового положения вещей и опасности, которая может угрожать славянскому населению.

Г. Тошев немедленно сообщил о своем разговоре с сербским министром иностранных дел в Софию, но ответа пока еще не получил. Мне еще не случилось беседовать по этому поводу с г. Тошевым, но из разговора, который я имел с ним в прошлый четверг, на приеме у г. Миловановича, я вынес впечатление, что лично он вполне разделяет мнение сербского правительства и вполне готов способствовать осуществлению сближения между Сербиею и Болгариею. Он высказал мне, между прочим, что события в Турции уничтожили все то, на что Болгария положила столько усилий, что все ее успехи сведены на-нет и что она стоит теперь перед известной «tabula rasa».

Об ответе, который последует из Софии, я не замедлю своевременно доложить вашему высокопревосходительству. В ожидании же такового, я не премину воспользоваться каждым удобным случаем, чтобы поддерживать как в г. Милановиче, так и в г. Тошеве их благое намерение, могущее послужить лишь на пользу для обоих братских народов.

Б. Евреинов.

Письмо поверенного в делах в Париже от 6 августа (24 июля) 1908 г. [1])

Г. Пишон, которого я видел одно мгновенье на вокзале, по его приезде с президентом республики, назначил мне свидание на сегодняшнее утро, но потом он отложил разговор до завтра. Таким образом с сегодняшней почтой я ничего не могу отправить вам интересного, за исключением донесения о событиях в Вильнев-Сен-Жорж, которые сильно занимают правительство и возбуждают общественное мнение.

Турецкие дела возбуждают здесь смешанное чувство изумления, симпатии и опасений, в котором и сами французы с трудом могут разобраться. На парижской бирже турецкие ценности падают в течение нескольких дней. С одной стороны, нельзя отрицать, что младотурецкое движение и провозглашаемые им принципы находят сочувственный отклик в прессе, во французском обществе и в правительстве. В качестве иллюстраций я прилагаю к этому письму вырезку из «Temps», в которой дается отчет об аудиенции младотурецкой депутации у председателя совета министров.

Следует отметить, что, несмотря на то, что младотурецкие комитеты в течение многих лет имели своим местопребыванием Париж, их деятельность не обратила на себя особенного внимания французского

[1]) Перевод с французского.

правительства, и то, что произошло за последние недели в Македонии и в Константинополе, явилось совершенной неожиданностью для французских политиков и дипломатов.

Неклюдов.

Записка первого драгомана посольства в Константинополе от 6 августа (24 июля) 1908 г.

Настроение константинопольского населения крайне тревожно. Тревога вызывается сознанием, что упразднена какая бы то ни была власть. Власть султана не существует; он капитулировал перед революцией, вожаки которой, занятые исключительно борьбою с султаном и деятелями его режима, не выдвинули и не приобрели никого, кто бы мог подчинить своей воле разные неблагонадежные элементы.

Наибольшее опасение внушает упразднение дисциплины в армии, которая превратилась в вооруженные орды, послушные пока каждая своему отдельному начальнику, но в то же время сменяющие министров.

Нет сомнения, что не отвлеченная идея о благе конституции удерживает в пределах законности солдатскую массу, для которой самое понятие о либеральном строе совершенно недоступно.

Не меньшую тревогу вызывает в населении и двусмысленное поведение султана, которого подозревают в намерении ради личного своего спасения произвести кровавые беспорядки в Константинополе и тем вызвать иностранное вмешательство в свою личную пользу. В этих видах его клевреты из якобы упраздненной массы шпионов усиленно стараются в последние дни разжигать всегда существовавшую вражду между войсками гарнизона и дворцовой гвардией. Среди войск эти клевреты всячески подстрекают солдат против султана, внушая им мысль о необходимости его удаления, а дворцовую гвардию они же убеждают крепко стоять за Абдул-Гамида, которому-де она всем обязана.

При малейшем столкновении гарнизона с гвардией, по почти всеобщему здесь мнению, выступят уже прямо на убийства и грабеж города толпы всякого сброда, преимущественно курдов, как то было во время армянской резни, и, может быть, тоже по приказанию султана.

Население возлагает надежды на русскую и английскую эскадры, которые, по общему убеждению, уже находятся близ проливов.

Таково здесь настроение. Следует отметить, что и среди революционного комитета не отрицается как тайная провокаторская деятельность султана, так и возможность наступления таких событий.

Казалось бы, что иностранные правительства не должны упускать из вида такой возможности и заблаговременно принять соответствующие меры.

Майков.

Циркулярная телеграмма министерства ин. дел от 7 августа (25 июля) 1908 г. № 988.

Я отправляю сегодня нашим представителям в Берлине, Вене, Лондоне, Париже и Риме циркулярную депешу с приложением проекта македонских реформ, выработанного с.-петербургским кабинетом, к каковому проекту вполне присоединился лондонский кабинет. Этот проект сообщается однако кабинетам только для сведения, причем в упомянутой депеше я высказываю мнение, что, ввиду новейших событий в Турции, державам следует воздержаться покуда от всяких действий, в которых можно было бы усмотреть недоверие к принятому султаном и турецким правительством решению осуществить объявленные ими преобразования. Далее я заявляю, что мы будем с живым сочувствием и интересом следить за стараниями Турции обеспечить осуществление предпринятых ею реформ и будем избегать всякого вмешательства, которое могло бы затруднить достижение этой цели. В заключение я заявляю, что Россия, верная своим историческим традициям и опираясь на права, вытекающие из трактатов, лишь тогда сочтет лежащую на ней, как и на других великих державах, задачу по отношению к Македонии оконченною, когда меры, принимаемые в Турции, приведут к действительному улучшению положения этой области. В противном же случае российское правительство сочтет своим долгом указать державам на необходимость возобновить прерываемую ныне их совместную преобразовательную деятельность.

Послам:

Благоволите предупредить о вышеизложенном министра иностранных дел.

Посланникам:

Благоволите руководствоваться вышеизложенным при разговорах ваших с министром иностранных дел. Полный текст циркулярной депеши высылается вам для сведения по почте.

Извольский

Секретная телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 7 августа (25 июля) 1908 г.

Сегодня после селямлыка, к коему были через министерство иностранных дел приглашены все иностранные представители, султан, приняв нас сообща, заявил, что, признав, что настало время применить им же дарованную конституцию, он вновь ввел ее в действие и намерен никогда впредь от нее не отступать. Просил нас передать это заявление, а также его привет нашим государям. Старейшина — итальянский

посол — ответил поздравлением от имени своих коллег за принятое «мудрое» решение, заметно подчеркнув слова «конституция», «свобода», «оттоманская нация» и «ответственные советники».

Нелидов.

Письмо начальника ген. штаба министру ин. дел от 9 августа (27 июля) № 704/1337.

Секретно.

На № 734 [1]).

Милостивый государь

Александр Петрович.

25 июля я сообщил командующему войсками Одесского округа о том, чтобы штаб этого округа безотлагательно приступил к безотлагательной разработке всех подготовительных мероприятий для производства десантной экспедиции согласно заключению совещания под вашим председательством, состоявшегося 21 июля [2]). Прошу морского министра, чтобы в разработке этих мероприятий принял участие начальник морских сил Черного моря и его штаб. В основу разработки вопроса должно быть положено, что экспедиция должна быть организована с наличными средствами, имеющимися в Одесском округе и в Черноморском флоте.

Удовлетворяя этим неотложные требования минуты, я организую вместе с тем совещание для разработки вопроса совместно с морским генеральным штабом о производстве экспедиции при более законченных и благоприятных условиях материальной подготовки. О средствах, которые окажутся необходимыми для экспедиции, оба генеральные штаба сообщат своим министерствам для зависящих распоряжений.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Ф. Палицын.

[Письмо 23/25 июля № 682/1315 [3]).

Телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 10 августа (28 июля) 1908 г.

Получил № 988 [4]).

Заметив за последние дни стремление местной печати создать неблагоприятное нам течение общественного мнения уверениями, будто

[1]) В письме от 8 августа (26 июля), адресованном участникам совещания 3 августа (21 июля) 1908 г. (Палицыну за № 734), Извольский, сообщая о резолюции Николая II на его докладной записке от 5 августа (23 июля), просил их сделать соответствующие распоряжения.

[2]) См. выше, стр. 42.

[3]) Отнесено в примечания в подлиннике без указания, к чему относится.

[4]) См. выше, стр. 51.

Россия одна несочувственно относится к происшедшей здесь перемене строя, я счел долгом воспользоваться первым же посещением моим Киамиль-паши в прошлую субботу, чтобы в присутствии министра иностранных дел сделать заявление в смысле содержания указанной телеграммы вашего высокопревосходительства. Министры отнеслись к моим словам скорее сдержанно.

Нелидов.

Выписка из донесений ген. консула в Смирне от 11 августа (29 июля) и 12 августа (30 июля) 1908 г. №№ 211, 212, 213.

Конституционные веяния отразились в Смирне на стачке портовых рабочих, что заставило многие пароходы, в том числе и русский, уйти из Смирны не разгруженными.

Обращение консулов к властям не принесло желательной пользы по причине полного бессилия властей в настоящее время. Ввиду этого агенты пароходных компаний обратились за помощью к местному младотурецкому комитету, приславшему отряд солдат, при приближении которого забастовщики ретировались и пароходы могли произвести разгрузку при помощи своих матросов.

Центральный солунский комитет «Союза Единения и Прогресса» прислал в Смирну доктора Назим-бея в качестве своего инспектора для Малой Азии. Ему устроена была торжественная встреча и парадный обед с участием валия.

По настоянию младотурок, многие местные чиновники вынуждены покидать свои места, но справедливость требует заметить, что до сего времени жертвами движения являлись лица, действительно заслуживающие кары, вследствие чего сочувствие масс безусловно на стороне младотурок.

Деятельность смирнского их комитета носит явно враждебный по отношению к султану характер. По настоянию комитета, войска вместо прежнего приветствия султана кричат теперь «Да здравствует нация!» Звезда на фесках устранена, так как «звездою» (ильдыз) называется султанский дворец.

Местное греческое население стремится придать новому движению характер греко-турецкого братания. Это обстоятельство поставило в весьма неловкое положение посетивших недавно Смирну их высочества греческих королевичей Андрея и Христофора. Местные греки устроили так, что августейшие особы встретились в митрополии с представителями младотурок, которые и были им представлены митрополитом.

Беляев.]

Выписка из рапорта военного агента в Константинополе от 13 августа (31 июля) 1908 г. № 258.

Современное внутреннее политическое состояние Турции характеризуется полным господством комитетов «Единения и Прогресса», которые успешно исполняют функции властей, поддерживая в стране примерный порядок. Этому много способствуют необыкновенный подъем духа и оптимизм, которыми проникнуты все слои общества. Всем особенно хочется показать, что Турция может обойтись и без постороннего вмешательства. Это — самое больное место не только турок, но и других народностей империи.

Больше всего опасаются вмешательства со стороны России. Пресса была настроена к нам крайне враждебно. Депеша 24 июля о временном невмешательстве в турецкие дела появилась как нельзя более кстати. Враждебное настроение печати было навеяно нашими противниками. Газеты попытались даже скрыть русское сообщение, но опомнились под давлением комитета, на который наше сообщение произвело свое отрезвляющее действие. Тем не менее впечатление враждебности России к новому строю Турции остается в низших слоях и увеличивает вековую ненависть к нам.

Подобное настроение весьма выгодно Австрии и Германии, которые, несомненно, будут и впредь стараться в этом направлении, если с нашей стороны не будут предприняты энергичные контр-меры в духе уже сделанного заявления или иного воздействия на печать и народные массы.

Для будущих отношений России и Турции настоящий момент представляется важным поворотным пунктом. Революция может быть использована нами так, как никем из прочих держав. Пункты наших трений с Турцией незначительны, в особенности по сравнению с западными державами. В наших руках все козыри, чтобы расположить к себе молодую Турцию и вырвать ее из числа наших противников.

Водворение порядка в ней выгодно нам еще в том отношении, что мы можем освободиться от той массы беспокойного армянского элемента, которая перешла к нам после 1896 года.

Если мы не расположим к себе Турцию в настоящее критическое время, то рискуем превратить ее в злейшего и опасного врага.

Даже в случае неуспеха революции проявление наших симпатий может повредить нам в весьма слабой степени, а добрые отношения с мусульманским миром всегда останутся положительным результатом этого. [Х о л ь м с е н.]

(Окончание следует.)

Разгон II Государственной Думы.

Разгон II Думы и издание закона 3 июня 1907 г. знаменуют собою крайнюю точку исхода революции 1905 г. Она завершает революционную эпоху и начинает контрреволюционную. С этой точки зрения рассмотрение и изучение обстоятельств, связанных с этим моментом, представляет много поучительного.

Вниманию читателя предлагаются небольшие выдержки из записок Ф. А. Головина, председателя II Думы, протокольная запись думской комиссии, выбранной по поводу требования правительства о выдаче с.-д. депутатов, и протокол заседания к.-д. фракции Думы, посвященного тому же вопросу. Эти документы требуют некоторого пояснения.

II Дума была левее нежели I. В ней «левый блок» играл выдающуюся роль. Но мог играть несравненно большую, если бы не оппортунистическая тактика господствовавших в с.-д. фракции меньшевиков и шедших за ними народников. Оппортунистическая тактика, в основном, выразилась в нежелании и в неумении бороться с кадетами, с контрреволюционностью либералов, стремившихся, по выражению Ленина, помирить октябристского помещика с трудовиком-крестьянином в интересах помещика. Меньшевики и народники не сумели в Думе до конца отстоять самостоятельность своей позиции и, начиная с голосования за кадета Головина в председатели Думы, фактически по целому ряду решающих вопросов отдавали гегемонию кадетам.

Главным лозунгом кадетов во II Думе, как и в I, было — сохранение Думы во что бы то ни стало. Этот лозунг означал не что иное, как стремление договориться, сторговаться с самодержавием об уступках ценой удушения революции.

С первых шагов Думы Ленин указывал на неизбежность ее разгона самодержавием, как только будут обсуждены бюджетный и аграрный вопросы.

«Военно-полевые суды и прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых дотоле массах и дали из глубины мужицких масс левую Думу. Кадеты, эта партия центра в русской революции, ослаблены по сравнению с первой Думой. Кадеты поправели несомненно, но при такой Думе, в такой момент правительство совершенно не в состоянии заключать с ними сделки. С октябристами кадеты могли бы слиться, и они неуклонно идут к этому: достаточно назвать г. Струве и г. Головина. Но в том-то и особенность данного положения, что нет кадетско-октябристского большинства в Думе. Весь «центр» безнадежно раздавлен обостренной борьбой крайних: монархистами справа и левой частью Думы. Эта часть достигает двух пятых. Ее роль в Думе громадна. Ее влияние в массах очень велико. Ее растущая связь с этими массами не может быть оборвана никакими полумерами.

Разгон Думы диктуется для правительства необходимостью: не прибегая к насилию, оно не в состоянии выпутаться из создавшегося положения» [1]).

Ленин уже в начале марта на основе анализа соотношения сил прямо указывает на близкий разгон Думы, на то, что «неизбежна отмена избирательного закона» [2]). И, как бы предвидя кадетские рассуждения о незаконности подобного разгона, Ленин пишет, что «право роспуска Думы есть архи-«законное» право на почве той конституции, которую жалкие либералы так глупо превозносили и так предательски убеждали народ взять всерьез» [3]).

Кадеты сознательно закрывали глаза на неизбежность разгона Думы, молчали об этом, скрывали это от масс, стремясь всеми путями протащить свою тактику «бережения Думы» во что бы то ни стало.

Эту тактику бережения Думы кадеты проповедывали, уже зная, что готовится разгон Думы. И они стремились поспешно найти условия, выгодные самодержавию, на которых возможно выторговать сохранение Думы.

Кадеты могли догадаться, чтобы не сказать — знали, — и на какой почве произойдет разгон II Думы. Когда с.-д. Зурабов в резких выражениях отозвался о «подвигах» русской армии на «фронтах внутренних», то произошел инцидент, и все правые пытались использовать его, как репетицию разгона. Головин, уже в 1917 г., в своих показаниях перед Чрезвычайной Следственной Комиссией правительства Керенского сообщает, что и царь был недоволен его поведением во время этого инцидента. Совершенно было очевидно, что на почве отношения с.-д. (а какие бы оппортунистические ошибки фракция ни делала, все же она была руководящей в левом блоке) к армии возможно и провоцирование инцидентов и соответствующее их использование. Когда положение со II Думой стало очень напряженным, Головин испросил аудиенцию у царя. Сперва его приняли очень холодно, но когда Головин заговорил о зурабовском инциденте (очевидно, холопски оправдываясь), «отношение государя сразу изменилось» [4]).

Николай, резюмируя беседу, заявил, что Дума неработоспособна («работоспособный центр ее слишком незначителен») и что выход из положения — роспуск Думы и созыв новой. Головин намекнул Николаю, что роспуск может дать еще более левую Думу. На это Николай ответил, что речь идет уже о созыве новой Думы на основе не старого избирательного закона, а на основе нового, измененного. Головин тут же поспешил начать торг, заявив, что у кадетов заготовлен проект избирательного закона, но его рассмотрят осенью, и тогда «можно будет говорить о роспуске Госуд. Думы» [5]).

Но самодержавие не нуждалось в кадетском варианте изменений избирательного закона, к тому же отложенном к рассмотрению на осень. Бюджет был рассмотрен, заем заключен, французские банкиры получили заверительную подпись кадетов на вексельном бланке, аграрный проект Кутлера провален — и Думу можно было разогнать,

---

[1]) Ленин, Соч., т. XI, изд. 2-е, стр. 27, «Близкий разгон Думы и вопросы тактики».
[2]) Там же, стр. 29.
[3]) Там же.
[4]) «Падение царского режима», т. III, стр. 367.
[5]) Там же, стр. 366—367.

Новый избирательный закон уже готовился, и Крыжановский в своей записке писал, что был принят вариант выборов единой курией, но под надзором имущих классов, вариант, названный даже в Совете министров «бесстыжим». «Когда Столыпин докладывал государю, его величество изволил смеяться и решительно сказал: я — за «бесстыжий» [1]).

Дальше вопрос был только в технике разгона. А техника уже была срепетирована на зурабовском инциденте и на обсуждении «срочности» запроса с.-д. фракции (3 апреля) об истязаниях в рижской тюрьме и предании 74 человек военно-полевому суду. Если во время зурабовского инцидента Струве кричал по адресу с.-д.: «Вон», то во время обсуждения «срочности» запроса кадеты пустили в ход всю свою профессорско-адвокатскую опытность, чтобы не обсуждать его широко, все спрятать в комиссию, не допустить срочности, но с предложением комиссии «ускорить» рассмотрение вопроса.

Самодержавие из всего поведения кадетов могло заключить, что они молчаливо будут проделывать «конституционную комедию», не разоблачая стремления самодержавия разогнать Думу, что кадеты будут на «законной» почве искать «законных» оснований в любом насильственном акте самодержавия.

И когда Столыпин 1 июня предъявил провокационное требование выдать с.-д. фракцию, то кадеты продолжали тактику закрывания глаз на уже совершающийся государственный переворот.

Вместо обсуждения тут же, вместо того, чтобы всенародно обличить самодержавие в гнусной подделке, Головин «прений по существу не допустил», а Дума, передав в комиссию разбор вопроса, отказалась от боя.

На предложение Церетели на следующий день прекратить никому ненужные прения о реформе местного суда и обсудить подготовку государственного переворота Гессен ничего другого не нашел ответить как то, что такое обсуждение было бы актом антиконституционным.

Между тем 2 июня комиссия, выбранная Думой, сразу же сумела уличить судебные власти в подделке. Но комиссия не спешила выносить своих решений. Недаром председатель фракции к.-д., резюмируя прения, дипломатично заявляет: «не затягивать [работ комиссии], но работу, серьезную по существу, продолжать, пока не будет сделан окончательный вывод». Это значит, по существу, дать директиву затягивать обсуждение комиссии и уклониться от прямой стычки с самодержавием.

Для оценки тактики либеральной буржуазии в революции 1905 г. чрезвычайно характерно выступление Милюкова, который с исключительным цинизмом (он говорил с глазу на глаз с единомышленниками) заявил, что «мы отказались от политической точки зрения, выбрав комиссию, и перешли на юридическую». А «зачинщиков необходимо выдать» [2]).

---

[1]) «Падение царского режима», т. III, стр. 423, допрос Крыжановского.

[2]) Не лишено известной пикантности сообщение Челнокова о поездке 2 июня ночью его, Струве, Булгакова и Маклакова к Столыпину с целью уговорить последнего не распускать Думы.

Столыпин явно издевался над кадетами, заявив почтенной делегации, что он «крайне удивлен» их позицией: «Я думал, что вы, как кадеты, пойдете нам навстречу, потому что»

Кадетская комиссия, поспешив освободиться от стенографов, занялась юридическими вопросами, больше всего беспокоясь, как бы в погоне за быстротой не пожертвовать «крупицей достоинства доклада».

Одного взгляда на материалы судебно-следственных властей было достаточно, чтобы вывести заключение о грубой подделке. Это было ясно комиссии. Было это ясно и самодержавию, потому оно так и спешило с разгоном Думы. По той же причине самодержавие так обеспокоилось, когда в 1913 г. всплыл во второй раз (в первый раз после разоблачения Бродского) вопрос о провокации «в деле» с. д. фракции.

Обстоятельства этого подробно изложены в воспоминаниях В. Войтинского [1]) и в многочисленных допросах в Чрезвычайной Следственной Комиссии (преимущественно Герасимова, Н. А. Маклакова, Комиссарова, Крыжановского, Джунковского, Щегловитова и др.)

Особенно интересны материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, выяснявшей этот вопрос в связи с делом провокаторши Шорниковой. Только два обстоятельства мы подчеркнем из этого обширного материала. Во-первых, то, что все дело было подстроено охранкой. Ген. Герасимов показывает: «Одним словом, Столыпин сказал, чтобы арестовать с поличным» [2]). Наказ был, конечно, известен до арестов и обысков. Комиссаров показывает: «Я помню, что в то время, как отправлялись на обыск, Еленский [жандармский полковник, «ведавший» Шорниковой. — *И. Т.*] и Герасимов твердили, что должны быть застигнуты нижние чины и должен быть застигнут наказ»

Экземпляр наказа, написанный Войтинским, был переписан Шорниковой в 2-х экземплярах. Один экземпляр был дан ею солдатам, а другой — Герасимову. Экземпляра, полученного от солдат, Озоль не дал, сославшись на депутатскую неприкосновенность, и тогда охранкой был предъявлен другой экземпляр, так как могло отсутствовать главное вещественное доказательство.

Крыжановский писал: «Когда выяснилась невозможность жить со II Думой и необходимость в чрезвычайном порядке изменения избирательного закона, вдруг, как по щучьему велению, возникло среди левого крыла Думы преступное сообщество для ниспровержения государственного строя» [3]).

Для Крыжановского, как и для всякого близкого к административно-полицейской кухне, не было никаких сомнений о происхождении «дела» с.-д. фракции. И только для меньшевиков, в их ренегатско-ликвидаторском затмении, было неясно, что все дело в грубейшем заговоре, а не в большевистском стремлении играть с огнем, пренебрегать безопасностью парламентской фракции ради «бланкистских» и «заговорщических» предприятий «во славу всенародного вооруженного восстания».

если мы устраним из Думы с.-д., у вас будет] кадетское большинство, и тогда вы можете проводить вашу политику». («Падение царского режима», т. VI, стр. 312.)

[1]) См. «Летопись революции» № 1, Берлин, 1923, а также публикацию С. Валка — «Красный архив», 1926 г., т. XVI.

[2]) «Падение царского режима» т. III, стр. 4.

[3]) «Падение царского режима», т. III, стр. 421.

Насколько весь «заговор» был шит белыми нитками, показывает то смятение, которое воцарилось в правительственных сферах в связи с письмом Шорниковой. Провокаторша Шорникова была своевременно убрана, но потом, испытывая материальные затруднения, дала о себе знать департаменту полиции. Шорникова заявила, что передала в охранку о желании военной организации, чтобы солдаты передали членам с.-д. фракции наказ [1]). «Подполковнику Еленскому я сообщила день и час, когда должны были явиться солдаты во фракцию. На это подполковник Еленский мне заявил, что начальник охранного отделения (генерал Герасимов) ездил к министру Столыпину, который выразил желание иметь наказ, который был еще написан от руки. Так как солдаты плохо читали по-писанному, то мне, как секретарю, было предложено членами организации перепечатать его на пишущей машине. Заботясь об охранном отделении, я вместо одного экземпляра напечатала 2 экземпляра, причем первый экземпляр, с печатью комитета, я отдала в организацию, а второй подполковнику Еленскому. Наказ же от руки я с членом организации Елабеевым уничтожила. Я точно сообщила, когда и куда пойдут солдаты... Состав фракции был почти полностью, часть ее была предупреждена, но большинство не знало о приходе солдат и было смущено и даже, увидев солдат, перепугалось. Когда солдаты прочли наказ, то Озоль взял его и сказал: «Вы идите, дабы не возбуждать подозрения, а мы вас поддержим». Как только успели выйти, то прошло не более 5 минут, как явилась полиция. Наказ остался в портфеле у Озоля, которого полиция не обыскала, так как Озоль указал на свою неприкосновенность. В обвинительном акте фигурирует не этот наказ, а второй экземпляр, переданный мною подполковнику Еленскому» [2])

Шорникова напомнила — и очень некстати — о крайне неудобном для правительства казусе. Оставляя в стороне моменты, связанные с материальным и юридическим положением Шорниковой, укажем только на то, какое впечатление произвела на правительственную верхушку возможность огласки и разоблачения истинной подкладки «заговора» с.-д. фракции. Было созвано экстренное заседание Совета министров. Кривошеин, — рассказывает Белецкий, — схватился за голову. Такое же впечатление произвело сообщение о подвигах департамента полиции по организации «заговора» на Сазонова. Коковцов — уж на что бывалый человек, отлично знавший меру подлостей правительственного аппарата — и тот был растерян. По словам Белецкого, «оглашение этого дела давало богатый материал не только для запроса, но и для скандала для правительства» [3]).

Н. А. Маклаков (министр) показывал, что «... возбуждение дела поднимало тот вопрос, о котором члены Совета министров полагали, что он обострил бы общую атмосферу» [4]), так как выяснилось бы, что в центре «дела» стоял провокатор.

---

[1]) Текст его опубликован в «Красном архиве», т. XVI, стр. 78—80.

[2]) «Падение царского режима», т. V, стр. 96—97. См. также «Красный архив» т. XVI, стр. 95.

[3]) «Падение царского режима», т. III, стр. 412.

[4]) Там же, стр. 120.

Опыт с Азефом стоил дорого самодержавию, и повторять его снова означало бы итти на всемирный скандал и позорище.

Выход был подсказан Щегловитовым, который заявил, что с помощью своего ведомства (т. е. министерства юстиции) и Сената он берется провести дело так, чтобы процесс (фиктивный — над Шорниковой) «прошел бы в самом желательном духе». Режиссер процесса Бейлиса был вполне уверен в необходимых качествах своего судейского ансамбля.

На втором заседании Щегловитов докладывал, как будет организована судебная комедия.

Насколько грубая подделка и здесь выступала наружу, можно судить по тому, что писала «приличная» буржуазная газета «Vossische Zeitung» в номере от 10 октября 1913 г. по поводу сенатского решения о деле Шорниковой: «Сенат в Петербурге признал легальность и безнаказанность самого подлого провокаторства. Это дело доказывает отсутствие всяких оснований для процесса по обвинению в государственной измене социал демократической партии второй Думы».

Поучительные страницы из истории русского «парламентаризма».

И. Татаров

Из записок председателя II Госуд. Думы Ф. А. Головина [1]).

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЕ.

1 июня.

Давно ожидавшаяся гроза грянула. Началась предсмертная агония Думы.

Утром, перед началом заседания, по приезде моем в Таврический дворец, я получил письмо Столыпина, написанное им собственноручно и помеченное внизу письма 31-м мая, а вверху слева, где напечатано: «Записка для памяти от председателя Совета министров министра внутренних дел», 1-м июня 1907 г. Письмо было следующего содержания:

«Милостивый государь
Федор Александрович.

Имея сделать Государственной Думе заявление, нетерпящее отлагательства, покорнейше прошу вас не отказать предоставить мне слово в начале заседания, причем на основании ст. 44 учр. Гос. Думы, прошу закрыть заседание для публики.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин».

---

[1]) Особый отдел Московского Центр. Исторического Архива.

Я тотчас же сделал распоряжение об удалении публики, которая стала уже собираться на хорах, и о прекращении впуска новой.

Среди членов Думы поднялась тревога. Левые, особенно с.-д., предчувствуя, вероятно, что что-то замышляется правительством против них, были встревожены более всех других. Ко мне в кабинет заходили некоторые из членов Думы с вопросом, не знаю ли я, что за сообщение собирается сделать Столыпин. Удовлетворить их естественное любопытство я не мог. Я показывал им приведенное письмо Столыпина и заявил, что кроме этого письма я более ничего не знаю. Очень беспокоился с.-д. Салтыков, один из товарищей секретаря Думы. Из его слов я предположил, что с.-д. подозревают, что дело идет о привлечении их к суду. Правые, — так мне казалось, — знают, в чем дело, и ликуют. Во всяком случае, кроме догадок, мне ничего верного не было сообщено. С очень тяжелым чувством от ожидания неизвестного, но, вероятно, плохого сюрприза, я пошел открывать заседание под звон всегда раздражавшего меня призывного звонка, трещавшего во всех помещениях дворца, кроме зала заседаний. Войдя в последний за колонны, я встретил там Столыпина. Здороваясь со мною, он и тут не счел нужным предупредить меня, о чем будет речь, а лишь подтвердил просьбу о предоставлении ему слова в самом начале заседания. Ходил, между прочим, довольно упорно слух, будто Столыпин собирается прочесть указ о роспуске Думы. Я поздоровался с ним холодно и тотчас же взошел на председательское место, чтобы открыть заседание. Члены Думы быстро наполнили зал, и водворилась тишина нервного ожидания. Открывая заседание, я доложил, что председатель Совета министров мне заявил о своем желании сделать срочное заявление Думе и что, согласно ст. 44 учр. Госуд. Думы, я назначаю заседание закрытым, по заявлению председателя Совета министров.

На трибуне появилась высокая и мрачная фигура Столыпина, с бледным лицом, темною бородою, кроваво-красными губами. Своим металлическим голосом он доложил Думе, что прокурор Петербургской судебной палаты доложит решение судебного следователя о привлечении некоторых членов Думы к суду. За ним поднялся на кафедру прокурор Петербургской судебной палаты Камышанский и прочитал печатное постановление судебного следователя, тут же розданное членам Думы, о привлечении 55 членов Думы к следствию, а также поднимал вопрос об устранении их из состава Думы.

Чтение этого постановления продолжалось долго. По окончании его я прений по существу вопроса не допустил, заявив, что на основании § 96 наказа ни одно дело, на повестку не поставленное, не может

рассматриваться по существу в том же заседании и лишь может обсуждаться вопрос о дальнейшем направлении дела.

Заседание тянулось с небольшим перерывом на обед, до $12^1/_2$ час. ночи. Требование судебного следователя было передано особой комиссии, которая должна была рассмотреть все данные, на основании которых было предъявлено обвинение, и представить свое соображение Думе.

В день роспуска Думы, 3 июня, перед отъездом моим в Москву, я обедал в ресторане Кюба вместе с членом этой комиссии В. Д. Кузьминым-Караваевым. Он мне передал, что комиссия затребовала подлинное дело обвиняемых членов Думы и нашла, что главный документ обвинения, лоскут бумаги, найденный во время обыска на полу в квартире депутата Озоля, имеет надпись не ту, какая значится в акте судебного следователя. В этом акте указано, будто на этой бумаге было написано: «Переслать в военную организацию». Между тем на подлиннике была надпись: «Переслать в В. О.» По объяснению членов с.-д. фракции, эта надпись должна быть читаема так: «Переслать в Виленский отдел». Причем в подтверждение этого утверждения указывали, что эта бумага находилась в конверте, адресованном в г. Вильно. Когда Камышанскому была показана эта подлинная бумага и указано, что дешифрирование судебным следователем этой сокращенной фразы является не только произвольным, но и недопустимым для следователя деянием, именуемым подлогом, Камышанский был очень смущен. Этот казус, весьма компрометирующий судебную власть, случился 2 июня, а третьего Дума была распущена.

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕ.

2 июня.

Последнее заседание второй Госуд. Думы, полное тревожных предчувствий близкого ее конца.

Началось заседание покойно и деловито, как будто все идет своим чередом и Думе ничего не грозит. Совершенно покойно прошли срочные текущие дела. Был оглашен длинный список поступивших в Думу от разных министерств законопроектов. Но тотчас по окончании этих дел по вопросу о порядке дня попросил слово социалист-революционер Горбунов и предложил сделать перерыв на полтора часа «для обсуждения тех вопросов, которыми в данное время заняты фракции и которых обсудить они еще не успели». Это предложение было поддержано социал-демократами и народно-социалистами.

Дума постановила сделать перерыв на один час.

Я пошел в кабинет председателя. В этот день я был не совсем здоров. Пришедшим ко мне в кабинет нескольким членам фракции

к.-д. я сообщил, что собираюсь по нездоровью передать председательствование Н. Н. Познанскому, но они очень просили меня этого не делать, предупреждая, что в этом заседании можно ожидать осложнений со стороны левых. Пришлось согласиться и провести все заседание самому.

По возобновлении заседания Дума перешла к продолжению обсуждения основных положений законопроекта о местном суде. Трибуну занял очередной оратор Венславский.

По окончании его речи я доложил, что за подписью 31 члена Думы поступило предложение о прекращении прений о местном суде.

Против этого предложения высказался к.-д. кн. Долгоруков. «Фракция, к которой я имею честь принадлежать, — заявил этот оратор, — считает нужным те законоположения, которых страна ждет с таким нетерпением, а именно — законоположения по местному суду и самоуправлению, обсуждать возможно подробно и совершенно спокойно, вплоть до летних вакаций или до того момента, когда мы будем лишены физической возможности работать. Пусть вся страна видит, что мы в Думе стремились заниматься законодательной работой по жизненным для нее вопросам. Мы будем до последней минуты, не взирая ни на что, спокойно, в сознании долга и ответственности, работать над тем, для чего сюда посланы — для созидательной законодательной работы»...

Предложение о прекращении прений было Думою отклонено.

Слово было предоставлено следующему очередному оратору по обсуждавшемуся законопроекту о реформе местного суда. Однако по окончании его речи мне снова пришлось докладывать Думе о двух новых предложениях, одно о полном прекращении прений по обсуждаемому вопросу, другое о сокращении времени речей до 10 минут.

На трибуну вошел соц.-дем. Церетели. «Я мотивирую предложение о прекращении прений тем, что в настоящую минуту перед нами стоит вопрос о государственном перевороте», — говорил Церетели. Предлагая перейти к вопросу о бюджете, с целью, конечно, отвержения бюджета, а также к вопросу об отмене изданных правительством по 87 ст. законов, Церетели закончил свою речь словами: «Руководствуясь не формальными соображениями о наказе, а соображениями по существу, соображениями о благе народа, которыми Дума обязана руководиться, ибо она послана сюда народом, мы предлагаем поставить на обсуждение те вопросы, которые могут показать народу, на какой почве создается конфликт и подготовляется государственный переворот этих заговорщиков» (жест вправо).

Несомненно, предложение Церетели о переходе к обсуждению вопросов о законопроекте, на повестку не поставленных, было бы

явным нарушением наказа и закона, требующего уведомления министров о дне, назначенном для обсуждения законопроектов. Если бы Дума вняла призыву Церетели и отменила все изданные по 87 ст. законы, то такое постановление Думы не имело бы законной силы, как сделанное с нарушением установленного законом порядка обсуждения законопроектов.

«Кроме того, что поставлено на повестку, ничего иного к обсуждению допущено не будет»,—категорически заявил я на слова Церетели.

Против предложения Церетели от имени партии народной свободы выступил В. Гессен. «То, что нам предлагается, — говорил Гессен, — носит характер решительно антиконституционный... Конституционно-демократическая партия всегда стремилась оставаться на строго конституционной почве и действовать в рамках существующих законов, стараясь использовать на благо народа те права, которые принадлежат по закону Госуд. Думе, и с этой почвы конституционно-демократическая партия в настоящее время, при серьезных условиях, переживаемых Думой и страной, не сойдет, ибо, по глубокому нашему убеждению, в укреплении, а не в колебании конституционного строя заключается единственное спасение страны».

Дума отклонила предложение о полном прекращении прений, а также и предложение о сокращении времени речей до 10 минут.

Едва высказались два оратора в пределах менее даже чем десятиминутных речей, как поступило новое предложение о полном прекращении прений. Так как в наказе нет ограничений для подачи подобных предложений хоть после каждого оратора, я должен был доложить Думе и дать слово ораторам за и против этого предложения.

За предложение говорил с.-р. Архангельский. Указав на то, что настоящий момент требует от членов Думы полного самообладания, ибо Дума накануне государственного переворота, Архангельский призывал членов Думы выполнить свой долг перед населением и перейти к обсуждению вопросов, ранее перечисленных с трибуны Думы, «не смущаясь теми формами наказа, которых нам предлагают держаться».

Против предложения говорил к.-д. Аджемов. «Мы всегда говорили, что только на почве права мы имеем возможность вести борьбу за настоящее народное право, — говорил этот оратор, — и если нам говорят, что готовится переворот, если этот переворот явится контр-революционным актом и будет низвержением того строя, который существует, то мы не должны становиться на ту же почву. Мы будем продолжать ту же работу, работу созидания права на основании конституционных начал, и если мы будем стоять на этой позиции, то

вся вина за этот переворот ляжет на их головы (жест на ложу министров). История их осудит, осудит их и народ».

Дума вновь отклонила предложение о прекращении прений.

К.-д. Аджемов, как очередной оратор, продолжал речь по вопросу о местном суде. Заканчивая свою речь, Аджемов коснулся вопроса злобы дня. Он находил, что Дума, приступив к работе над реформою местного суда, тем самым подняла и укрепила авторитет Думы в глазах народа, но это же самое обстоятельство явилось причиной, что над нею «темные тучи реакции собрались с особенною силой».

После речи Аджемова поступило новое предложение о полном прекращении прений.

Для мотивировки этого предложения выступил народно-социалист Волк-Карачевский. Его маленькая речь была полна пессимизма. Дума ничего до сих пор не сделала, так сделаемте, что успеем, в те несколько часов, которые остались в нашем распоряжении. Вот ее главная часть в подлиннике: «Я считаю, что раз мы знаем и большинство из нас твердо уверено, что мы умираем, — умереть мы должны так, чтобы эта смерть отозвалась на всем народе, чтобы она отозвалась на будущих поколениях. Господа, мы сидим здесь три месяца. Что мы дали стране? И теперь, когда мы уходим, мы должны сказать, что в тот момент, когда мы почувствовали, что мы умираем, мы до конца исполнили свой долг; мы постараемся восполнить то время, которое мы провели даром, и сделаем что-нибудь такое, что действительно принесет пользу народу».

И снова Дума отклонила предложение о прекращении прений и перешла к очередным делам, обсуждаемым перед окончанием заседания.

К.-д. Кизеветтер, председатель комиссии для рассмотрения постановления судебного следователя о привлечении к суду 55 членов Думы, доложил, что она работ своих к вечернему заседанию не закончит, и просил Думу отложить заслушание доклада комиссии до понедельника 4 июня. Тут же он указал, что комиссия приступила к непосредственному рассмотрению делопроизводства, на котором основан доклад судебного следователя, и что рассмотрению этого материала комиссия придает чрезвычайно важное значение.

Я уже упомянул, что это был за материал. Вынести его на думскую трибуну правительство не могло, конечно, допустить. Ему оставалось одно средство — распустить Думу, что и было исполнено, как известно, в ту же ночь со 2-го на 3-ье июня.

Соц.-дем. Церетели внес предложение о назначении вечернего заседания для обсуждения законопроектов, внесенных по 87 ст., и вопроса о бюджете.

На предложение Церетели я заявил так: «Так как вопрос, который вы подняли, есть обсуждение законопроектов, внесенных по 87 статье, то я должен сказать, что они могут быть заслушаны не ранее, как через три дня после уведомления министров. Очевидно, по закону вопрос не может обсуждаться сегодня. Кроме того, внесено предложение назначить к слушанию сегодня в вечернем заседании доклад бюджетной комиссии по вопросу о порядке внесения в Думу докладов по рассмотрению государственной росписи. Этот вопрос на вечернем заседании может быть заслушан. Но должен предупредить тех членов Госуд. Думы, которые предполагают по этому поводу говорить вообще о бюджете, что таковое обсуждение может быть не ранее, как он будет внесен в Госуд. Думу бюджетной комиссией. Так надлежит по наказу. Пока же комиссия внесла только доклад о порядке обсуждения бюджета, и только в пределах этого вопроса могут быть суждения».

Дума отклонила предложение о вечернем заседании. Доложив затем Думе о поступивших делах, я объявил, что на понедельник назначено закрытое заседание для заслушания и обсуждения доклада комиссии 22 по представлению министра юстиции от 1 июня 1907 г.

Заседание было закрыто в 5 ч. 59 м. пополудни.

Но в понедельник нам не суждено было вернуться в здание Таврического дворца.

На следующий после описанного заседания день я встал довольно поздно, так как в Думу не спешил ввиду праздничного дня (было воскресенье). Когда я пил утренний кофе один, ко мне пришел один из сотрудников какой-то газеты, не помню, какой. Я несколько был удивлен, так как сотрудники газет знали, что я уклоняюсь от бесед с ними, опасаясь каким-либо неосторожным словом или не совсем правильной передачей ими моих слов вызвать какое-либо осложнение в тяжелое и без того положение Думы и ее председателя. Однако я пригласил его сесть и приготовился выслушать его вопросы. Он начал говорить о настоящем политическом моменте, характеризуя его как предвестник сильной реакции. Так как отношение к Думе со стороны правительства было крайне отрицательное, роспуск Думы ожидался с часу на час, я в его словах не нашел ничего неожиданного и слушал его молча.

«Как вы думаете, Федор Александрович, какова будет новая Дума? Что даст новый избирательный закон? Вы его прочли?»

«Какой избирательный закон? Разве Дума распущена и издан новый избирательный закон?» — спросил я собеседника.

Тут только я узнал, что манифест о роспуске Думы уже объявлен, а с ним вместе и новый избирательный закон, изданный в нарушение

основных законов, знаменитый закон 3 июня, давший России Думу третьего созыва, во главе которой стоял прислужник П. А. Столыпина А. И. Гучков!

Почти в тот же момент мне подали конверт из какого-то министерства, — кажется, торговли, — с надписью «Председателю Гос. Думы». Так как в это время Думы уже не было, не было и ее председателя, я, не вскрывая конверта, написал обратный адрес министерства и отдал посланному.

Немедленно я поехал в помещение к.-д. фракции. Там я застал спокойствие. На мой вопрос, не собираются ли в Выборг или еще куда, и что вообще намереваются делать бывшие члены Думы, мне заявили, что решено принять совершившееся вполне спокойно и разъехаться по домам.

В тот же день вечером я уехал в Москву. Тяжело, конечно, было сознание, что Дума оказалась не в силах принести какую-либо существенную пользу народу, но было, по крайней мере, чувство облегчения от сознания, что Дума не сделала ни одного жеста, который мог бы дать повод обвинить ее в нарушении конституции и тем оправдать возврат к старому, доконституционному порядку.

Протокол заседания фракции партии народной свободы 2 июня 1907 г.

В а с и л ь е в. Уступчивость партии казалась мне невозможной. Исключение целой политической фракции—это уже начало переворота. Даже 2—3 нельзя выбросить, нельзя забывать заслуг пролетариата перед конституцией.

Ш м а р и н. Нет разницы между 1 и 55. Постановление о привлечении — дрянная бумажка. Правительство рассчитывает сделать Думу орудием для борьбы с крамолой.

Б у л г а к о в. Современное положение — гнойник. Действовали два яда: правительственный и революционный яд с.-д. Задача момента — высказать точку зрения партии, не потворствующей революции, заговору против народного представительства. Нельзя прикрывать грехи с.-д. Во всяком случае, мы должны принять формулу перехода, в которой сказать наше «credo». $^2/_3$ нашей энергии уходило на борьбу с товарищами слева. Путь роспуска, который избрало правительство, опять отбрасывает нас влево. Это выгодно правительству, оно превращает всех в своих врагов. Не находя возможным выдачу, признаем... [1])

К о р н и л о в. Если можно выдать кого-нибудь, то можно выдать и всех. Нельзя обсуждать выдачу комитета, потому что их 2.

[1]) Так в подлиннике.

Весь документ компрометирует всю фракцию не с юридической, а с политической точки зрения. Следовало бы указать, что законодатели не должны быть заговорщиками. Равнения налево не убежишь, но это не оставит глубоких следов. В Думе ничего, кроме отказа в выдаче тех, против кого не обосновано обвинение, ничего нельзя будет сделать.

М и л ю к о в. Если у нас выбьют из рук единственный наш оазис — законность, тогда посмотрим. Мы не допускаем объединения заговора и законодательной деятельности. Поэтому мы не прикрываем преступления, но правительство само сделало ошибку, перейдя на политическую точку зрения, на борьбу с политическим направлением. Выдать фракцию мы не можем. Мы отказались от политической точки зрения, выбрав комиссию, и перешли на юридическую. Дума, оберегая идею представительства, должна рассмотреть вопрос по существу и поставить предел свободы борьбы правительства с с.-д., как таковыми. Зачинщиков необходимо выдать.

Б а р д и ж. Борьба за идею представительства должна продолжаться в будущем. Значит, остается и политическое значение момента. Правительство — постоянный враг представительства. Сил для этой борьбы мало, мы должны их усилить. Поэтому, если не выдадим никого, мы себя дискредитируем и убьем идею народного представительства в стране. Нельзя выдать фракцию огулом, но виновных нужно выдать.

Т а т а р и н о в. Вчера как будто бы мы сговорились, что факт будем обсуждать по существу. Но Васильев и Шмарин переносят факт в область политической борьбы. С этим я не могу согласиться. Я не могу согласиться и с П. Н. Милюковым. Роспуск последует неизбежно, и наше положение будет иметь политическое значение. Мы должны на это реагировать и доказать, что и в Думе и вне ее наши действия одни и те же. Мы должны указать, что путь действий с.-д. вреден. Уличенных комиссией мы должны выдать и определенно сказать, как мы смотрим на такие выступления, сказать так, как полагает Булгаков.

М о г и л я н с к и й. Надо устранить некоторые аргументы, как такой, что Дума все равно будет распущена. Мы признаем наличность положения, когда нероспуск Думы хуже роспуска. Никого не выдавать — значит покрыть преступление. Всякое решение трудно сейчас, но испытание надо превозмочь. Надо отбросить сомнения, и в отношении лиц, обвинение против которых доказано, допустить выдачу.

С м и р н о в. Если бы мы имели конституцию, мы могли бы обсуждать факт, как факт, и выдать виновных. Но так как у нас только видимость конституции, то мы не можем никого выдать; нельзя выдать одного преступника другому.

Петражицкий. Дело не о выдаче преступника преступнику, а о выдаче конституционной свободы. У нас силы нет.

Милюков. Я хочу защититься от подозрений Татаринова. Что будет вне Думы, посмотрим. Мы должны беречь себя как конституционная партия, но то, что мы получили, мы получили не конституционным путем. Стало быть, надо знать, что кроме нас есть и другие политические партии, которые сделают то, что мы не захотим сделать. Я не хотел бы, чтобы то, что называется конституционным кретинизмом, было запечатлено в каком-нибудь документе. Мы защищаем Думу и выдаем виновных.

Председатель. Стоять ли на политической или на юридической точке зрения, т. е. никого не выдавать или выдать виновных?

Большинством всех против 8 решено выдать тех, фактическое участие которых в заговоре было бы установлено.

Председатель. Нужно ли выработать формулу, излагающую взгляд партии на момент?

Милюков. Вчера я желал, чтобы было сделано партийное заявление. Тогда констатировалось резкое различие мнений. Одно из крайних было мнение С. Н. Булгакова. Эта декларация не соответствует средней линии всей партии. Такой документ затруднил бы положение нашей партии. Было бы и желательно выработать декларацию, но думская невозможна, а на партийную не будет времени.

Петражицкий. Я — против жизни от дня до дня, но смысл решения огромного большинства ясен. Если мы признали, что решительного ответа нет, если партии не выдаем, но есть повод виновных выдать, смысл нашего постановления несомненен. Стало быть, исключена и необходимость партийной декларации.

Стахович. Я не согласен с Милюковым. Многие разделяют взгляд Булгакова. Человек без сердца не может быть, и партия без credo не может существовать.

Булгаков. Я не должен вносить ответственных предложений в такой важнейший момент. Перед нами забота не о партии, а о стране. Нас не поймут в широких массах, если мы никого не выдаем. При выполнении принятого решения мы можем оставаться непонятыми.

Аджемов. Если комиссия вынесет положение никого не выдавать, нужно бы мотивировать свое положение.

Набоков. Я полагаю, что комиссия будет бессильна установить индивидуальную виновность. Или всех выдаст или никого. Если комиссия и Дума откажут, тогда нужно сказать, что правительство — провокатор. Значит, нужно обсудить и действия после роспуска.

Милюков. Фракция не должна предрешать действия партии. Предложение Булгакова есть только материал для комиссии, которую следует избрать, если придется написать партийное заявление. Передвигать партию вправо трудно.

Председатель. Надо еще решить, должна ли комиссия затянуть работу.

Булгаков. Мы уже забрали вправо. Но если комиссия откажет в выдаче всех, надо ясно объяснить положение.

Должна ли комиссия затягивать?

Председатель. Не затягивать, но работу серьезную по существу продолжать, пока не будет сделан окончательный вывод.

Принято.

Председатель. Нужна ли декларация в Думе?

Не нужно.

Журнал № 1 заседания комиссии Государственной Думы по рассмотрению постановления министра юстиции от 1 июня 1907 года за № 290.

1907 г. июня 2 дня заседание открыто в 11 часов 40 минут утра; закрыто в 12 час. — мин. ночи.

Присутствовали: председатель комиссии А. А. Кизеветтер, секретарь комиссии Ф. Хан-Хойский, члены комиссии, поименованные в приложенном к настоящему журналу списке [1]), в числе 22; кроме того, в собрании присутствовали члены Государственной Думы А. А. Стахович, К. К. Черносвитов, М. В. Челноков [2]), В. А. Харламов, В. П. Успенский [3]), С. Н. Булгаков, М. А. Стахович, Кушников и некоторые другие, а с 4 часов дня до 11 ч. 40 м. ночи прокурор С.-Петербургской судебной палаты Камышанский.

По открытии заседания старейшим из членов комиссии А. И. Парчевским было приступлено к избранию председателя комиссии. При подсчете записок оказалось за А. А. Кизеветтера — 12, за В. Н. Тесленко — 6 и за А. И. Парчевского — 1. Секретарем комиссии было предложено избрать Ф. Хан-Хойского, что и было принято комиссией единогласно.

---

[1]) Список в деле отсутствует. В закрытом заседании Госуд. Думы в пятницу 1 июня 1907 г. избраны были: 1) Маклаков, 2) Кизеветтер, 3) Тесленко, 4) Гессен, 5) Пергамент, 6) Араканцев, 7) Петровский, 8) Кониц, 9) Березин, 10) Парчевский, 11) Кутлер, 12) Карташев, 13) Булат, 14) Струве, 15) Хан-Хойский, 16) Сайко, 17) Караваев, 18) Демьянов, 19) Кузьмин-Караваев, 20) Деларов, 21) Ширский, 22) Тигранян.

[2]) Секретарь Госуд. Думы.

[3]) Харламов и Успенский — тов. секретаря Госуд. Думы.

Председатель предложил обсудить вопрос о порядке занятий.

Демьянов. Необходимо сохранить подробности заседания и с этою целью пригласить стенографов для записи происходящего в комиссии.

Ширский. Можно ограничиться приглашением трех лиц законодательного отдела, которые, под руководством секретаря комиссии, достаточно подробно запишут сущность прений.

Предложение Ширского принято.

Тесленко. Необходимо изучить подробно постановление судебного следователя о привлечении 55 членов Государственной Думы в качестве обвиняемых. При этом следует разрешить вопросы: 1) нужно ли истребовать документы, на которые имеются ссылки в постановлении судебного следователя; 2) нужно ли допросить привлекаемых и 3) представляется ли необходимым пригласить для объяснений представителя министерства юстиции? Засим, покончив с фактической стороной дела, вопрос о привлечении 55 членов Государственной Думы необходимо будет решить в отсутствии как привлекаемых, так и представителей министерств.

Карташев. Возможно обойтись без громоздких и ненужных подробностей и разрешить вопрос в пределах предъявленного постановления.

Пергамент. Нужно разрешить вопрос о пределах компетенции комиссии: будет ли комиссия добывать новые материалы или отнесется формально, ограничившись проверкой постановления судебного следователя?

Тесленко. Изучение должно предшествовать всему; сейчас, прежде обмена мнениями, нужно познакомиться с делом; при ознакомлении выяснится, представляется ли необходимым истребование новых документов или нет.

Петровский. Согласен с Тесленко; изучение документа, если даже признать все изложенное в нем доказанным, не может привести к заключению, что социал-демократическая фракция совершила деяние, предусмотренное 102 ст. уголовного уложения.

Булат. Согласен с мнением Петровского.

Кузьмин-Караваев. Также согласен с мнением Петровского.

Тигранян. Нужно прочесть постановление; но прежде всего мы должны определить, в чем заключается наша работа; мы не судебное учреждение; если же наша работа не судебная, то какая же она? Надо познакомиться с постановлением. Мы должны знать, в чем обвиняют; когда мы узнаем, в чем обвиняют, то вопрос о том, может ли Дума карать, мы должны решить с политической точки зрения;

не вопрос о доказанности обвинения стоит перед нами, но вопрос об обвинении самом по себе; если бы это обвинение оказалось даже доказанным, то дальше нам все-таки предстоит выяснить вопрос о совместимости обвинения с званием депутата, а потом уже обсуждать обвинение по существу.

Демьянов. В первую очередь нужно прочесть постановление. Сначала надо оценить политическую точку зрения, но не оставлять без внимания и судебную сторону, остановившись на ней подробно: это желание многих членов Думы. Мы не следственная власть, но мы должны посмотреть, соответствует ли этот материал требованию ареста и изгнания. Эту часть нашей работы надо расширить. Мы можем дискредитировать постановление, если обвиняемые докажут, что оно ложно; например, наказ войск; если Озоль скажет, что он подброшен, то это может иметь значение. Необходимо установить соответствие фактического материала постановления с его финалом; проверить фактический материал мы должны. Таким образом, нам предстоит решить два вопроса: 1) возможно ли вообще допускать, чтобы предъявлялись такие требования, и во 2) обсудить юридическую сторону этого дела.

Березин. [1]) За недостатком времени расширять круг исследования прямо вредно; нужно ознакомиться с постановлением следователя.

Ширский. По существу рассматривать обвинение в смысле доказанности его невозможно; средств для проверки нет. Государственная Дума, когда передавала вопрос на наше рассмотрение, определенно подчеркнула, что вопрос должен быть рассмотрен с политической и моральной точки зрения. Иначе рассматривать мы не можем.

Председатель. Все согласны, что нужно прочесть постановление. Затем следующий вопрос: надо ли требовать каких-либо дополнений?

Кузьмин-Караваев. Нужно потребовать из канцелярии и прочесть представление министра юстиции, ввиду несоответствия его с постановлением судебного следователя.

Пергамент Читает представление министра юстиции от 1 июня 1907 года за № 290.

Кузьмин-Караваев. Нет обязательной связи между привлечением в качестве обвиняемого и устранением из Думы. Для привлечения к следствию не нужно устранять из Думы. Министр юстиции идет дальше судебного следователя.

Тесленко. Следователь, привлекая, не заботится о том, кого он привлекает. Заботиться об устранении из Думы должен ми-

[1]) Тов. председ. Госуд. Думы, трудовик.

нистр юстиции. Следователь упоминает в постановлении 16 ст. учр. Госуд. Думы, [1]) потому что лишь на основании этой статьи могут быть взяты под стражу 16 [2]) членов Государственной Думы.

Кузьмин-Караваев. Имеет ли министр юстиции право инициативы в вопросе об устранении членов Государственной Думы? Государственная Дума принимает участие в разрешении вопроса о лишении членов Думы свободы, устранение же депутатов может последовать лишь по инициативе самой Думы.

Гессен И. Тесленко неправильно сказал, что следователю нет дела до того, кого он привлекает; сталкиваясь с тем, что привлекаются члены Государственной Думы, следователь, для лишения их свободы на основании 16 ст. учр. Гос. Думы, обращается к министру юстиции, а министр юстиции доводит до сведения Государственной Думы, Дума же держится той точки зрения, которая была ею выражена несколько раз. Министр юстиции был вправе сказать, что это — дело государственной важности.

Маклаков. Согласен с Кузьминым-Караваевым. Постановление следователя есть формальная неправильность. Устраняемые члены Государственной Думы пользуются ли иммунитетом? Если не пользуются, то зачем ссылка на 16 ст.? Тогда довольно было бы их устранить и затем взять под стражу на общем основании; если же они пользуются иммунитетом, то постановление следователя некорректно. Министр юстиции вправе обращаться к нам с указанием, что нужно арестовать и что он просит решить этот вопрос скорее. Но если говорить об устранении, то вопрос об этом есть наше домашнее дело; он не связан со следствием; здесь мы юстиции не помогаем. Не знаю, какой мы можем сделать из этого вывод, но некоторое несоответствие между представлением министра юстиции и законом, несомненно, налицо.

Пергамент. Нам надо разрешить следующие вопросы: 1) надо установить, что нет связи между требованием об устранении и судебным следствием; 2) решить вопрос о выдаче 16 лиц; 3) Кузьмин-Караваев и Маклаков не правы; первая стычка с правительством была

---

[1]) Текст 16 статьи: «Для лишения свободы члена Г. Д. во время ее сессии должно быть испрошено предварительное разрешение Думы, кроме случая привлечения члена Думы к ответственности в порядке, указанном в ст. 22, равно как случая задержания при самом совершении преступного деяния, и на следующий день».

[2]) И. Г. Церетели, 2) И. И. Кириенко, 3) А. Л. Джапаридзе, 4) В. И. Митров, 5) Г. А. Алексинский, 6) И. П. Озоль, 7) С. Н. Салтыков, 8) Н. В. Комарь, 9) Г. Е. Белоусов, 10) П. А. Аникин, 11) Л. Ф. Герус, 12) В. Б. Ломтатидзе, 13) В. А. Анисимов, 14) В. М. Серов, 15) А. К. Виноградов, 16) И. А. Лопаткин.

именно на вопросе об устранении. Влечет ли за собой статья 20 [1]) отмену неприкосновенности? Конечно, нет. Ст. 16 здесь сопоставлялась со ст. 20; вопрос о соотношении между устранением и задержанием не подлежит нашему разрешению. Нам предъявлено два требования: 1) об аресте 16 человек, 2) об устранении 39; можно одно принять, другое отвергнуть; генерал-прокурор в полном праве предлагать применение 20 и 21 ст. ст., но дальше это — компетенция Думы; два этих требования ни в какой связи не состоят.

К и з е в е т т е р. Читает представление министра юстиции от 1 июня 1907 г. за № 290. Таким образом, требование состоит: 1) в безотлагательном согласии на арест и 2) в решении вопроса об устранении; первый министр [2]) указывает лишь на необходимость разрешить немедленно эти вопросы.

Д е м ь я н о в. Согласен с Кузьминым-Караваевым и Маклаковым. Министр превысил бы свою власть, если бы требовал устранения членов Думы, но он этого не сделал; есть намек, что вопрос должен быть разрешен в известном смысле, но нам нельзя становиться на почву намека; это очень шаткая почва. Надо отметить то, что прочел Столыпин: если вы не разрешите, то это вызовет чрезвычайные последствия.

(Говорят несколько членов комиссии сразу. Нельзя разобрать.)

Г е с с е н И. Если Маклаков согласен, что в речи Столыпина заключается требование, то ведь он уже говорил, что между требованиями на словах и на бумаге разницы нет.

М а к л а к о в. Мнение министра, что устранение необходимо в интересах следствия, представляется неправильным.

Г е с с е н И. Необходимо разрешить вопрос о связи между устранением и следствием. Нельзя упускать из вида, что устранение требуется не на всю сессию, что устраняемые лишаются только права участия в заседаниях, но не теряют неприкосновенности.

К а р т а ш е в. Надо начать чтение документов.

Т е с л е н к о. Факт тот, что наши товарищи привлечены к следствию, а в какой форме написана министерская бумага, это безразлично. Говорить по формальному вопросу имело бы смысл, если бы мы отказывались от обсуждения дела по существу.

---

[1]) Текст 20 статьи: «Член Госуд. Думы временно устраняется от участия в собраниях в случае: а) привлечения к следствию или суду по обвинению в преступных деяниях, означенных в пункте а, стр. 7 Положения о выборах в Думу или влекущих за собою отрешение от должности, и б) объявления несостоятельным должником — впредь до определения свойства несостоятельности».

[2]) Т.-е., председатель Совета министров П. А. Столыпин.

Б у л а т. Требование министра бестактно. О 16 привлекаемых вопрос нужно разрешить немедленно; относительно остальных быстроты не требуется.

К у з ь м и н - К а р а в а е в. Вопрос имеет не только академическое, но и практическое значение. Государственная Дума имеет право оставить требование министра юстиции без ответа. Ст. 16 говорит о распоряжении судебной власти: министр юстиции власть административная. Министр юстиции в своем представлении идет дальше судебного следователя, т. е. дальше того, что требуется в интересах судебного следствия. Судебный следователь упоминает в своем постановлении только о 16 лицах; если бы он считал нужным упомянуть о всех 55, то он так бы и сделал, а министр юстиции прибавляет еще 39. Согласен с Булатом, что это два разных вопроса: о 16 депутатах нужно решить сейчас, а об остальных следователь никакого вопроса не возбуждает.

П р е д с е д а т е л ь. Предложение Кузьмина-Караваева вполне конкретно; оно касается разделения вопроса. Угодно ли комиссии принять предложение Кузьмина-Караваева?

К у з ь м и н - К а р а в а е в. Я не настаиваю сейчас на моем предложении. Сначала нужно прочесть постановление; оно естественным образом делится на несколько частей: 1) — до конца страницы 6, 2) — до 14, 3) — до резолютивной части и 4) — резолюция.

П р е д с е д а т е л ь. Следует прочесть все сплошь. (Читает заявление председателя Совета министров, сделанное в заседании Государственной Думы 1 июня 1907 г.)

С е к р е т а р ь. Читает постановление судебного следователя.

Чтение постановления закончено в 1 ч. 40 мин. дня.

П р е д с е д а т е л ь. Не угодно ли высказаться о порядке обсуждения?

Предложено назначить перерыв.

Предложение принято, и объявлен перерыв заседания на 30 минут.

Заседание возобновилось в 2 ч. 45 мин.

Т е с л е н к о. Следует установить порядок последующего рассмотрения: нужно ли ознакомиться с подлинными документами и опросить привлекаемых лиц? По моему мнению, ни того, ни другого не нужно делать.

С т р у в е. Необходимо, для ознакомления с фактической стороной дела, пригласить прокурора судебной палаты и министра юстиции.

К о н и ц. Согласен с Тесленко, мы не судебная комиссия; для нас постановление судебного следователя — единственный мате-

риал. Прокурор и министр повторят то, что сказано в постановлении следователя. Если бы мы стали делать больше, мы вышли бы из поставленных нам границ.

Пергамент. Никаких других данных нам не нужно; истребование подлинных актов не есть расширение полномочий комиссии: это только поверка извлечений. Опрос привлекаемых лиц не нужен. Равным образом, не нужно приглашать министра юстиции и прокурора, но против этого, впрочем, я не возражаю.

Гессен И. Предрешать возбужденный вопрос не следует; может быть, придется опросить привлекаемых; когда, например, мы дойдем до надписи: «Передать в военную организацию», то, конечно, следует спросить, была ли надпись и кто ее сделал. Зачем нам нужен сейчас прокурор и министр юстиции?

Кузьмин-Караваев. Допрос привлекаемых может оказаться нужным. Есть письма от комитета фракции без даты; надо выяснить, к какому времени они относятся. Осмотр документов необходим. Проверка данных следствия не расширяет пределов работы. Присутствие министра юстиции излишне, так как он не производил следствия, но присутствие прокурора палаты нужно, чтобы предъявить нам материалы предварительного следствия.

Струве. Есть акты, которые можно разъяснить только опросом привлекаемых и прокурора судебной палаты; например, на стр. 6: «при осмотре» и т. д. до конца абзаца... «нижеследующее». Эта выдержка имеет существенное значение, так как упоминаемая программа относится ко времени до 17 октября 1905 г. Из юридического анализа предъявленных обвинений может выясниться, какое же из этих обвинений существенно. Это выяснит прокурор.

Демьянов. На странице 19 постановления неверная надпись. (Читает): «в проекте..... военной организации». Может быть, военная организация есть у партии, но у фракции ее нет. Это должно быть проверено. Необходим осмотр документов и опрос привлекаемых.

Пергамент. Прежде всего необходимо рассмотреть документы. Например, на странице 14 начинается перечисление 27 рубрик, из которых только двадцать первая имеет значение (читает ее); следователь тенденциозно вырвал полторы строчки, а мы знаем, что значит вырвать из контекста полторы строчки. Надо проверить правильность только тех документов, которые легли в основу постановления. Вопрос проверки документов имеет главное и первостепенное значение.

Председатель. Голосовать ли вопрос о вызове представителей министерства юстиции или обсуждать дело по существу?

Кузьмин-Караваев. Нет, баллотировать: зачем обмениваться мнениями ранее просмотра документов? Не следует терять времени.

На голосование поставлен вопрос: признает ли комиссия необходимым немедленно пригласить через министра юстиции прокурора судебной палаты для предъявления подлинных документов?

Предложение принято большинством всех присутствующих против четырех: Коница, Тиграняна, Парчевского и Петровского.

В 3 ч. 7 м. дня объявлен перерыв на 10 минут.

Заседание возобновляется в 3 ч. 57 м. дня.

Председатель предлагает наметить вопросы прокурору судебной палаты.

Струве. Следует поставить вопрос относительно приведенной на стр. 6 постановления следователя даты программы социал-демократической партии.

Кутлер. На стр. 1 постановления судебного следователя противоречие; с одной стороны, про пять человек переодетых солдат говорится, что они вошли и вышли, а, с другой стороны, говорится об их задержании; почему пять человек, кто их считал, что это за лицо, «состоящее под наблюдением и известное полиции»?

Струве. Необходимо предложить вопросы относительно приведенной на странице 19 постановления надписи «Передать в комитет военной организации».

Карташев. Какая цель обнажать перед Камышанским наши сомнения?

Струве. Необходимо предложить вопросы по поводу приведенных на стр. 17 п. п. *г* и *в* «Отчета о деятельности Симбирской группы Российской социал-демократической рабочей партии» и «Отчета о первой конференции Закаспийских организаций Российской социал-демократической партии».

Пергамент. Следует спросить у прокурора письмо Мухи на имя Озоля (стр. 16 и 21 постановления следователя).

Хан-Хойский и Караваев. Откуда у охранного отделения оказалась копия наказа войск, кто удостоверил эту копию?

Караваев. [Все это] возбуждает сомнение: как это так следили, следили и опоздали накрыть?

Булат. Да, это, действительно, все сомнительно. Следили за лицом, состоящим под наблюдением и известным полиции в качестве ответственного организатора военной организации, и все-таки упустили!

Деларов. Член думы Салтыков не принимал участия в военной организации.

П е р г а м е н т. Мы не столько собираемся задавать вопросы прокурору, сколько нам важно просто осмотреть документы.

Б у л а т. Необходимо, чтобы при осмотре документов присутствовал кто-нибудь из привлекаемых социал-демократов.

П е р г а м е н т. Это было бы уже исследование.

П р е д с е д а т е л ь. Если бы нам оказались нужны документы после опроса привлекаемых, то их можно было бы потребовать вновь.

В 4 ч. 12 м. в заседание явился прокурор судебной палаты Камышанский.

П р о к у р о р. Я получил разрешение министра юстиции представить комиссии в пределах возможного все, что есть.

С т р у в е. На стр. 6 постановления в нижнем абзаце указана дата «1 сентября 1905 года» [1]). Верно это или опечатка?

П р о к у р о р. «1 сентября» — это разрешительная дата цензора в Ростове-на-Дону, а напечатана программа в московской типографии Поплавского. Сведения о распространении этой программы установлены осмотром других дел: так, недавно в ревельском окружном суде выяснилось, что найдено два с половиной пуда этой программы, переведенной на эстонский язык; впрочем, в деле этого нет.

П е р г а м е н т. Значит, программа издана вполне легально?

Б у л а т. Есть ли в деле резолюция съезда?

П р о к у р о р. Нет, я вас могу познакомить с результатами обыска у Г. А. Алексинского. У него найдены проекты манифестов ко всему войску, ко всем чиновникам, ко всем волостным правлениям, ко всем русским гражданам и ко всем правительствам всего мира. В манифестах высказывается мысль о свержении Николая II, упразднении самодержавия и о созыве Учредительного собрания. Все эти документы заканчиваются словами: «Председатель»... «Члены II Государственной Думы».

П р е д с е д а т е л ь. Кому угодно предложить вопросы?

С т р у в е. Надо прочесть документы, указанные в п. п. *г* и *д* на стр. 17 постановления (читает). «Симбирская группа Российск. с.-д. партии находилась в очень неблагоприятных условиях. Симбирск вообще отсталый город; всего две типографии с количеством рабочих больше пятидесяти; культура низка, интереса к политике мало. Мы прочли несколько рефератов, издавали листки; открытые выступления на митингах имели место только после 17 октября; нам удалось организовать только одну забастовку. Работали среди солдат. Удалось организовать довольно порядочную организацию с собственным

---

[1]) Дата эта относится к программе Р. С.-Д. Р. П. и резолюциям объединит. съезда, изданным в Москве.

коллективом, которая провалилась из-за шпионов. Проповедь бойкота не имела успехов».

Отдельные голоса. К какому времени это относилось?

[Струве.] К весне 1906 года.

Струве. (Продолжает читать.) «Митинги, разрешенные полицией, привлекали до двух-трех тысяч народа (следует описание организации группы); к осени 1906 года все распалось.

Трое работников бежало. Хотя большинство союзов было организовано социал-демократами, но наше влияние на них было условно (следует приведенное в постановлении перечисление воззваний)». К какому моменту это относится?

Прокурор. Ко времени роспуска 1-й Государственной Думы до последнего времени.

Голоса. Что разуметь под «последним временем»?

Выясняется, что под этим следует разуметь время до созыва II Государственной Думы.

Пергамент. (Читает отчет о 1-й конференции Закаспийских организаций Российск. соц.-дем. рабоч. партии (стр. 17, п. *д* постановления), в котором говорится, между прочим, об издании этой организацией брошюры под названием «Вооруженное восстание»).

Маклаков. Название изданной этой организацией брошюры «Вооруженное восстание» не является само по себе доказательством преступности содержания брошюры.

Караваев. Есть ли пометка, к кому обращена эта резолюция?

Прокурор. Нет. Она только найдена во фракции.

Пергамент. Отчет о конференции заканчивается словами «избрано столько-то»; следовательно, документ относится ко времени до созыва II Думы.

Петровский. На стр. 9 постановления указывается на наличность в организации правильно веденного делопроизводства и даже особого входящего реестра. Интересно было бы знать, где же этот реестр?

Прокурор. Реестр не найден, но на существование его указывают пометки о времени поступления бумаг, последовательность номеров и резолюции. Кроме того, за № в некоторых случаях следует «по вх. журн.».

Пергамент. (Читает проект наказа войск, поступивший через Виленскую организацию Российской социал-дем. раб. партии. Выясняется, что приведенные на стр. 19 постановления судебного следователя слова, поставленные в ковычках: «передать в комитет военной организации», не соответствуют действительно имеющейся на документе надписи «Передать Ком. В. О.»)

Членами комиссии указывается, что приведенная надпись может быть раскрыта в ином смысле: «Передать в Комитет виленкой организации».

Прокурор. Факт существования в социал-демократической организации особой военной организации доказывается, между прочим, взятой при обыске во фракции на полу запиской по поводу концерта от 13 апреля с печатью этой организации.

Пергамент. (Читает наказ рабочих Владивостокского порта) (стр. 19, п. *з* постановления судебного следователя). Выясняется, что наказ этот имеет дату «14 апреля 1907 года»).

Кониц. Желательно огласить протокол обыска, произведенного 8 мая в квартире члена Государственной Думы Озоля.

Прокурор. Читает протокол.

Кониц. Имеются ли протоколы осмотра документов?

Прокурор. Их целая тетрадь.

Пергамент. Имеется ли в деле письмо на имя члена Думы Озоля, подписанное «Мухой», и указанное в п. 21 на стр. 16 постановления?

Прокурор. Есть, все есть.

Парчевский. Желательно не упускать из вида, что тот факт, были ли заперты ящики с подложными паспортами, не установлен.

Пергамент. Читает письмо «Мухи» (№ 21, стр. 16), причем устанавливается, что оно состоит из нескольких строк. Затем прочитывает тексты двух обращений, указанных на стр. 16 постановления на стр. 26 [1]).

Оба эти документа не имеют даты.

Гессен И. Читает упомянутое на стр. 9 и 10 постановления первое и второе письмо.

Некоторыми членами комиссии были выеказаны мнения, что упомянутые в этом письме как средства для достижения поставленных целей (стр. 10 постановления): составление наказов, посылка ходоков, образование на этой почве союзных беспартийных организаций — не составляют чего-либо преступного; в отношении второго письма указывалось, что в печатном тексте декларации фракции прямо говорилось, что она, т.-е. фракция, намерена в достижении своей цели опираться на законные права Государственной Думы (стр. 10 постановления).

В 6 ч. 10 м. был объявлен перерыв до 8 ч. вечера.

В 8 ч. 45 м., с прибытием прокурора судебной палаты, заседание возобновилось.

---

[1]) Неверно: надо не «на странице 26», а «в пункте 26».

Гессен И. Читает третье письмо.

По поводу третьего письма некоторые члены комиссии высказали мнение, подобное вышеприведенным по поводу первого и второго письма.

Прокурор. Привлечение Коншина основано на данных этого письма.

Стахович М. Коншин заявил в газетах и Государственной Думе, что он вышел из социал-демократической фракции.

Кузьмин-Караваев. При распределении мест в зале заседания Думы Коншин занял место среди кадет, просил причислить его к фракции сибиряков и голосовал большею частью с партией народной свободы. Это было известно всем, кроме судебного следователя.

Ни одно из прочитанных писем не имеет даты. В скольких экземплярах были найдены эти письма?

Прокурор. Письма были взяты при обыске в нескольких экземплярах; кроме того, они были распространены; факт распространения доказывается осмотром других дел.

Председатель читает письма железнодорожной секции о безработных, о помощи голодающим, по бюджетному вопросу, по земельному вопросу.

Пергамент. Письма никем не подписаны?

Прокурор. Они без подписи.

Березин. В скольких экземплярах были найдены эти письма и где именно?

Прокурор. Они были найдены в пачках по 100—150 штук. Следователь, не зная их содержания, взял по нескольку экземпляров, оставив прочие на месте.

Струве. Способы арестования и количество имевшихся экземпляров безразлично; дело в том, что содержание документов не преступно.

Маклаков. Это самое делают и правые.

Тесленко. Необходимо выяснить вопрос о наказе войск, переданном в квартире Озоля.

Прокурор. При обыске в квартире Озоля наказа не найдено, но факт передачи его установлен показаниями свидетелей. Что касается обыска, произведенного в квартире Озоля 5 мая 1907 г., то я могу рассказать следующее: в 10 ч. 30 м. вечера 5 мая Салтыков сообщил мне по телефону, что уже два часа полиция производит обыск в д. № 92 по Невскому проспекту, и просил меня приехать и освободить задержанных полицией 20 членов Государственной Думы. Я распорядился по телефону, чтобы туда отправились товарищ прокурора и судеб-

ный следователь. Через 20 мин. Салтыков вновь вызвал меня по телефону и просил прибыть меня лично, предупреждая, что, в противном случае, они не отвечают за последствия. Я поехал. Застаю товарища прокурора, следователя, 35 членов Государственной Думы и 47 посторонних лиц. Полиция говорит мне, что она имеет ордер градоначальника обыскать незаконную сходку и задержать. Смотрю ордер. Это—печатный бланк, представляющий собою копию ордера градоначальника, заверенную помощником начальника охранного отделения Комиссаровым. Таких ордеров я видел сотни и не обратил на него особого внимания. Я объяснил присутствующим, что требование предъявлено в порядке охраны, и поэтому, за силою ст. 21 положения об охране, я ни предписывать, ни отменять здесь ничего не могу. Я бессилен, это — закон. Салтыков мне заявил, что если я не предприму никаких мер, то они будут реагировать силой. Я убеждал, что здесь только исполнители, обязанные выполнять предписание, и сила на их стороне. Депутаты указывают мне на свою неприкосновенность. Я даю им то разъяснение понятия неприкосновенности, которое уже имел честь докладывать Государственной Думе. Салтыков записал мое объяснение и подписал его с одним из своих товарищей. 8 мая при обыске следователь нашел целую пачку размноженного моего разъяснения. В ответ на мое разъяснение депутаты спросили меня: если бы министр юстиции дал другое разъяснение понятия неприкосновенности, то было ли бы оно для меня обязательным? Я отвечал: несомненно. Дело шло к часу ночи. Так как вызвать министра по телефону не удалось, то я предложил поехать к нему лично, обещав депутатам вернуться от министра обратно к ним. Поиски министра заняли 1—1 ч. 15 м. времени. Министр спросил меня: «Обыск производится по охране?» — «По охране». — «Ну так вам нечего там делать». Возвратясь, я передал депутатам содержание своего разговора с министром. Они спрашивают меня: «А вы ордер читали? Обыск производится вовсе не на основании положения об охране». Беру снова копию ордера, читаю и, действительно, нахожу там ссылку на ст. ст. 258 и 1035 устава уголовного судопроизводства. Я сказал: «Дело меняется. Теперь мы, следователь и прокуратура, хозяева положения». Я потребовал от полиции предъявления доказательств преступного деяния, послужившего основанием к производству обыска. Полиция просила дать срок, чтобы доставить документы. Я говорю присутствующим: «Сейчас привезут документы». Привозят их. Документы заключают в себе указания, что по агентурным сведениям 5 мая в квартире № 34, дом № 92 по Невскому проспекту вошло несколько человек, под предводительством организатора военной организации, которые принесли наказ войск петербургского гарнизона. Копию наказа мне предложили дать. Я спрашиваю, где находится

подлинный наказ. Мне отвечают, что сведения о наказе получены агентурным путем. Я прошу представить следователю свидетеля, который мог бы дать показания, что это есть копия действительно существующего наказа. Мне отвечают: «Мы этого сделать не можем». Тогда я объявляю, что на основании предъявленного материала я не могу дать следователю предписания приступить к предварительному следствию; присутствовавший здесь же следователь, с своей стороны, заявил, что он не видит основания для производства обыска. Поэтому в 2 ч. 30 м. ночи я предложил полиции удалиться. Вместе с тем все члены Государственной Думы были освобождены, а посторонние лица были задержаны полицией на основании ст. 21 положения об охране. 6 мая охранное отделение дало список солдат, бывших с наказом; их взяли по указанию тайной полиции, присутствовавшей, вероятно, в квартире, и они стали сознаваться. Тогда же мне представили копию наказа от войск. 7 мая я дал следователю по важнейшим делам предписание начать предварительное следствие по признакам преступного деяния, предусмотренного первой частью 102 статьи уголовного уложения.

Пергамент. Значит, полиция так и не нашла наказа? Что же она делала: стояла и ждала?

Прокурор. Да, ждала. Обыскивали сначала 4-х частных лиц, а затем обыскали и остальных, т.-е. всех 47 человек. Квартиры не трогали. Обыск происходил только в той комнате, где находились частные лица, а членов Думы не было.

Тесленко. Значит, бумаги были подняты на полу в той комнате, где членов Думы не было?

Булат. (К прокурору палаты.) Вы говорите, что 5 мая в квартире Озоля были агенты охранного отделения?

Прокурор. Я думаю, что были, так как 5 мая доказательств не нашли, а 6 и 8 мая опознавали в лицо солдат. Но, повторяю, это только мое личное мнение и прошу им не пользоваться и не злоупотреблять. (Отвечая Пергаменту.) 5 мая были арестованы все 47 лиц, но 16 вскоре были освобождены по удостоверению их невиновности, оставшиеся арестованными 31 к настоящему следственному делу не привлечены.

Тесленко. Значит, наказ был передан судебному следователю из охранного отделения. Как же он туда попал?

Прокурор. Это неизвестно и не будет известно, так как это агентурные сведения.

Пергамент. Так что существование подлинного наказа и факт передачи его известны только со слов свидетелей?

Прокурор. Да.

К у з ь м и н - К а р а в а е в. Интересно поглядеть, что представляет из себя копия наказа, приложенная к следственному производству.

П р о к у р о р. (Предъявляя документ.) Копия печатана на ремингтоне, на хорошей бумаге, без прокладки.

И. Г е с с е н. (Читает копию наказа.) Наказ никем не подписан.

П р о к у р о р. (Читает показания Архипова.) Допрошенный 7 мая Архипов [1]), не признавая себя виновным в поступлении в военную организацию и в сношениях с ней, показал: «На второй день пасхи я нашел в казарме № газеты «Солдатский труд» или иного подходящего названия, которое точно не помню; в газете была записка к тем солдатам, которые пожелали бы о чем-либо посоветоваться, чтобы они приходили на Фонтанку в дом № 129, кв. 61, и спросили кого-то, но это имя или кличку я забыл. Я выбросил и газету и записку в отхожее место; но заинтересованный запиской, я пошел по указанному адресу. По звонку мне отворила женщина лет пятидесяти, отозвавшись на имя или кличку, которое я забыл, и провела меня в другую комнату, где была барышня и два солдата, форму которых не знаю; в квартире было всего две комнаты. Узнав, что я пришел по записке, барышня сказала мне притти на другой день на Лейхтенбергскую улицу, по адресу, который я также забыл уже на другой день. Однако, забыв адрес, я все же пошел на Лейхтенбергскую улицу, и здесь на улице встретил ту же барышню, которая сказала, что на Лейхтенбергской ничего не будет, а будет солдатское собрание на Роменской улице, д. № 4, кв. 21. Я пошел туда и застал здесь солдат, казаков и три барышни; из них одна мне знакомая, а другая старая. Здесь говорили о разных неудобствах внутреннего распорядка в частях войск, но начальство не осуждали; мне разговоры показались неинтересны, и я вскоре ушел.

4 мая в казарму зашла барышня в гости и назвала меня по фамилии, а затем сказала, чтобы я пришел на Фонтанку в дом 129, кв. 34 поговорить с членами Государственной Думы. Я обещал притти, и 5 мая пошел. Здесь встретил одну из виденных мною на Роменской барышень; пришли еще солдаты, в форме, один — электротехника, и переодеты, еще барышня. Одна из барышень вынула из-за лифа бумагу и дала прочитать каждому из нас. Я прочел про себя один раз. Содержание бумаги помню» (свидетель текстуально, по предложениям, передает следователю наказ войск).

П р о к у р о р. Обращаю внимание комиссии, что Архипову следователь ни разу не читал копии наказа, приложенной к следствию, и Архипов приводит содержание на память.

---

[1]) Матрос гвардейского экипажа, квартирмейстер Алексей Архипов.

Прокурор. (Продолжая чтение показания Архипова.) «На этой бумаге с наказом от войск в Госуд. Думу была мастичная печать. Прочитав ее, я передал другим. Один из читавших сказал, что неудобно называть в бумаге: «офицеры-подлецы», и вычеркнул эти слова, а потом что-то приписал. Затем барышня дала солдатам штатское платье переодеться, мне платье не пришлось, а потом все мы пошли за барышней, в дом 92 по Невскому. Она взяла с собой наказ, должно быть, в карман, потому что он потом был измят. Пришли в дом со двора. В квартире были какие-то господа, солдаты и барышни. Барышня вынула наказ и протянула к нам. Не зная, кому его брать, мы смешались; я его взял, но уронил и наступил начаянно ногой; потом из соседней комнаты вышел какой-то господин и спросил: «Что вам, солдатики, нужно?» Так как мы были в замешательстве, то я не помню хорошо, кто, что им отвечал и отвечал ли, и с какими словами я передал бывший у меня наказ; потом этот господин ушел с наказом в другую комнату, а потом вышло человек 12, один из них читал наказ, и затем нам сказал, что сейчас ничего не может ответить, и обещал переговорить по поводу наказа, с кем следует, а что из этого выйдет, то скажут потом. Затем он сказал нам, чтобы мы уходили, пока нас здесь не накрыли. Я ушел первый. По предъявленным мне фотографиям я узнал членов Госуд. Думы Лопаткина и Салтыкова; они были тогда на квартире 34, в доме 92 по Невскому. Больше нигде не бывал на собраниях; не считаю себя в чем-либо виновным, и за что арестовали, не знаю. Раньше пасхи со мной был только случай в Никольском саду. Кто-то дал мне книжку офицерского союза, но я ее выбросил не читая. У нас в роте сознательных матросов нет».

10-го мая свидетель дополнительно показал следователю: «В квартире 34 по Роменской был именно тот ефрейтор еврей, Новочеркасского полка, фотографию которого вы мне показываете и называете Эпштейном[1]), он был и на Невском, в доме 92. Узнаю также по фотографии и электротехника [2]). Казаки были в доме 92, но по фотографии я не могу их опознать. Барышню [3]) узнаю».

15 мая, при третьем допросе, свидетель признал Сапотницкого [4]).

Прокурор. Из членов Госуд. Думы свидетель опознал только Лопаткина и Салтыкова по их фотографиям. Фотография Озоля не могла быть ему предъявлена, потому что его не было в книжке с фотографиями депутатов.

---

[1]) Ефрейтор 145 пехотного Новочеркасского полка Исай Эпштейн.
[2]) Рядовой электротехнич. школы Иван Кутырев.
[3]) Дочь надворн. советника Нина Морозова.
[4]) Студент Петербургского университета Сапотницкий, кличка «Алибей».

К и з е в е т т е р. Что это за книжка?

П р о к у р о р показывает книжку «Наши депутаты» изд. Сытина.

К и з е в е т т е р. И вот именно по этой книжке и предъявлялись фотографии депутатов?

П р о к у р о р. Именно по ней; других фотографий не было.

К и з е в е т т е р. Это очень важно; ведь в этом дешевом издании «Наши депутаты» не очень похожи.

П р о к у р о р. (Продолжает чтение показаний.) «Допрошенный 7 мая Кутырев, не признавая себя в чем-либо виновным, показал, что лишь 5 марта он вернулся из Бобруйского дисциплинарного батальона, где отбывал наказание по суду за подачу жалобы скопом. Вскоре по прибытии, один из нижних чинов, имя которого Кутырев не пожелал объявить следователю, познакомил его с «Алибеем»-Сапотницким, Ник. Ник. Когда, где и при каких обстоятельствах знакомство состоялось, Кутырев объяснить не пожелал; также он не пожелал объяснить, кем был приглашен на квартиру 34, дом 129 по Фонтанке, и принимала ли участие в этом приглашении женщина; однако, получив приглашение по этому адресу, он пошел, застал Сапотницкого, барышень, солдат и казаков, из которых по фотографиям узнает: Архипова, Долгова [1]), Колесникова[2]), но наказ не читал в этой квартире, потому что опоздал, пришел уже в 7 часов; переодевшись в штатское, все поехали на пароходе к членам Госуд. Думы на Невский, в дом 92; по дороге нагнали какого-то черкеса. В квартире барышня передала наказ матросу, а он члену Госуд. Думы. Из членов Госуд. Думы по фотографиям в книжке узнает одного Лопаткина. Член Думы, взявший наказ, читал его вслух всем присутствовавшим. Кутырев после этого чтения дословно передал следователю начало наказа и конец, подтвердив их тожество с прочитанной ему следователем копией наказа, середину же наказа Кутырев, при чтении его членом Думы, прослушал. Прочтя наказ, член Думы сказал: «Хорошо, мы обсудим наказ и тогда скажем вам, а теперь уходите, пока не накрыли». Мы ушли. Солдат в форме выпустили на двор, а переодетых парадным ходом.

Спрошенный 24 мая казак Попов [3]) показал, что не признает себя в чем-либо виновным; был однажды с казаком Ковалевым, по зову и указанию казака Кременскова [4]), переодевшись в штатское, на Фонтанке в доме 129, кв. 34, где были еще солдаты и барышни; по фотографии Попов узнал «Алибея»-Сапотницкого, который принимал во

---

[1]) Рядовой 1-го Хоперского казачьего полка, состоящий при офицерской кавалерийской школе Тимофей Долгов.

[2]) Ефрейтор воздухоплавательного парка Константин Колесников.

[3]) и [4]) Рядовые лейб-гвардии Атаманского полка Матвей Попов и Георгий Кременсков.

всем деятельное участие; говорили о необходимости вести пропаганду в войсках и об увеличении сознательности между солдатами, об устройстве комитетов, об устройстве «Красного креста» для оказания помощи арестованным; общее впечатление от беседы у Попова получилось смутное; толку нет, и поэтому он ушел. 29 апреля Ковалев позвал его вновь на собрание в политехнический институт, на котором были и члены Госуд. Думы; это показалось Попову интересным, и он пошел на собрание; действительно, здесь было 12—15 членов Госуд. Думы, солдаты и вольные.

По фотографиям книжки Сытина членов Госуд. Думы узнает Геруса, который говорил о настроении войск, о том, что нужно стоять за народ и за Госуд. Думу, что у настоящей армии не может быть внутреннего врага, о том, что нужно составить наказ от войск членам Госуд. Думы с требованием льгот и обсуждения солдатского положения. Когда кто-то крикнул, что идет полиция, то все разбежались, кто в двери, кто в окна».

Председатель. Не желает ли кто-либо предложить прокурору судебной палаты разъяснить вопросы, касающиеся предварительного следствия?

Хан-Хойский. Были ли проверены следователем указанные в показаниях места сходок?

Прокурор. Оговариваюсь, что следствие не пользуется агентурными сведениями. Так как на Лейхтенбергской солдаты не были допущены в квартиру, то она осталась неизвестной. Квартирохозяин дома на Роменской улице не обнаружен. Квартирохозяин же № 129, кв. 34, на Фонтанке, Фишер привлечен по 3-му пункту 163-й статьи уг. уложения.

Гессен И. Меня интересуют две записки, найденные у Озоля (стран. 20-я) (читает): 1) «Уважаемый товарищ. Ваша явка отменяется; при первой возможности сообщим новую; все полно полицией; мы висим на волоске». Дата «5 мая» (найдено при обыске 8 мая), автор неизвестен. 2) «Уважаемый товарищ, известите костромского делегата, что его жена боится засады, просит ехать в Петербург, а не домой; с.-д. не спрашивают... доехал ли».

Кузьмин-Караваев. (Читает на стр. 20 постановления резолюцию с.-д. фракции из 3-х пунктов.) Следователь придает этой резолюции большое значение, как доказательство руководящей роли с.-д. фракции. Необходимо заметить, что эта резолюция не размножена, написана карандашом, без подписи, с поправками, без заглавия, и представляет собою лишь черновой набросок. Может быть, ее набросал кто-нибудь один; может быть, это фантазия одного лица.

Прокурор. Дальнейшие сведения в состоянии дать только экспертиза почерка.

Пергамент. Возможно, что это тезисы будущего доклада.

Кизеветтер. Не видно, чтобы это была резолюция, принятая на каком-либо собрании.

Кузьмин-Караваев. Тут говорится, что на квартире Озоля были найдены паспортные бланки.

Прокурор. Да. У меня на руках нет двух фальшивых паспортов, но есть свидетельские показания. (Читает): «Ревизор Новгородского акцизного управления Вульф своим показанием удостоверил подложность паспорта, составленного на имя несуществующего лица. Также удостоверяется подложность паспорта, якобы выданного в Псковской губернии. Паспорт заграничный — проверить трудно, а солдатская книжка подлинная». Что же касается до предъявляемого комиссии паспорта, выданного якобы Аткарской мещанской управой, то он, очевидно, подложен: круг печати не ровен, орел печати с дефектом в изображении хвоста.

Тесленко. Лежали ли паспорта вместе или врозь?

Прокурор. (Читает выписку из протокола.) «Конверт с тремя паспортными бланками найден в ящике первого стола; в нем были паспорта Шаройко, Александрова и пустой бланк, остальные два паспорта — в другом ящике».

Тесленко. Были заперты ящики?

Прокурор. Некоторые были заперты; во всяком случае, при обыске присутствовал Герус.

Пергамент. Читает письмо на имя члена Думы Церетели (стр. 15-я постановления под № 13-м).

При этом устанавливается, что, вопреки утверждению следователя, автор письма из боязни, что оно не попадет по назначению, именно не сообщил предложений практического характера на случай роспуска Государственной Думы. В письме ставится лозунгом бескровная революция и бескровный передел, указывается, что вовлечение армии малонадежно и даже опасно, что исполнение воинской повинности должно быть соединено с клятвой пред семьей в верной службе «родине и свободе»; сверху имеется надпись: «М. г. Прошу передать Церетели 2 апреля в случае роспуска Думы».

Пергамент. Читает письмо из Юзовки (16 стр. постановления, п. 27, лит *а*).

Хан-Хойский. Читает письмо из Армавира от 29 марта (стр. 15, п. 11 постановления).

Пергамент. Интересно посмотреть наказы.

Прокурор. Особенно характерны смоленские наказы, так как они однотипны [1]).

Пергамент читает наказ учительского съезда Латышского края (ст. 19-я, п. 4-й постановления).

Булат. Все смоленские наказы Сутинской волости Дорогобужского уезда адресованы в трудовую группу, собраны они одним убежденным социал-демократом, который и направил их в с.-д. фракцию.

Прокурор. (Собирает документы.) Господа, не осталось ли у кого-либо документов? Если бы вам оказались нужны мои услуги завтра, то я, имея уже разрешение министра, буду иметь возможность приехать по первому вашему требованию.

Уезжает в 11 час. 40 мин. вечера.

Председатель объявляет перерыв на 5 минут.

Заседание возобновляется в 11 час. 45 минут.

Председатель. Так как к понедельнику [2]) мы должны представить Думе наш доклад, то нужно сейчас же решить, когда собраться завтра, а, может быть, сегодня же установить, будем ли мы расширять нашу работу или ограничимся тем, что нам уже известно. Также нужно решить, опрашивать ли нам социал-демократов.

Булат. Их нужно спросить, не пожелают ли они дать объяснения.

Кузьмин-Караваев. Надо опросить социал-демократов, подобно тому, как опрашивают членов Думы при поверке полномочий в отделах. Желательно стоять на совершенно практической почве при дальнейшей работе и с этой целью выбрать докладчика, который сосредоточил бы на завтра все данные нынешнего дня.

Петровский. Материал настолько обширен, что нужно двух докладчиков.

Кузьмин-Караваев. Имею в виду предварительного докладчика на завтра. Материал настолько серьезен, настолько важна его критическая оценка, что к понедельнику доложить его невозможно.

Пергамент. Подробный доклад тем более необходим, что настоящий момент весьма серьезен, нужна всеисчерпывающая аргументация; наш документ будет иметь колоссальное значение.

Гессен И. Надо завтра кончить.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Парчевский. Как предъявлялись портреты? Прокурор. В отношении членов Госуд. Думы предъявлялась книжка «Наши депутаты» издание Сытина».

[2]) Т. е. 4 июня.

К у з ь м и н - К а р а в а е в. Попытаемся. Однако необходимо знать, что нам нужно решить ряд вопросов: 1) привод к следствию, 2) привлечение к ответственности, 3) устранение [1]).

Т е с л е н к о. Трудно гадать, что произойдет завтра. Будем завтра работать. Кто будет докладывать в Думе, сейчас решить нельзя. Следует установить, кто выступит завтра в качестве предварительного докладчика.

П е р г а м е н т. Одними юридическими положениями оперировать нельзя. Против каждого факта постановления мы должны поставить наши факты. Это требует громадной письменной работы. Ради спешности жертвовать качеством работы не приходится.

К о н и ц. Предложение Кузьмина-Караваева означает именно предварительного докладчика.

К у з ь м и н - К а р а в а е в. Просить Николая Васильевича Тесленко открыть прения в завтрашнем заседании.

С т а х о в и ч. Самое важное, чтобы Дума успела дать свой отзыв. Нам надо торопиться, иначе мы можем потерять возможность высказаться. Отсутствие докладов в понедельник будет сочтено за нежелание высказаться. К понедельнику должны быть представлены хотя бы мотивированные основания, почему не вносится доклад.

Т е с л е н к о. Если письменный доклад не успеем приготовить, то можно сделать его устно. Его запишут стенографы.

К и з е в е т т е р. Все согласны, что спешить необходимо. К нам явился Столыпин с грозным словом, а мы теперь можем сказать, что обращение Столыпина с Думой было прямо неприлично: в деле есть даже служебные подлоги; вскрыть дело во всей полноте необходимо. Нам предстоят две очень важные задачи: и поспеть возможно быстро и суметь дать полную аргументацию.

П е р г а м е н т. Никакой устный доклад, ни стенограмма не будут иметь такого значения, как печатный доклад комиссии. Политическое значение и внутренняя доказательность последнего несравненно выше. Если мы передали вопрос в комиссию, чтобы обсудить его, то пусть правительство не изображает истеричную институтку и потерпит еще 48 часов; если правительство не обратит внимание на комиссию, работающую целый день сплошь, это его дело. Можно и нужно работать, но нельзя жертвовать ни крупицей достоинства доклада ради скорейшего окончания.

Г е с с е н И. Мы нынче будем только напрасно тратить время.

К а р т а ш е в. (Гессену. — Неудобно не дать высказаться другим.) Убеждение как будто уже сложилось; сколько бы мы ни рабо-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «и 4) требование министра юстиции».

тали, к другому выводу мы не придем. В ущерб доказательности спешить не надо, но не надо и зарываться в детали. Нужно рельефно изложить политическую точку зрения комиссии и факты в их последовательности.

Председатель. Итак Н. В. Тесленко предложит нам завтра свой доклад.

Кузьмин-Караваев. Нужно назначить время работы на завтра. Я предлагаю назначить завтра заседание комиссии от 12 до 5 и от 8 до 12.

Предложение Кузьмина-Караваева принято.

Заседание закрыто в 12 час. 5 мин. ночи.

Председатель комиссии Ал. Кизеветтер [1]).

Секретарь комиссии.

[1]) Собственноручная подпись Кизеветтера; подпись секретаря отсутствует.

Из дневника Константина Романова.

Дневник б. вел. кн. Константина Константиновича Романова, известного в свое время в литературе под инициалами «К. Р.», публикуется ниже в выдержках, относящихся к периоду 1904—1907 гг.

Константин Романов стоял во главе военно-учебного ведомства в качестве главного начальника военно-учебных заведений. Кроме того, в течение 20 лет он был президентом Академии наук, состоял президентом б. императорского Общества естествознания, антропологии и этнографии, попечителем Педагогического женского института, почетным членом Русского музыкального общества и т. д., наконец, он был причастен к литературе в качестве поэта и рецензента многих литературных произведений.

Все это определяет значительный интерес к дневнику Константина Романова, в частности к тем его частям, которые написаны в период первой революции.

Революционное движение в стране захватывало, несмотря на все репрессии правительства, все более широкие круги рабочего класса. В нем приняли участие уже не отдельные группы, а десятки и сотни тысяч рабочих: в эту борьбу вовлекается и крестьянство. При министре вн. дел Плеве политика подавления достигла крайних пределов; тюрьмы были переполнены, печать зажата в тисках свирепой цензуры, но революционное движение с каждым днем нарастало. Война с Японией, которая, по мысли правительственных кругов, должна была покончить с революцией, дала, наоборот, толчок к ее развитию.

Выстрелы 9 января явились роковыми для правительства: они еще более организовали пролетариат и эхом прокатились по всей империи, отозвавшись в рабочей среде почти всех промышленных местностей.

Началась революция, которая развернулась и дошла до высшей своей ступени — всеобщей политической забастовки и, наконец, вооруженного восстания. Все главные общественные группы выступили так или иначе на путь открытого и массового политического действия. Мощное развитие революции вскрыло коренные различия классовых интересов. Буржуазия, увидев в октябрьско-декабрьские дни 1905 г. настоящее лицо пролетариата, немедленно отшатнулась от революции и стала активной сотрудницей самодержавия в его расправе с восставшим пролетариатом.

Все эти революционные события нашли свое отражение в дневнике Константина Романова.

Общественно-политические воззрения автора дневника достаточно определенны: самодержавие должно быть незыблемо; Государственная Дума должна носить совеща-

тельный характер; по поводу тронной речи Николая Романова (27 апреля 1906 г.), в которой был обойден молчанием вопрос о самодержавии и функциях Думы, автор дневника говорит: «Чем дальше он [Николай Романов] читал, тем сильнее овладевало мной волнение; слезы лились из глаз. Слова речи были так хороши, так правдивы и звучали так искренно, что ничего нельзя было бы добавить или убавить». Испуганный революционным движением, Константин Романов обращается к воспоминаниям о семидесятых и восьмидесятых годах, «Смутном времени» и т. д. и приходит к выводу, что революционное движение 1905 г. страшнее всех минувших событий. Он неоднократно вспоминает о Минине и Пожарском и мечтает о диктаторе, а также о том, что следующая Госуд. Дума будет иметь большинство от крестьян, которые положат конец «пустозвонной болтовне» людей «крайнего направления» из первой Думы и вернут государство на старый путь. Для него революция — «зараза», «гангрена, разъедающая тело России», бунт, устроенный то группой революционеров, подкупленных японцами, то евреями, которым нужно разрушить Россию, и т. д. И ни одна мера, направленная к удушению революции, не кажется ему жестокой, — напротив, действия отдельных генерал-адъютантов, посланных на усмирение, представляются ему вялыми и недостаточными.

Страницы дневника достаточно выразительно говорят и о других сторонах личности Константина Романова. Его умственный кругозор сложился в гвардейской казарме; его любимой газетой было «Новое время». Когда он умер, орган «партии народной свободы» писал, что «он [К. Р.] всегда думал о вечном — о человеке и его судьбе». «Положительной стороной его для окружающих, для живущих и страждущих в этом мире является как бы органическая неспособность поэта ни к чему дурному, постыдному, злому!» («Речь», 5/VI 1915 г., № 152). Эти слова кадетского публициста плохо вяжутся с опущенными здесь страницами дневника Константина Романова, где он говорит об одной своей низменной страсти, о том, что крайне возмущен, что из-за открытия Думы ему надо проще устроить крестины своего ребенка и т. д. и т. д., рисующими истинный облик этого «баловня судьбы», как он сам назвал себя в одном своем стихотворении.

Дневник Константина Романова печатается здесь в извлечениях, так как бо́льшую часть его составляют записи разных мелочей из домашнего быта или описания поездок по кадетским корпусам, доставлявших автору дневника «неизъяснимое удовольствие». Каждая поездка дает ему обильный материал для записей, из которых мы очень подробно узнаем, кого из «кадетиков» он узнал в лицо, кого запомнил по имени и фамилии, кому дал какое-нибудь прозвище и т. д.

Дневники Константина Романова долгое время находились в библиотеке Академии наук. Незадолго перед своей последней болезнью Константин Романов написал завещание, которым свои дневники отдавал Академии наук с тем, чтобы «никто из ближайших родственников или посторонних не мог прочитать их в течение 90 лет по моей кончине». По истечении этого срока, с согласия царя и старшего из семьи, можно их частично напечатать. Воля «августейшего» президента строго соблюдалась академиками, и лишь правительственная комиссия, производившая чистку Академии наук в 1929 г., сделала их достоянием пролетарской общественности. В настоящее время дневники

Константина Романова находятся в Особом отделе Московского Центрального Исторического Архива, вместе с материалами Павловского и Мраморного дворцов.

Дневники представляют собой толстые тетради в кожаных переплетах, с обозначением №№ и крайних дат; сохранность дневников вполне удовлетворительная. Из Академии наук было получено 65 тетрадей: за №№ 1—64, за время с 21 мая 1870 г. по 21 ноября 1913 г.; кроме того, одна тетрадь без № с записями от 19 июля 1914 г. по 12 мая 1915 г. Тетрадь с записями с 22 ноября 1913 г. по 19 июля 1914 г. осталась, как выражается Константин Романов, «в плену у немцев».

Материал для настоящей публикации взят из тетрадей №№ 54—57 за период с 10 августа 1904 г. по 14 декабря 1907 г.

Н. Лапин.

1904 ГОД.

10 августа. Стрельна.

Когда все разъехались с вокзала, переоделся в китель и поехал в Петербург. В вагоне ехал с Сандро [1]). По его мнению, теперь уже не следовало бы посылать в Тихий океан Балтийскую эскадру; она была бы отправлена туда прямо на убой, так как японский флот втрое сильнее.

23 августа. Петербург.

Невеселы вести с Дальнего Востока: сражение под Ляояном было страшно кровопролитно, потери громадны, Ляоян уступлен японцам.

10 сентября. Стрельна.

Вера [2]) ездила завтракать к жене [3]) в Стрельну, а я завтракал в Мраморном у Оли [4]). Тут были Сандро, Ксения [5]) и Митя [6]). Разговор вертелся на последних слухах: говорят, государь не доверяет Куропаткину [7]). Не знаю, правда ли это, но если да, то оно очень и очень прискорбно. Хотя мне лично туго приходилось от Куропаткина, когда он был еще военным министром, и я считал его не на своем месте, мне кажется, что там, на Дальнем Востоке, во главе действующей армии, никого лучше не выдумать. Как и многие русские люди, я скорблю,

---

[1]) Александр Михайлович, вел. князь.

[2]) Вера Константиновна, королева вюртемб., сестра автора дневника.

[3]) Елизавета Маврикиевна, вел. кн., жена автора дневника.

[4]) Ольга Константиновна, греческая королева, сестра автора дневника.

[5]) Ксения Александровна, сестра Николая II, жена вел. кн. Александра Михайловича.

[6]) Дмитрий Константинович, вел. кн., брат автора дневника.

[7]) Куропаткин, А. Н., ген.-адъют., главнокомандующий Манчжурской армией.

что власть Куропаткина слишком ограничена и поставлена в зависимость от наместника-главнокомандующего [1]). И вот недавно заговорили, будто на Дальний Восток посылают Николашу [2]). Ходят три слуха: или им заменят Куропаткина, или ему подчинят Куропаткина, или пошлют командующим самостоятельно особой армией. Если это правда, — оно ужасно. Общественное мнение за Куропаткина и, конечно, не будет приветствовать разделение власти между Куропаткиным и Николашей. На-днях Петюша [3]) говорил Мите, что, подобно тому, как Сергея Михайловича [4]) назначили инспектором всей артиллерии, он, Петюша, будет сделан инспектором инженерных войск. Сергей пользуется прекрасной славой в войсках, как выдающийся артиллерист и знаток своего дела, а потому его назначение приветствуется всеми. Петюша же служил очень мало и только в кавалерии, инженерное дело едва ли знает, а между прочим сам считает себя знатоком его. Едва ли поэтому его назначение, если только действительно состоится, будет удачно. Говорили про флот. Алексей [5]), повидимому, и с началом войны не изменил себе — не проявил особой деятельности. Наш флот несравненно слабее японского, а за приблизительно 8 месяцев, что тянется война, у нас ничего не сделано, чтобы его увеличить, даже некоторые верфи пустуют. Посылать Балтийский флот в Тихий океан, где его встретит втрое сильнейший японский флот, по крайней мере, неблагоразумно. Говорили и вообще о современном внутреннем состоянии России, о всеобщем недовольстве и приходили к очень грустным выводам.

15 сентября. Стрельна.

Ходят еще слухи о назначении Николаши на Дальный Восток, где ему будто бы будут подчинены командующие обеих армий — и Куропаткин и Гриппенберг. Я слышал от Ксении и Сандро, которые ехали к нам и встретились мне на дороге, что императрица Мария Федоровна умоляла государя не назначать Николашу, на что последовало удивление и ответ, что будто бы оно и не предполагается. Московский предводитель дворянства кн. Трубецкой писал гр. Ил. Ив. Воронцову-Дашкову [6]), что слухи о назначении Николаши производят

---

[1]) Алексеев, Е. И., адм., наместник и главнокомандующий всеми вооруж. силами на Дальнем Востоке.

[2]) Николай Николаевич, вел. князь, главнокомандующий русской армией в империалистическую войну 1914—1917 гг.

[3]) Петр Николаевич, вел. князь, инспектор инжен. войск.

[4]) Сергей Михайлович, вел. князь, инспектор артиллерии.

[5]) Алексей Александрович, вел. князь, генерал-адмирал, гл. начальник флота и морского ведомства.

[6]) Воронцов-Дашков, И. И., гр., наместник на Кавказе.

самое тягостное впечатление на московское общество, которое, как я и вся Россия, верит в Куропаткина. Это письмо будет доложено государю.

18 сентября. Петербург.

Оля утром вернулась из Ревеля с Сандро и Ксенией. Они там с имп. Марией Федоровной были на 11 главных судах Балтийской эскадры. Существует два противоположных мнения о посылке этой эскадры на Дальний Восток; одно считает ее необходимой как для целей войны, так и для успокоения общественного мнения, возлагающего на эскадру большие надежды. Другое мнение считает посылку Балтийского флота запоздалым и бессмысленным, так как японский флот втрое сильнее нашего. Сандро придерживается этого второго мнения и открыто высказывал его в совещании у государя. Алексей выражался неопределенно. Мнение Сандро восторжествовало, было, решили эскадру не посылать, и государь говорил Сандро, что после этого решения у него как бы гора свалилась с плеч. Это было в конце августа. С тех пор опять перерешили, и эскадру, повидимому, посылают. Но ранее октября она не может отплыть.

26 сентября.

У нас обедал новый министр вн. дел ген.-ад. кн. Святополк-Мирский. Мы очень приятно беседовали. Он делает хорошее впечатление своими широкими взглядами. Меня пугает, что все — и общество и газеты — очень им увлеклись; как бы не пришлось разочароваться, так как в силу вещей ему невозможно будет провести в жизнь многое из того, что он желал бы осуществить.

30 сентября.

С театра войны известия не слишком хорошие: у Куропаткина наступление было удачно, но не по всей линии, кое-где нам пришлось вернуться на прежние позиции; в Порт-Артуре тоже не совсем ладно; еще держатся, но развиваются тиф и цынга; боевые припасы, которые взялась доставить осажденным какая-то американская компания, еще не получены, и Стессель [1]) доносит, что замечается недостаток в пулеметах, патронах и снарядах. Сахаров [2]) говорил, что тон донесения Стесселя несколько пониженный.

13 октября.

Газеты напечатали известие, которое вся Россия встретит с великой радостью: наместник освобожден от руководства военными действиями, а Куропаткин назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами в борьбе с Японией.

[1]) Стессель, А. М., ген.-м., и. д. коменданта крепости Порт-Артур.
[2]) Сахаров, В. В., ген.-адъют., военный министр.

15 ноября.

Прочитал газеты. В «Новом времени» очень любопытны статьи Н. Л. Кладо «После ухода второй эскадры Тихого океана». Это умное, толковое и беспристрастное обозрение наших ошибок в нынешнюю несчастную войну и предположения насчет будущего.

17 ноября.

У меня лежит дело о беспорядке 11 октября в 3 московском корпусе; надо написать Ферсману [1]), да все не могу собраться — мешают текущие дела.

18 ноября.

У нас завтракали Сергей [2]) и Элла [3]). Они прибыли из Москвы 13-го. Завтрак был семейный. Встав из-за стола, жена беседовала с Эллой, Татьяна [4]) ушла к себе, а Оля, Сергей и я говорили о текущих событиях. Мы все трое ужасались и сетовали; да и было отчего: нынешнее настроение общества слишком напоминает то, что было в самом конце 70-х годов, в 1880 и в 1881. Тогда правительство растерялось, но все же чувствовалась власть; теперь же власть пошатнулась, и в безволии государя вся наша беда. Нет ничего определенного, на одни и те же дела сегодня смотрят с одной, а завтра с противоположной точки зрения. Смута растет, и чувствуется впереди что-то неведомое, но неминуемое и грозное.

6, 7 и 8 ноября происходили заседания членов совещания земских деятелей; они обсуждали вопрос об общих условиях, необходимых для правильного течения и развития нашей общественной и государственной жизни [5]). Вместо того, чтоб заняться ближайшим своим земским делом, они пришли к заключениям, выраженным в 11 пунктах: 1) и 2) необходимо участие общества во внутреннем государственном управлении; 3) охрана законных прав всех и каждого; 4) единение государственной власти с обществом; 5) устранение административного произвола и проведение в жизнь принципа неприкосновенности личности и частного жилища; 6) обеспечение свободы совести и вероисповедания, свобода слова и печати; 7) уравнение личных прав всех граж-

[1]) Ферсман — директор 3 московского кадетского корпуса.

[2]) Сергей Александрович, вел. кн., московский генерал-губернатор.

[3]) Елизавета Федоровна, вел. кн., жена в. к. Сергея Александровича.

[4]) Татьяна Константиновна, кн., дочь автора дневника.

[5]) Частное совещание земских деятелей происходило в Петербурге 6, 7 и 8 ноября 1904 г. после того, как мин. вн. дел Святополк-Мирский запретил, по приказанию царя, первоначально разрешенный съезд председателей губ. земских управ и отдельных видных земцев. На совещании присутствовало 104 чел.; совещание приняло резолюцию с теми требованиями, о которых говорится в дневнике, и избрало бюро.

дан России; 8) освободить от административной опеки сельское население и оградить его правильной формой суда; 9) распространение местного самоуправления на все части империи, привлечение всех наличных сил местного населения к участию в земском и городском самоуправлении; 10) по мнению меньшинства: участие в законодательстве народного представительства как особого выборного учреждения, а по мнению большинства: то же участие в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи и в контроле за законностью действий администрации.

21 ноября. Мраморный дворец.

Только разговору, что об 11 пунктах земских деятелей. Один из них, Львов [1]), как говорила мне Оля, вручил эти пункты имп. Марии Федоровне. Осуждают Святополк-Мирского за то, что он допустил деятелей обсуждать вопросы, прямо их не касающиеся и им никем не поставленные. Мирский сам заявил имп. Марии Федоровне и Николаю Михайловичу [2]), что, допустив обсуждение, il avait fait une gaffe.

22 ноября.

Сергей находит, что теперь, с назначением министром Мирского, направление правительства резко изменилось и состоит в таком противоречии с его, Сергея, 14-летнею деятельностью, что ему невозможно оставаться вопреки своим убеждениям. Правда, с новым министром он почти не говорил. Быть может, поговорив, он бы рассеял многие недоразумения. Вечером у Палиголика [3]) мы — Оля, Митя и я — встретили С. Ф. Шарапова, дворянина-помещика, устроившего у себя в имении в Смоленской губернии мастерскую прекрасных, им изобретенных плугов; он в то же время и даровитый публицист. Павел Егорович пригласил его, чтобы познакомить нас с горячей, искренней и остроумной статьей по поводу 11 пунктов земских деятелей, имеющих в виду оскопить правительство. Шарапов выступает его защитником и — странное дело — его статья, написанная в правительственном духе, не может быть напечатана в газетах по цензурным правилам, тогда как 11 пунктов, о которых запрещено говорить в печати, расходятся по всей России в громадном числе.

---

[1]) Львов, Г. Е., кн., председатель тульской губ. зем. управы, после Февральской революции 1917 г. премьер-министр Временного правительства.

[2]) Николай Михайлович, вел. кн., историк.

[3]) Кеппен, Павел Егорович, упр. двором вел. кн. Александры Иосифовны, матери автора дневника.

24 ноября.

Послал государю «Открытое письмо» Шарапова при следующей записке: «Дорогой Ники, я взялся представить тебе «Открытое письмо» смоленского дворянина-помещика, устроителя мастерской изобретенных им плугов и известного публициста Шарапова. Письмо обращено к членам «Совещания земских деятелей», пресловутое «заключение» которых, не подлежащее, конечно, печати, тем не менее облетело всю Россию, возбуждая брожение и толки. Шарапов, становясь на сторону правительства, горячо и умно обсуждает «заключение» и разбивает его, но не может напечатать своего письма ввиду запрета высказываться печатно об 11 пунктах, на которые оно служит ответом. И получается следующее: несмотря на молчание печати незаконным путем повсюду распространяются вредные бредни, а в опровержение их не может во всеуслышание раздаться трезвое слово благомыслящего верноподданного».

Почти такое же письмо послал и Святополк-Мирскому, препровождая то же письмо Шарапова; только изменил конец так: «Несмотря на молчание печати, или даже благодаря этому молчанию, незаконным путем повсюду распространяются вредные бредни, к ним жадно прислушиваются, а в опровержение их не может раздаться во всеуслышание трезвое слово благомыслящего верноподданного. Казалось бы, запрещение печати касаться 11 пунктов не достигает цели: разумеется, нет такого уголка в России, где бы они уже не стали известны. Если бы «Новому времени», например, разрешить напечатать «Открытое письмо» Шарапова, «заключение» земских деятелей потеряло бы свою остроту».

28 ноября.

Обедал у нас Мирский. Жену еще не выпускают из ее комнаты; поэтому мы обедали без нее, Оля, Митя, министр и я. А жена обедала вдвоем с Татьяной. Мирский, должно быть, прекрасный, честный человек. Взгляды у него широкие и трезвые. Но будет ли иметь он достаточно силы, чтобы справиться с нынешним трудным положением вещей? После обеда пошли с ним к жене в розовую комнату... На Невском днем были беспорядки; ходили большие толпы, все учащаяся молодежь, некоторые с красными флагами. Полиции удалось однако толпу разогнать, и порядок был водворен довольно скоро.

Вечером того же 28 ноября.

Императрица после обеда высказывала мне сожаление о том, что Сергей просил уволить его от обязанностей генерал-губернатора, а Святополк-Мирский, тяготясь должностью министра внутренних дел, тоже просил отставки.

30 ноября.

Дома читал у жены в кабинете бумаги по комитету финансов и не понял ни одного слова. Обедали у нас с Митей оба брата Короченцовы. Скучное и непонятное для меня заседание комитета финансов у Сольского [1]). Понял одно: финансовое положение очень благоприятно.

2 декабря. Мраморный дворец.

Агентские телеграммы, как сказал мне Павел Егорович, узнавший это от Шарапова, сообщили о единогласном постановлении Московской городской думы просить об изменении существующего государственного порядка, свободы слова, совести и печати, словом — о конституции. Краснеешь за Москву.

3 декабря.

В понедельник 29 ноября Будаевский заменял меня в заседании департамента законов Государственного совета, куда вносился проект закона о воспрещении евреям, принявшим христианство уже в юношеском возрасте, поступать в военные и юнкерские училища. Так как все подлежащие ведомства не встретили возражений на проект, то я, думая, что он пройдет без запинки, и не поехал сам в заседание. Сахаров, встретив там Будаевского, предупредил его, что, если станут возражать, надо взять проект назад, и, действительно, кто-то стал горячо возражать, и Будаевский взял назад проект. Я поручил ему потом узнать у Сахарова, кто такой этот возражавший «государственный нигилист», но Сахаров ответил уклончиво и не назвал его.

4 декабря.

Слышал, что в Царском у государя в четверг собирались некоторые министры и высшие сановники и пробыли там от 10 утра до 5 вечера. Оля ездила прощаться в Гатчину, а оттуда в Царское, где пила чай у государя. Он говорил, что у него было совещание, но не сказал о его поводе и казался как всегда спокойным и хладнокровным, быть может, даже равнодушным ко всему, что у нас творится. Слышал, что к совещанию были приглашены генерал-адъютанты гр. Воронцов-Дашков и Рихтер [2]), а также Победоносцев [3]) и Витте [4]), но не знаю, правда ли. Одни говорят, что поводом к совещанию послужила война, но думаю, вернее, что обсуждали внутреннее состояние России. У

---

[1]) Сольский, Д. М., граф, статс-секретарь, председатель деп. Государ. совета.

[2]) Рихтер, О. Б., ком. имп. гл. квартирой.

[3]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода.

[4]) С. Ю., председатель Комитета министров

нас точно плотину прорвало: в какие-нибудь два-три месяца Россию охватила жажда преобразований; о них говорят громко. Калуга, Москва, а теперь и Петербургская дума единогласно постановили адрес, в котором всеподданнейше требуют всякой свободы. Революция как бы громко стучится в дверь. О конституции говорят почти открыто. Стыдно и страшно.

14 декабря.

Обнародован именной высочайший указ Сенату. Он несколько напоминает манифест 26 февраля 1903 г., на который ссылается: прекрасные, местами довольно неопределенные слова, которые легко могут остаться мертвой буквой, как и было с манифестом. Придается усиленное значение Комитету министров. Невольно приходят на ум слова Гамлета: «Слова, слова, слова». Обнародовано и правительственное сообщение; оно много определеннее, не так расплывчато.

Ездил к гр. Марье Александровне Сольской; она хотела, чтобы я ее принял, но, конечно, я сам к ней поехал. Сперва заговорили о вопросе дня — указе Сенату. Узнал от нее, что у государя уже два раза собирались на совещание Витте, гр. Сольский (ее муж), Святополк-Мирский, кажется, Победоносцев, Муравьев [1]), Рихтер, Воронцов, Гессе [2]); на втором совещании были еще Владимир [3]), Алексей, Сергей и министр двора [4]). На обоих совещаниях было решено созвать нечто вроде земского собора из представителей, выбранных от всех сословий. Говорят, Сергей высказывался против выбора представителей и за их назначение. Разошлись под впечатлением, что созыв собора — дело решенное, и предполагался указ. Но прошло дня два-три, указа не выходило. У Сольского, по словам его жены, явились сомнения насчет принятого решения. Полагают, что государь и изменил свое мнение под влиянием Сергея. Словом, указ вышел совсем не такой, какой предполагалось объявить. О соборе — ни слова. Гр. Сольская оплакивает эту внезапную перемену и, должно быть, служит отголоском мнений круга умеренно-либеральных лиц.

15 декабря.

Весь вечер просидел за письменным столом за бумагами.

В Москве 13 гласных подали протест против постановления думы, просившей конституции.

---

[1]) Муравьев, В. Н., министр юстиции.

[2]) Гессе, П. И., дворцовый комендант.

[3]) Владимир Александрович, вел. кн., главноком. войсками петербургского военного округа.

[4]) Фредерикс, В. Б., бар., министр имп. двора и уделов.

16 декабря. В Мраморном дворце.

Вчера в комитете финансов попросил С. Ю. Витте побывать у меня сегодня. Мы проговорили более 1½ часов. Слышал от него об обоих совещаниях, бывших у государя в Царском, если не ошибаюсь, 4 и 8 декабря. Кроме уже перечисленных мною лиц, на них был еще Михаил Александрович [1]), Фриш [2]), Ермолов [3]) и Коковцов [4]). В указе предполагалось не 8, как теперь, а 9 пунктов. Самый главный, 3-й, заключал указание на привлечение к первоначальному обсуждению государственных дел выборных представителей местных общественных учреждений. После первого заседания составленный Витте проект указа отказались подписать Воронцов, а по его примеру Рихтер, Ермолов и Гессе, о чем Витте доложил государю 6 декабря. На заседании 8-го в 3-м пункте сделали некоторые изменения, и проект указа был подписан всеми. Когда после того его три дня не объявляли, пошли слухи, что будет еще 3-е заседание. Тем временем, по словам Витте, государь советовался с матерью и с Сергеем. 11-го государь потребовал Витте к себе к 6 часам вечера. Там Витте застал Сергея. Государь высказал сомнения относительно 3-го пункта и попросил совета Витте, который сказал, что если есть сомнения, то лучше опустить этот пункт, Сергей во всем согласился с Витте. Царь вычеркнул 3-й пункт. На этот раз я не вынес особенно приятного впечатления от беседы с Витте. Расхожусь с ним в вопросе о войне: он находит, что ее надо прекратить и, чем раньше, тем лучше, так как даже, если б она была удачна, мы не можем окончательно разгромить Японию. Не согласен также с Витте в вопросе о евреях и о кишиневском погроме. Он обвиняет правительство и покойного Плеве в искусственном подстрекательстве русских на евреев; я же думаю, что евреи во многом сами виноваты. Вспомнил, что теперь, ввиду повеления указа 12 декабря пересмотреть законы о печати, пожалуй, предложения отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности, которым я в марте 1903 г. не дал ходу, могли бы иметь успех. Предложил Сергею Юльевичу прислать ему заключение Академии, или, вернее, соединенного собрания; он охотно согласился. После его ухода затребовал от Веселовского протокол заседания 24 февраля с особыми мнениями Голенищева-Кутузова и моим. Вечером послал Витте эти бумаги, приложив к ним и письма ко мне от В. К. Плеве с запиской, составленной в главном управлении по делам печати. Написал Сергею Юльевичу, что, оставаясь при том же особом мнении, полагаю, что

[1]) Михаил Александрович, вел. кн.
[2]) Фриш, Э. В., сенатор.
[3]) Ермолов, А. С., министр земледелия и госуд. имуществ.
[4]) Коковцов, В. Н., министр финансов.

было бы уместно запросить Академию наук или, еще лучше, разряд изящной словесности по этому вопросу. Хорошо бы, если бы моя мысль клюнула.

18 декабря.

Проснулся с головной болью и, вместо того, чтобы съездить во 2 кадетский корпус, до вечера никуда не выходил. Поленился отчасти от головной боли, против которой в течение утра дважды принимал кофеин с фенацетином, а главным образом оттого, что получил ответ С. Ю. Витте. Видимо, он еще накануне вечером ознакомился с посланными ему мною бумагами: письмом ко мне покойного министра вн. дел Плеве, с запиской, по его приказанию составленной в главном управлении по делам печати в отклонение предложения соединенного собрания отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности просить о пересмотре законоположений о печати, протоколом заседания этого собрания 24 февраля 1903 г., с особыми мнениями гр. Голенищева-Кутузова и моим и отношением к министру народного просвещения с выпиской из этого протокола, которым я тогда не дал хода. 16 декабря помечен ответ Витте. Он просит войти официально к нему с препрооождением выписки из протокола без упоминания о постановлении собрания. Живо принялся составлять проектырескриптов Витте и Глазоу [1]), которого надо же известить о моем сношении с председателем Комитета министров. Написал и Веселовскому, поручая ему поскоере переписать набело мои черновики и прислать их мне к пподисанию.

У нас завтракал, как всегда в пятницу, С. Ф. Платонов. Кроме него пригласили и Анатолия Федоровича Кони [2]). Он просил меня видеть, чтобы доложить кое-что, касающееся разряда изящной словесности. Я догадывался, что он будет просить меня, ввиду появления указа 12 декабря, дать ход представлению соединенного собрания 42 февраля 1903 г., и не ошибся.

Кони отыскал в бумагах покойного почетного члена Академии Б. Н. Чичерина неизданное письмо Пушкина к Зубкову от 1826 г. из Пскова, писанное по-французски вперемежку с русскими выражениями, и показал нам этот ценный автограф.

Когда мы остались вдвоем, он начал говорить о желательности дать ход представлению соединенного собрания, приостановленному мною в марте 1903 г. Я ответил, что он опоздал и что я сам пустил в ход если не самое представление, то суждения собрания. Говорили, что хорошо бы разряду стоять на страже чистоты нашего языка и

---

[1]) Глазов, В. Г., ген.-лейт., министр нар. просвещения.

[2]) Кони, А.Ф., почетный академик.

предостерегать общество от неправильностей, все чаще и легче по вине повседневной печати проникающих в язык. Говорили, что надо было бы издать словарь наших поэтов и их рифм, начиная, конечно, с Пушкина.

21 декабря.

Ужасная весть. Только-что прочел в «Новом времени» сообщение, — правда, полученное из иностранных источников, — о падении Порт-Артура. Газета говорит, что он сдался, что Стессель согласился на поставленные японцами условия...

Я еще не верю. В «Новом времени», быть может, только легкомысленно поверили иностранным известиям. Среди сегодняшних телеграмм есть одна: штурм продолжается.

23 декабря.

Как громом ошеломила меня весть о сдаче Порт-Артура. У его защитников не осталось снарядов; все больны цынгой и тифом, раненых бездна, японские снаряды попадали в госпитали и ранили уже раненых. Мы взорвали форты и суда в порту. Это второй Севастополь — и ровно через 50 лет. Совершенно выбит из колеи...

25 декабря.

Вечером получил от Витте бумагу, в которой говорится, что государь, по всеподданнейшему его докладу, повелел «пригласить меня в заседание Комитета министров, на правах члена оного, для присутствования при обсуждении Комитетом порядка направлений вопроса об облегчении отечественной печати от излишних стеснений (п. 8 именного высочайшего указа 12 сего декабря)». Предвижу, что по обсуждении в Комитете министров вопрос будет передан на рассмотрение комиссии из лиц, близко стоящих к печатному делу, под моим председательством.

28 декабря.

От Рихтера и Теплова слышал то самое мнение, которое и сам первоначально составил себе о сдаче Порт-Артура. Их оскорбляет сдача. Зачем не устоял он до конца, не держался до последней капли крови, не погиб мучительно, но со славою, как погибали «Варяг», «Кореец», «Стерегущий», «Рюрик»? Я спорил с Рихтером и Тепловым, но в душу снова закралось сомнение в безукоризненности доблести порт-артурцев.

Завтракали в ½ 12, чтобы мне не опоздать в Комитет министров. Там меня встретил управляющий его делами барон Нольде, шурин нашего Муринова. Заседание началось в 1 час слушанием дела сенатора Тура; Нольде просил меня, тем не менее, войти, хотя дело, к

которому я приглашен, было назначено к слушанию только в 1½ ч. Время еще не пришло. Мне указано было занять второе место слева от председателя, между местами Владимира и гр. Сольского.

Владимир не приезжал, а Сольский явился позднее. Слышал конец суждений по делу Тура. Решили сохранить опеку. Со мною членов было 25; из семьи присутствовали Миша, Алексей и Сандро. Сразу все согласились, что обсуждение вопроса об устранении стеснений, коим у нас подлежит печать, должно быть передано особой комиссии вневедомственной, с привлечением в ее состав сенаторов и членов Академии наук. Я указал, что надо упомянуть и о почетных академиках, более действительных членов Академии знакомых с делами, касающимися печати. Заседание тянулось с перерывом в ¼ часа до ½ 6. Мною было говорено о том, какие из положений Комитета министров, последовавших вслед за законом 1865 года, должны быть оставлены в силе, пока комиссия не выработает новых условий для печати. Особенно горячо говорили министр юстиции Муравьев, министр финансов Коковцов, Куломзин, Сольский, Фриш.

1905 ГОД.

6 января.

Крещенский парад. Просил разрешения государя не выходить на иордань, чтобы поберечь горло. Он позволил, сказав, что знает, что я не выхожу не по нежеланию, а по необходимости. Жена с Татьяной приехала в Зимний, когда кончалась обедня, и мы ее застали в Малахитовой. Смотрел с Татьяной из окон, как крестный ход шел на иордань. Когда служба приходила к концу, отправился назад в залы дождаться возвращения с иордани. Тут заговорили, что во время водосвятия, когда начался салют, последовал картечный выстрел. После второго или третьего выстрела салюта вдруг по направлению от правого берега Невы полетели картечные пули. В двух местах пробило знамя морского корпуса, пули сквозь оконные стекла попали в парадные нижние сени и в Николаевский зал. Слышно, что кто-то,— кажется, городовой, — ранен или даже убит. Думали, не попал ли как-нибудь во время салюта первой сводной конной батареи, расположенной у биржи, боевой снаряд вместо холостого. Но это неправдоподобно. Наш лакей Селезнев слышал от городовых, что под одним из пролетов Дворцового моста, ближе к Васильевскому острову, устроили приспособление вроде пулемета. Должно быть, это покушение на жизнь государя и высших сановников, которые в большом числе были на иордани. Какой ужас!

Утром 8 января.

Мне говорили Ксения, Сандро, Микулина и министр госуд. имуществ Ермолов, что уход Святополк-Мирского решен; будто бы он сознает, что не пользуется доверием ни сверху, ни снизу. В Баку стачки рабочих — забастовали. Там кончилось, а то же настроение перенеслось и сюда. Здесь забастовали Путиловский и Невский заводы. Вечером вышло особое прибавление к «Правительственному вестнику», где говорится, что выстрел во время водосвятия есть несчастная случайность, а не злонамеренное покушение. В действующей армии на нашем правом фланге зашевелилась конница. Мищенко произвел набег, но мне кажется, что понесенные им потери — 300 человек — едва ли окупаются достигнутой целью — порчей железной дороги и телеграфа на расстоянии 500 метров и сожжением японских складов. Нам, привыкшим верить в непобедимость русского оружия, приходится целый год убеждаться в превосходстве над нами какой-то ничтожной Японии. С трудом переживаются такие уроки! А внутри у нас только сумятица, нестроение и ряд глупостей и ошибок правительства.

8 января.

8 числа ни одна газета не вышла — везде перестали работать. Из окрестностей Петербурга вызваны войска. Ожидают, что в воскресенье десятки, если не сотни, тысяч рабочих соберутся на площади перед Зимним дворцом, чтобы заявить свои требования самому государю. Но он в Царском. Мне кажется, что власти потеряли голову.

9 января. Мраморный.

На Путиловском, Невском и некоторых других заводах рабочие не только забастовали, но тысячными толпами ходили по улицам, требуя от рабочих других заводов, фабрик, мастерских, типографий и пр., чтобы и там прекратили работы, грозя в противном случае насилием. Нежелание рабочих этих заведений согласиться на требования путиловских не помогало, и полицией было сделано распоряжение закрывать мастерские во избежание побоища. Не думаю, чтобы такая уступчивость была целесообразна. То же было и с типографией Академии наук. Только я потребовал от полиции письменного заявления о необходимости прекратить работу, как того требовала нахлынувшая толпа забастовавших.

10 января.

Слухи, ходившие по городу о том, что 9 числа стачечники или рабочие намереваются собраться на Дворцовой площади, чтобы подать прошение государю, оправдались. Приняты были меры: пе-

хота и конница оберегали подступы к дворцу. После полудня густые толпы народа хлынули к дворцу; войска их задерживали, и в некоторых местах были даны залпы. Я слышал, что священник Георгий Гапон, стоящий во главе разрешенного год назад Общества заводских и фабричных рабочих, оказался явным революционером. От деятельности, направленной к улучшению быта рабочих, Общество перешло к политической агитации. Говорят, о. Гапон или схвачен или даже убит.

Утром казалось на улицах спокойно. Поехал в санях в главное управление. Действительно, ничего подозрительного не было заметно. Думал, что на приеме никого не будет, однако пришли. Когда собрался ехать домой, сказали, что на улицах опять появляются толпы и может быть не безопасно. Особенно неприятно военным — их оскорбляют и словами, а иногда и действием. Взял с собой Риттиха, который за меня тревожился; мы надели шашки наверх пальто и поехали вместе в санях. Добрались до дому вполне благополучно. Потом уже не выходил и не выезжал.

11 января.

Удручающее впечатление производят уличные беспорядки, буйство толпы, разбивающей фонари, стекла в магазинах, грабящей в них товар, и необходимость кровопролития.

Во весь день никуда не выезжал. Говорят, на улицах было тише, чем накануне, но буйства кое-где повторялись, и войска все еще занимали улицы. Был у меня С. Ф. Платонов; я все более ценю его. Какие у него трезвые взгляды на современное положение! Недаром занятия русской историей научили его смотреть как должно на настоящее России. — Пригласил к себе академиков Веселовского и Шахматова и вот почему. С. Ф. Платонов передавал Павлу Егоровичу, что среди профессоров возникла мысль учредить союз учащих; предполагался банкет, раздавались записки с приглашением участвовать в союзе, который имеет целью создать влияние профессоров и вообще учащих на учащихся. Не подлежит никакому сомнению, что к союзу примкнут лица неблагонадежные и будет постановлено выразить правительству что-нибудь вполне неприемлемое. Академики Фаминцын, Веселовский и Шахматов дали свои подписи. Но это был только слух. Шахматов заявил мне, что, сочувствуя намерениям, выраженным в записке, он не согласен с изложением, а потому еще не подписался, хотя ему трудно было не последовать примеру товарищей по Академии. Веселовский дал свою подпись. Я старался убедить его, что теперь, когда правительство впервые имеет в виду обращаться к содействию Академии, не следует академику компро-

метировать ее; Шахматов меня поддерживал. Мы условились, что они повидаются с Фаминцыным и другими академиками, подписавшимися под запиской, и будут убеждать их вычеркнуть подписи, имея в виду важность работы, предстоящей Академии. Но вот, только что получил я от Шахматова письмо: его старания успеха не имели — никто из академиков не согласился вычеркнуть своей подписи. и Шахматов, сознавая, какая туча висит над Академией, сам подписался под запиской, не желая отставать от товарищей в трудное время и сознавая, что отсутствие его имени под запиской не отстранит от Академии беды.

12 января.

Вечером рабочим удалось перерезать электрические провода, и освещение на Невском и на Троицком мосту погасло. К утру однако фонари снова горели.

13 января.

Риттих был у меня около 9 утра, и мы вместе отправились в парных санях на Кадетскую линию, он боится, чтобы я ездил один. Думаю, что это излишняя предосторожность. До сих пор я не заметил на улицах ни одного враждебного лица и не слыхал никаких оскорбительных слов. Правда, выезжал я только в Кадетскую линию и обратно. В Петербурге, говорят, тише, беспорядки стихают. Собирался 14-го ехать в Ярославль, где ради моего приезда отложена свадьба Алеши Турчанинова с 7 на 16. Но Палиголик советует обождать с поездкой, пока окончательно не прекратятся беспорядки.

Объявлен указ о назначении бывшего московского обер-полицеймейстера свиты его величества ген.-майора Трепова петербургским генерал-губернатором. Ему предоставлена большая власть. Мы знали его в конной гвардии за человека деятельного и решительного. Говорят, в Москве его не любили. Стоящие за строгость, т.-е. консерваторы, довольны его назначением. Слышал, что Максим Горький замешан в подстрекательстве к беспорядкам и успел скрыться, когда войска не дали рабочим достигнуть цели. Что думает государь? Слыхал, что незадолго до 9-го, когда подготовлялись беспорядки, он не склонен был придавать им значение и думал, что их сильно преувеличивают. Скверное переживаем мы время.

Ездил с докладом к Сахарову. Слышал от него, что князь Святополк-Мирский ни в каких совещаниях за самые последние дни участия не принимал, и говорит, что он больше не у дел. Называют ему преемником Александра Дмитриевича Оболенского, его брата Алексея, товарища министра вн. дел Дурново. Но назначение состоится,

вероятно, через несколько времени, так как теперь его связали бы с последними событиями. Слышал, что противоправительственная партия около 9-го числа собралась в заседание в Вольно-Экономическом Обществе и избрала главами управления ожидавшимися беспорядками Максима Горького, Кедрина, Анненского и еще какого-то присяжного поверенного с еврейской фамилией. Говорят, что они арестованы. Арестован также профессор истории Кареев и сидит в крепости. Вышло объявление, подписанное министром финансов Коковцовым и новым генерал-губернатором Треповым. В городе спокойно; уличные беспорядки не возобновлялись. Меня с С. Ф. Платоновым пригласили в заседание департамента экономии, где слушалось дело о моем Женском педагогическом институте; оно прошло гладко.

15 января.

Газеты, кроме «Правит. вестника», еще не выходили. Между тем на многих заводах работы возобновились. Не знаю, что сталось с священником Гапоном; о нем ходят противоречивые слухи; говорят, что он ранен и арестован, а другие,— что ему удалось скрыться. Есть официальное известие, что японцы заплатили громадные деньги, чтобы посеять в Петербурге беспорядки.

Генерал Макаров говорил мне, что у него при Педагогическом музее есть отдел самообразования; некоторые из его членов, например Кареев, Семевский, арестованы; они в числе других ездили к Святополк-Мирскому и Витте с заявлением против употребления войсками оружия во время усмирения уличных беспорядков.

Приезжал ко мне командующий лейб-уланским полком флигель-адъютант полковник Орлов по следующему поводу. На-днях получил я от академика Радлова и хранителя Геологического музея Толмачева донесения; в них говорилось, что служащий в Этнографическом музее Анучин, идя в музей, был по приказанию уланских офицеров схвачен двумя солдатами уланского эскадрона, на время расположившегося между академическими зданиями в Таможенном переулке, повален на землю и избит. Для меня было несомненно, что донесения пристрастны и односторонни и что Анучин чем-либо сам вызвал произведенное над ним насилие. Оба донесения я послал Орлову; он произвел дознание, и оказалось, что Анучин остановился перед эскадроном и стал его рассматривать. Такие остановки были запрещены и полицией и строевым начальством, так как вели к нежелательному скоплению толпы. Анучин не захотел повиноваться, когда его вежливо попросили проходить. Ротмистру Назимову пришлось приказать двум солдатам его проводить, а когда Анучин стал упираться, то третий солдат дал ему тумака и сшиб с него шапку. На землю его не валили,

на что указывает и один из очевидцев, Толмачев. В Зоологическом музее пришлось целых 5 дней и ночей приютить роту Финляндского полка, и директор музея не только не озаботился устроить ее поудобнее, а даже обращался к ротному командиру кап. Жерве с упреками. Подлая тенденция.

16 января.

В Ярославле без меня состоялась свадьба моего питомца Алеши Турчанинова и Маргариты Борисовны Крейтер. Я не поехал в Ярославль по совету Павла Егоровича. Ожидали повторения беспорядков: если бы они произошли, мое отсутствие могли бы истолковать трусостью. Но беспорядков не было. Иногородние, вызванные сюда, войска все еще находятся в Петербурге. У нас в манеже продолжает квартировать 1 эскадрон л.-гв. конно-гренадерского полка. Все солдаты были у нас в церкви. Ко мне приезжал управляющий делами Комитета министров бар. Нольде и передал мне о намерении Витте доложить государю о желательности назначения членами совещания по законам о печати академиков Ключевского (находящегося в Москве) и Лаппо-Данилевского и почетных академиков гр. Голенищева-Кутузова, А. Ф. Кони и К. К. Арсеньева. Мне не понравился выбор Лаппо-Данилевского. Посоветовался с Павлом Егорычем, который также не одобрил этого выбора; просмотрели вместе список академиков и остановились на именах вице-президента Никитина, Шахматова и особенно бар. Розена. Написал в этом смысле Витте, прибавив, что хорошо бы назначить в совещание и С. Ф. Платонова. Написал возражения на донесения Радлова и Толмачева, а также о своем неудовольствии на Заленского. У казенного дома Академии, на углу набережной Вас. острова и седьмой линии, где живут некоторые академики, в дни беспорядков тоже находилась рота л.-гв. Финляндского полка. Чтобы дать людям погреться, смотритель зданий Тулинов поместил их на лестнице, но живущие там академики Лаппо-Данилевский, Чернышев и Радлов потребовали, чтобы солдат убрали. Тогда вице-президент устроил солдат на своей лестнице. Я зол на академиков.

19 января.

В Академии, перед началом заседания, в присутствии вице-президента и непременного секретаря, прочел академикам Радлову и Заленскому то, что написал по поводу случаев с Анучиным и уланами и ротным командиром Финляндского полка и Заленским. — Заходил в Большую залу Академии на выставку картин кружка московских художников и художественной «индустрии». Большей частью бездарность, наглость и нахальство. Вот, например, небольшой холст темно-

серого цвета, не разберешь, что такое: деревья, облака или стоги? И заглавие: «Я люблю эту ночь». — Был у меня Сандро; ему хотелось поговорить по поводу последних событий. Он думает о необходимости земского собора: я же полагаю, что это было бы несвоевременно. Предложил ему офицера Александровского корпуса Опацкого в воспитатели его детей. — С. Ф. Платонову пришлось говорить со слушательницами I и II курсов моего института. Они волнуются, думают, что «гражданский долг» велит им забастовать. И немудрено: они не могут не находиться под влиянием толков и, особенно, кривотолков, которых теперь так много, и волнуются. В институте им спокойно разъясняют, что никто их не принуждает учиться, а не хотят, — пусть уходят. Но если уйдут, мы уже не примем их обратно.

20 января.

В «Правит. вестнике» напечатано, что 19-го государь в Царском Селе принял 34 человека рабочих различных петербургских и пригородных заводов. Чудесные слова, обращенные к ним государем, напечатаны и производят отрадное, освежающее впечатление [1]). Был в институте, у Ильи Александровича, на минуту в конторе у Палиголика, у Мити. Войска, вызванные из-за города, распускают; конно-гренадеры от нас уходят.

29 января.

Голова еще не была в порядке. Опять вызвали из-за города войска на случай новых уличных беспорядков. К нам в манеж опять пришел 1-й эскадрон конно-гренадер, а его офицеры — Исарлов, Эгерштром, Алексей Короченцев и Мазинг — снова поместились в комнатах Мити. Сам же Митя не приезжал из Стрельны: последние события сильно повлияли на его нервы, он совсем раздергался, плохо спит, расстроен, ему дают бром. — Днем побывал в институте. Накануне слушательницы, с разрешения директора и начальницы, голосовали вопрос: прекратить ли занятия или продолжать. Около $^2/_3$ было за продолжение учения. Слушательницы просили меня принять их представительниц, что я и сделал в канцелярии. От лица желавших прекращения занятий было три слушательницы и между ними дочь директора ярославского кадетского корпуса Лидия Калишевская; семь девиц пришли от имени желавших продолжать занятия. Я долго беседовал с этими 10 слушательницами. Потом заходил в аудитории на все курсы и выражал удовольствие по поводу их желания не прекращать занятий.

[1]) О том, как была организована Треповым мнимая «депутация от рабочих Петербурга» к царю, см. В. И. Невский, Рабочее движение в январские дни 1905 года. М., 1931. Изд. Политкаторжан, стр. 131 и др.

30 января.

Павел Егорович доставил мне вырезку из газеты «Русь», где от 27 января помещена «Записка 342 ученых» [1]), к которым позднее присоединилось еще 31. В записке говорится о всем хорошо известном тяжелом положении нашей школы и учащих в ней. Начало записки не вызывает никаких сомнений, все это истины, хорошо известные и давно озабочивающие правительство. Но вывод и неожиданный и прискорбный; ученые приходят к заключению, что «академическая свобода не совместима с современным строем России», и, присоединяясь к резолюции земских деятелей и заявлениям Московской думы, московского, калужского и др. земских собраний, высказываются за «политическую свободу», за «привлечение свободно выбранных от народа представителей для осуществления законодательства». В числе подписавших находится 16 академиков, т.-е. около половины действительных членов Академии наук: Бейльштейн, Бекетов, Бородин, Веселовский, Заленский, Залеман, Ляпунов, Лаппо-Данилевский, Марков, Ольденбург, Овсянников, Радлов, Фаминцын, Чернышов, Шахматов и Янжул. Я возмущен появлением подписей этих академиков под глупой противозаконной запиской.

1 февраля.

Все утро, как и накануне вечером, сочинял возражение на записку 342 ученых. Хотелось бы пустить ее в газету от имени президента императорской Академии наук. Посоветуюсь с Павлом Егоровичем и с С. Ф. Платоновым. Писал возражение страстно, разбивая авторов записки их же доводами. Все утро просидел дома.

---

[1]) «Записка 342 ученых», вполне поддерживая требования частного совещания земских деятелей и аналогичные постановления губернских и уездных земских собраний, говорила о необходимости реформы высшей и средней школы.

В своем «Возражении» — письме к 16 академикам — автор дневника «не считает себя, как президент Академии, в праве остаться безгласным» и возражает: «Авторы записки правы, что «неизбежно понижение научного и нравственного уровня профессорской коллегии», когда эта коллегия, забывая свои прямые обязанности, обращается на дело, к которому не призвана. Да, авторы записки правы, что «неизбежна потеря уважения и доверия к учителям», когда они рассуждают об «элементарных гарантиях законности» и, подписывая записку, сами нарушают эту элементарную законность». Заканчивая свое возражение, автор дневника говорит: «Вместо забот «о привлечении свободно избранных представителей всего народа к осуществлению законодательной власти и к контролю над действиями администрации» деятели ученых и учебных учреждений хорошо сделали бы, если бы позаботились о скором и святом исполнении своего высокого и ответственного учебного долга». Это «Возражение» было помещено в газетах «Наши дни» и «Русь».

3 февраля.

Вечером был в общем собрании Археологического общества. Фармаковский сделал любопытное сообщение о развалинах дворца Миноса в Кноссе, на Крите. В отделении русского языка и словесности и разряде изящной словесности единогласно избрали П. И. Вейнберга в почетные академики. Я не ездил в заседание, как не поеду и 5-го, в общее собрание Академии, где экстраординарного академика Лаппо-Данилевского будут баллотировать в ординарные: и Вейнберг и Лаппо-Данилевский оба подписали записку 342 ученых, и я не хочу участвовать в избрании, которого они, по-моему, недостойны. Мое возражение на записку 342 Платонов прочел, но мы еще не успели переговорить.

4 февраля.

Был дома уже в начале 12-го часа. Предполагал опять ехать в Царское на семейный обед. Но в 5 уведомили, что обед отменен; я не знал, отчего. В 6, по обыкновению, иду наверх к мама; там меня встречает Павел Егорович; по лицу его вижу, что случилось что-то ужасное. Он говорит мне, что из Москвы дурные вести... что было покушение на Сергея... Что он у б и т двумя ручными бомбами. Как громом пораженный, я в первую минуту ничего не соображал. Пошел к мама прощаться. Ей никаких горестных вестей не сообщают. Только выйдя от нее понял я, чего лишился, и заплакал. Надо было подготовить жену — она так любила Сергея... И у ней и у меня было чувство, что мне надо ехать в Москву к телу моего бедного друга, к бедной Элле, подле которой нет никого из родных. Поехали с женой и Митей к Владимиру. Он откуда-то имел известие, что Сергей ехал в карете, что у Никольских (в Кремле) ворот кто-то бросил под карету две бомбы, что Сергей жил еще 10 минут. Сам Владимир не может ехать в Москву; на его обязанности — охрана столицы. На вопрос мой, не надо ли мне ехать, он сказал: «Si tu ne crains pas de t'exposer». Митя его поддерживал, находя, что, ввиду намерения извести весь царствующий дом, лучше не подвергать себя опасности. Но я с ними не соглашался. Да и жена находила, что мне надо ехать, хотя и боялась за меня... Вернувшись домой, отправил телеграмму государю, испрашивая приказаний, ехать ли в Москву... Посылал за вице-президентом Никитиным; прочел ему свое «возражение» 342 ученым, которое, по совету С. Ф. Платонова, намеревался на другой день прочесть в общем собрании Академии. Никитин отговорил меня. Только за полчаса до отъезда из дому пришел по телефону утвердительный ответ государя.

5 февраля. Москва.

На вокзале встретили меня ген. Малахов, новый градоначальник Волков и еще кто-то. Рассказали, что Сергей не жил и минуты, что смерть последовала мгновенно, что от тела почти ничего не осталось, что останки собраны в гроб и находятся в Чудовом монастыре, что Элла изумительна в своем самообладании, что она вчера же вечером навестила в госпитале кучера, получившего 79 ран, но еще не умершего. Заехал к Иверской, а оттуда прямо в Николаевский дворец, где, с тех пор, что ждали в Москве забастовок рабочих, помещались Сергей и Элла.

6 февраля. Москва.

Ужасное событие представляется каким-то сном... В России дела идут все хуже; если оглянуться на осень, на сентябрь — октябрь, просто не верится, какими быстрыми шагами мы идем навстречу неведомым, но неизвестным бедствиям. Всюду разнузданность, все сбиты с толку. Профессора открыто выражают негодование по поводу событий 9 января в Петербурге и отказываются преподавать, не отказываясь от жалования. Студенты бастуют, объявляя свое решение, что высшие учебные заведения должны быть закрыты до осени. Бастуют гимназисты и реалисты; хуже того, родители учащихся в царскосельском реальном училище решили, что занятия в нем должны быть приостановлены. Газеты, вроде «Нашей жизни» или «Наших дней», позволяют себе открыто и громко порицать правительство. О земском соборе свободно говорят даже более сдержанные газеты. Точно нет уже власти, сильной руки правительства никто не чувствует, да ее и нет.

7 февраля. Москва.

Проездом из Петербурга в действующую армию, по поручению государя, был у Эллы флигель-адъютант кн. Трубецкой. Здесь слышали от него, что в Петербурге великим князьям не велено ехать в Москву, чтобы не подвергаться новым покушениям. Не понимаю, что это значит: ведь не будут же они сидеть взаперти по своим домам, а показываясь на улице, они столько же подвергаются опасности, как если бы приехали в Москву.

9 февраля. Москва.

Ожидая, когда сойдутся пить кофе, возмутился, прочтя в «Моск. вед.» известие из Петербурга о сходке в университете, на которой 3700 студентов постановили, что не хотят земского собора, а требуют Учредительного собрания; постановили еще, что университет закрывается до 1 сентября, но студенты оставляют за собой право не заниматься и тогда, если кто-либо из товарищей подвергнется насилию. Что

это за комедия? Как не выгнать и не лишить казенных стипендий студентов, которые вместо того, чтобы учиться, занимаются политикой? Как не отнять казенное содержание у профессоров, которые бастуют с демонстративной целью?

Павел [1]) рассказывал, что был накануне в Царском. Государь и обе императрицы неутешны, что не могут отдать последнего долга покойному: покинуть Царское им слишком опасно. Все великие князья уведомлены письменно, что не только им нельзя ехать в Москву, но запрещено бывать на панихидах в Казанском или Исаакиевском соборе. Об этом, т.-е. об опасности для всех нас, Трепов докладывал государю, после чего было отдано это распоряжение.

(Продолжение следует.)

---

[1]) Павел Александрович, вел. кн.

К истории нечаевского процесса.

(Донесения и письма Н. Д. Горемыкина.)

Автор публикуемых ниже донесений и писем коллежский советник Н. Д. Горемыкин был командирован в Москву III отделением, в котором он служил, для участия в расследовании нечаевского дела. Обстоятельства, вызвавшие его командировку, сводились к следующему: в 20-х числах ноября 1869 г. III отделению стало известным, что книжный магазин и библиотека А. А. Черкесова в Москве являются пунктом, откуда производится рассылка по почте революционных прокламаций. 24 ноября управляющий III отделением телеграммою предписал начальнику московского губернского жандармского управления генералу Слезкину произвести обыск у заведующего библиотекой Успенского, а 26 ноября Слезкин сообщил в III отделение о блестящих результатах этого обыска: в числе различных бумаг, отобранных у Успенского, оказались: заграничный паспорт на имя Н. Н. Николаева, по которому, как было известно III отделению, Нечаев в марте 1869 г. уехал заграницу, ряд документов с печатью «Комитет Народной Расправы 19-го февраля 1870 года» и список лиц, которые, как скоро выяснилось, были привлечены или намечены для привлечения в ряды «Народной Расправы». Слезкин, самолюбие которого было задето тем, что указание на существование в Москве тайного общества было получено им из центра, старался убедить свое петербургское начальство в том, что ему давно было известно о преступной деятельности Успенского, что он «имел ввиду» произвести у Успенского обыск и, если не сделал этого, то лишь потому, что считал обыск «преждевременным». Однако III отделение не поверило в предусмотрительность Слезкина; его донесение, сохранившееся в деле III отделения, испещрено карандашными отметками иронического содержания, вроде «от «именья ввиду» Нечаева не поймаешь». Если таким образом Слезкин обнаружил недостаточную активность, то московский обер-полицеймейстер ген. Арапов, наоборот, чересчур переусердствовал: в течение нескольких дней он произвел в Москве 65 обысков, в громадном большинстве совершенно безрезультатных, ибо они производились у людей, не имевших никакого отношения к нечаевскому делу, но по той или иной причине считавшихся Араповым за «подозрительных» в отношении их политической благонадежности. Слезкин, испугавшийся конкуренции со стороны Арапова, обратился в III отделение с жалобой. Указывая, что обыски, произведенные Араповым, «не только не дали практических результатов, но нанесли положительный вред делу», Слезкин просил о «прекращении, хотя на время, обысков по указанию московской полиции».

Чтобы положить конец соперничеству московских властей и упорядочить ход расследования, III отделение сочло нужным командировать в Москву одного из своих чиновников, Горемыкина, которому дано было поручение объединить все дело расследования и руководить им, действуя совместно с Слезкиным и Араповым, а также с московской прокуратурой. 4 декабря Горемыкин приехал в Москву и приступил к выполнению возложенной на него задачи. Таким образом для расследования дела об обществе «Народная Расправа» было создано нечто вроде специальной комиссии. Эта комиссия держала III отделение в курсе всей своей деятельности, ежедневно посылая туда «журналы», содержавшие в себе краткое изложение всех действий комиссии за отчетный день. Помимо этого Горемыкин считал необходимым информировать III отделение о своих действиях в форме донесений на имя управляющего III отделением графа Н. В. Левашева и в форме писем (более интимного содержания) на имя чиновника III отделения К. Ф. Филиппеуса. Эти донесения и письма Горемыкина мы заимствуем из дела III отделения, 3 экспед., 1869 г., № 115 «Об организации общества с целью ниспровержения в империи существующего порядка правления» (Архив Революции и Внешней Политики).

Б. Козьмин.

I.

Прибыв сего числа, в 9 ч. утра, в Москву, я тотчас же отправился к генералу Слезкину, к которому вскоре приехал и полковник Воейков [1]). По получении от него первоначальных сведений по известному делу, мы пришли к убеждению о необходимости задержать здесь на некоторое время Скипского, его показания и бумаги [2]). Между тем сделано распоряжение о разыскании лиц по списку, данному мне из С.-Петербурга [3]); как только они будут разысканы, у них будут произведены обыски. Теперь я отправляюсь к прокурору Мотовилову [4]), к г. обер-полицеймейстеру, а затем тотчас же будет приступлено к тем распоряжениям, какие окажутся необходимыми по более подробном рассмотрении здешнего дела и указаниям Скипского, которого есть надежда вызвать на более откровенные объяснения. Во всяком случае, он долго задержан не будет.

Сегодня ночью получена здесь телеграмма об арестовании Иванова, между тем оказалось, что здесь 23 ноября убит мещанин Ковенской губ., православного исповедания, Иван Иванов [5]), воспитывавшийся в Койдановской гимназии. По некоторым данным покойный Иванов принадлежал к тому же обществу, и едва ли не тот, которого нужно разыскать. Вслед за сим будут представлены подробности, пока еще недостаточно объясненные. Со Скипским я буду сегодня же говорить.

Коллежский советник Н. Горемыкин.

4 декабря 1869 г. Москва.

II.

Совершенно секретно.

Из представляемых журналов ваше сиятельство изволите усмотреть о деятельности нашей здесь, в Москве, по известному делу.

Независимо однако же сего, во исполнение данного мне вашим сиятельством приказания о представлении ближайших по этому делу сведений, имею честь доложить следующее:

Приехав в Москву 4 сего декабря и посетив тотчас же всех тех лиц, с которыми мне необходимо было видеться, я в тот же день приступил к обзору всего того, что здесь было сделано. Известные уже частью вашему сиятельству недоразумения между действующими лицами и отсутствие системы г. г. деятелей, не могли не отзываться на ходе дела, и потому я прежде всего постарался сгладить все эти недоразумения и тотчас же привести все дело в систему, подобно тому, как это устроено в С.-Петербурге по указаниям вашего сиятельства. Подобные действия не помешали однако же продолжению дела, и, как могут свидетельствовать наши журналы, все необходимые распоряжения продолжаются безостановочно. Очень нас стесняло помещение, которого не было до сих пор для нас, но и это затруднение мне удалось сегодня устранить: с разрешения г. генерал-губернатора и по соглашению моему с г. обер-полицеймейстером, нам дано возможно удобное помещение, и наши арестованные соединены в ближайших частях. К сожалению только, помещения в частях здесь очень не хороши, и содержание арестантов так неудовлетворительно, что я приемлю смелость ходатайствовать перед вашим сиятельством об отпуске на улучшение их содержания какой-нибудь суммы, примерно хотя по 25 коп. в сутки на человека, как это было сделано в 1866 году для тех лиц, которые тогда арестовывались следственной комиссией. — Некоторые из арестованных, как например Скипский, в видах самого интереса дела не могут положительно оставаться при наших невыгодных условиях содержания, и потому я взял смелость немедленно улучшить их быт из тех средств, которыми я снабжен при отъезде; но если я буду тратить эти средства подобным образом, то я боюсь, что их нехватит на другие необходимые по делу расходы.

Не могу скрыть перед вашим сиятельством о том сочувствии, которое я встретил здесь во всех тех лицах, к коим мне пришлось обращаться, но не смею также скрыть того, что 65 обысков, сделанных по распоряжению полиции, как я убедился из просмотра самого дела, действительно вызвали здесь много толков и произведены только по п о д о з р е н и ю [6]), причем однако же ничего не оказалось. Ропот поддерживается еще тем, что обысканные обязаны подписками о не-

выезде из Москвы, а разрешения на выезд им не дается на том основании, что об обысках донесено III отделению. Ввиду всего этого дальнейшие обыски, по соглашению моему с г. обер-полицеймейстером, приостановлены, обыски делаются и арестуются только те, о которых получаются приказания III отделения, которые значатся в списке Успенского и, наконец, те, к обвинению которых по найденным в бумагах документам представляются несомненные данные, как например, Прозерн [7]). В настоящее время, когда дело приведено, наконец, в систему, все недоразумения устранены и аресты кончены, мы принялись за разбор бумаг, без чего, как мы все убедились, нет никакой возможности не только приступить к новым допросам, но и разъяснять прежние показания. Поэтому мы и взяли смелость испрашивать разрешение вашего сиятельства на продолжение сего занятия, которое, при наших общих усилиях, мы не замедлим окончить в самом непродолжительном времени. Эта мера чрезвычайно важна еще в том отношении, что дает нам новые и весьма серьезные указания против разных лиц, например Черкесова, Ткачева, оказывающегося участником в настоящем деле, и др.

Приемлю смелость доложить вашему сиятельству, что мы не тратим ни одной минуты даром и спешим окончанием дела, насколько есть возможность. Чрезвычайно важным теперь представляются Скипский, Прозерн, быв. владетель магазина Черкесова, и Прыжов, б. приказчик этого магазина. Против самого Черкесова тоже являются новые улики, о которых будет доложено особо.

Горемыкин.

[6 декабря 1869 г. Москва.

III.

В дополнение телеграммы моей от вчерашнего числа [8]) имею честь представить вашему сиятельству подробности об убийстве Иванова.

25 ноября на берегу пруда, находящегося в совершеннейшей глуши за садом Петровской земледельческой академии, верстах в $1^1/_2$ от самого здания академии, найден труп студента академии Ивана Иванова Иванова со всеми признаками насильственной смерти: голова разбита и, кроме того, прострелена сзади пулею, вышедшею в левый глаз; шея затянута шарфом, к которому привязан кирпич; ноги в коленях и около ступней связаны бечевкою, к которой также прикреплен кирпич. Ограбления нет, целы даже часы, которые, конечно, прежде всего были бы похищены, часы остановились на 20-ти минутах 6-го часа, как полагают, в то время, когда покойный был погружен в воду (труп найден около самой воды); прострел в голову, как положи тельно удостоверяет врач, сделан после смерти.

Произведенными разысканиями обнаружено следующее: Иванова видели в последний раз в Москве 21 ноября, в этот день он был в семействе Сабаниных, где одна из дочерей была его невеста, а потом пошел к товарищам своим Киезо [9]) и Лау [10]); по показанию последних, Иванов вышел из их квартиры часу в 5-м дня, будучи вызван каким-то неизвестным им человеком. Вскоре после того вышли на улицу и Киезо с Лау и на Сретенском бульваре встретили Иванова, что немало их удивило, так как Иванов сказал им, что ему необходимо отправиться на Чистые пруды — местность совершенно противоположную. Из Петровского Иванов выехал в последний раз 20 ноября с Алексеем Кузнецовым, а между тем Кузнецов еще 12 числа взял отпуск в С.-Петербург и перед получением отпуска о ч е н ь хлопотал о нем, говоря, что ему необходимо как можно скорее выехать в Петербург.

Убийство, судя по следам крови, совершено в некотором расстоянии от того места, где найден труп; близ места совершения преступления найдены хорошая шапка и башлык, не принадлежащие покойному. Общий голос, что убийство совершено студентами Академии за то, что будто он в чем-то проговорился. Отсутствие признаков ограбления и совпадение убийства со временем арестов придают этому слуху некоторую вероятность; для нас же чрезвычайно важно то обстоятельство, что Иванова в последний раз видели с К у з н е ц о в ы м и Л а у, фамилии которых значатся в известном списке [11]). Поэтому-то, обратив особенное внимание на этих двух личностей, которые, во всяком случае, могут знать какие-нибудь подробности, все мы, с прокурором вместе, пришли к тому заключению, что, отнюдь не говоря с Лау (который должен был быть арестован сегодня ночью) и Кузнецовым о смерти Иванова, сделать предварительно самые тщательные розыски, но, как здесь положительно нет сыщиков, — что, я должен сознаться, крайне затрудняет нас вообще по сему делу, — то мы с прокурором и решились беспокоить начальство о присылке нам агента из С.-Петербурга.

Пока мы еще занимаемся рассмотрением бумаг, взятых при обысках, без чего при настоящем положении дела нет никакой возможности производить дознание и допросы; нельзя этих бумаг и в Петербург отправлять, так как действующие лица оказываются здесь. Но как бумаг чрезвычайно много, а между тем необходимо производить допросы, то я просил г. прокурора дать нам 2—3 лиц из прокурорского надзора, понимающих хорошо дело и в п о л н е надежных. Г. прокурор не только не отказал мне в этом, но и принял на себя ручательство за тех, кого он нам командирует. За всем тем они все-таки не будут посвящены во все то, что необходимо для нас как следователей, и будут только разбирать ту часть бумаг, которая будет дана им.

Вчера я имел честь донести вашему сиятельству о том, что мы устроились и на счет помещения; но оказалось, что отведенные нам в Сретенской части комнаты так холодны, что в них сидеть нельзя, и расположены так неудобно, что мы не можем приводить к себе наших арестантов помимо общей камеры; другого же помещения, как отозвались г. г. генерал-губернатор и обер-полицеймейстер, нет; где была следственная комиссия [12]) — уже занято. В такой крайности мы, чтобы не терпеть из-за краткости времени, решились нанять небольшую только необходимую для нас квартиру, совершенно отдельную и удобную для наших работ. Мы уже и имеем ввиду подобное помещение.

Имею честь испрашивать на это разрешения вашего сиятельства. Расход будет небольшой, ибо мебель мы достанем напрокат. Об ответе не изволите ли приказать телеграфировать?

Горемыкин.

Москва. 7 декабря 1869 г.

IV.

Из телеграммы моей, отправленной утром [13]), ваше сиятельство изволите усмотреть, что дело наше начинает несколько выясняться. Я боюсь еще представлять какие бы то ни было ручательства, но спешу доложить, что мы напали на след, если не самого главного, то одного из главных организаторов искомого общества. Личность эта — некто Михаил Иванович Титов, пребывающий, как видно, в разных местах Нижегородской губернии, о которых мы уже добыли сведения, и потому еще ночью телеграфировали полковнику Коптеву [14]) о разыскании и арестовании его. Найденная нами переписка как самого Титова, так Успенского и других лиц, несомненно, указывает на то, что Титов формировал тайное противоправительственное общество и с этой целью разъезжал по разным местам, вел особую переписку и набирал лиц, в том числе Успенского, которого вызывал к себе, наставлял, распекал за трусость и нерешительность и из которого выработал, наконец, ту личность, какою является теперь Успенский. Одним словом, улики против Титова так велики уже теперь, что даже по ним только его суд не мог бы оправдать и подвергнул бы его самому тяжкому наказанию, как составителя тайного общества с зловредной целью. Я говорю, что и суд обвинил бы его потому, что найденные улики, как свидетельствует прокурор, даже юридически неопровержимы.

Но, по обстоятельствам дела, одним этим лицом нельзя ограничиться: необходимо все разъяснить и удостовериться, один ли Титов — учредитель или есть еще и другие и в какой мере велико участие каждого из них. Вот почему нам нужно дожидаться его здесь и здесь же

окончить дознание, так как теперь уже достаточно выяснилось то, что центр группировки и деятельности общества есть Москва. Нам необходим также здесь и Успенский [15]) для объяснения его переписки и улик разных лиц, почему и имею честь испрашивать приказание вашего сиятельства о немедленном возвращении его сюда со всеми его бумагами, ненужными в Петербурге, и с теми сведениями из дела, которые касаются Москвы. О других справках, нужных по нашему делу, я вместе с сим прошу г. Филлипеуса. Но нам прежде всего необходим Успенский. Разбор всего найденного и приведение дела в систему, хотя и занимают много времени теперь, но, как ваше сиятельство изволите усмотреть, приносят ту великую пользу, что выясняют правильно дело, а затем совершенно облегчают нас при допросах, которые уже и начинаются.

За неимением в распоряжении г. г. генерал-губернатора и обер-полицеймейстера свободных помещений, нам дал его г. прокурор д. с. с. Мотовилов в доме министерства юстиции; оно совершенно отдельно, очень удобно и достаточно. Мы сегодня уже и перебираемся туда. Вообще я не могу умолчать перед вашим сиятельством о том честном, в высшем значении этого слова, отношении г. г. прокурора д. с. с. Мотовилова и его товарища Стадольского, с каким они обращаются к делу, и об их трудах. Простите, ваше сиятельство, если я, быть может, слишком много беру на себя, но о таких выдающихся лицах трудно умолчать. Генерал Слезкин может подтвердить справедливость невольно вырвавшегося у меня.

Горемыкин.

Москва. 8 декабря 1869 г.

V.

Москва. 8 декабря 1869 г.

Не сетуйте на меня, сердечно уважаемый Константин Федорович, что не писал вам до сих пор и что вообще не могу писать вам часто. Как честный человек, говорю — положительно нет никакой возможности. Считайте меня чем хотите, — хвастуном или лгуном, но я не могу не сказать вам откровенно (между нами), что я застал здесь невообразимый хаос, и если бы командирование сюда из Петербурга кого бы то ни было состоялось позже, то, я не знаю, чем бы все кончилось, не говоря уже о том, что то, что мы отыскиваем теперь, могло бы пропасть бесследно и безвозвратно. Надо к этому прибавить еще задетое самолюбие провинциальной администрации тем, что открытие сделано помимо их; самые отвратительные отношения не только лично между з д е ш н и м и высшими властями (в том числе и нашею [16]), но и между их управлениями, и всевозможные провинциальные дрязги

со всеми их прелестями; представьте себе все это вместе и можете составить себе понятие о том, как может итти дело при таких условиях. Вот почему я говорю, что идею о командировании сюда постороннего лица нельзя не назвать, по меньшей мере, самою практичною. Я, конечно, не могу не считать для себя чрезвычайно лестным оказанное мне начальством доверие, но вы можете себе вообразить, чего мне стоило сгладить все означенные шероховатости, насколько, по крайней мере, нужно для пользы дела, и поставить себя в такие отношения ко всем вышереченным личностям, чтобы не только стать, так сказать, посредствующим лицом, но чтобы еще воспользоваться их расположением, опять-таки не столько для себя лично, — хотя в моем положении и это очень важно, — сколько для пользы самого дела. При помощи божьей и тех добрых отношений моих с Москвою, которые сохранились еще до сих пор, мне думается, что все-таки я здесь не совсем бесполезен. По крайней мере, мне так кажется, судя по тем приемам, которые мне оказываются здесь всеми, и по тому, что я не встречаю ни в ком и ни в чем препятствий. Г. генерал-губернатор почтил меня таким приемом, о котором я и не воображал, просил меня заезжать к нему каждый день запросто, беседует со мною продолжительно, все действия мои одобряет вполне, откровенен со мной до интимности и пр. (Спешу оговориться, что я откровенен до и з в е с т н о й степени и стараюсь вызвать более его на откровенность, для меня очень полезную; сам же я, — смею думать, — еще не проговорился, постараюсь и вперед.) Обер-полицеймейстер, при всем особом характере своем, оказывает мне подобный же прием и даже соглашается тотчас же приостановить (говоря между нами совершенно неосновательные) крайне бесполезные и немало наделавшие шуму и вреда обыски, например, потому, что такая-то личность носит синие очки, о которых вы отчасти знаете уже. С нашим управлением мы также идем рука об руку, но с кем у нас самые лучшие отношения, так это со здешним прокурором Мотовиловым и назначенным им к нам товарищем его г. Стадольским. Это такие ч е с т н ы е, в высшем значении сего слова, разумные и преданные правительству и делу люди, с какими дай бог встречаться почаще. Насколько я ошибаюсь во всем этом, покажут обстоятельства и время, но пока все идет, как мне кажется, так удачно, что при тех условиях, при которых я прибыл в Москву, лучшего пока желать трудно. Дай бог только, чтобы хватило сил. Мы работаем здесь целые сутки, за исключением часов пяти и, много, 6, в которые мы едим и отдыхаем, следовательно, по крайней мере, 18 часов в сутки заняты. Таким образом, мы не сидим сложа руки; из наших журналов и донесений моих графу Петру Андреевичу вы знаете, что мы сделали, поэтому я не стану повторять теперь. При случае не откажите только

доложить его сиятельству, чтобы он не гневался на нас, что мы несколько дней занимаемся разборкою бумаг, которых ужасное множество. Эта работа необходима для успешного ведения дела и правильной постановки вопросов, что потом ускорит ход дела. А что мы не ошибаемся, может ему служить доказательством то, что мы таким образом ф а к т и ч е с к и убедились, что, если не главным, то одним из главных организаторов является некто Михаил Иванович Титов, находящийся в Нижегородской губернии, куда мы уже телеграфировали об арестовании его с указанием места, где его можно найти. Это — личность, разъезжающая по разным местам, собиравшая к себе людей, дававшая им инструкции и пр. Он о б р а з о в а л Успенского, требовал его к себе, давал ему наставления и инструкции, распекал за нерешительность — одним словом, Успенский — его создание. Улики против Титова так с и л ь н ы и н е о п р о в е р ж и м ы, что, по мнению прокурора, он уже по одному тому, что нами открыто, мог бы быть приговорен с у д о м к самому тяжкому наказанию, как составитель тайного общества с зловредной целью. Но нам необходимо разъяснить все дело, и потому прежде всего мы должны иметь его здесь. Если в отделении окажутся о Титове (звание неизвестно) какие-либо сведения, вышлите, ради бога, поскорее. Вместе с тем вышлите также поскорее возможно подробные сведения о следующих лицах:

1. Бывший нижегородский семинарист, а ныне дьякон в г. Василе, Петр Соболев;

2. Его брат Николай, исключенный из какого-то заведения;

3. Некто Поспелов (кажется семинарист);

4. Коновалов;

5. Леватовы (нижегородские помещики);

6. Управляющий села Галибохи, Нижегородской губ., Александр Богданов Немцов;

7. Дядя Немцова Федор Карлович Клеминг, живущий по Гороховой в центральной гомеопатической аптеке;

8. Захаров
9. Скворцов } Неизвестны подробности;

10. Марья Антоновна Моткова и

11. Анна Антоновна (чуть ли не сестра ее) — конечно, если можно узнать о ней что-нибудь [17]). Во всяком случае, благоволите высылать мне справки по мере получения их. О некоторых лицах должны быть сведения по делу 4 апреля [18]). Затем испросите разрешения выслать к нам п о с к о р е е Успенского. Он крайне необходим нам для многих улик тех лиц, которые здесь, и для разъяснения его переписки.

Его необходимо иметь здесь потому еще, что центр всего дела, как уже теперь видно, здесь в Москве.

Без сомнения до вас дошли уже сведения о том, что обыски наделали здесь много шуму. Потрудитесь доложить его сиятельству, что это речь идет об обысках, сделанных полицией, а не нами, которые производятся, как вы знаете, по несомненным данным, и при том полков. Воейковым, а с какою осторожностью, умением и с каким тактом он делает это, известно и вам и его сиятельству; притом же их не так много, и все они оказались необходимыми. Что мои слова верны,— для примера приведу два случая, могущие характеризовать и систему полицейских обысков и их основательность: во 1-х все 65 обысков произведены по подозрению, без всяких данных, потому, что носит кто-нибудь синие очки и т. п. У всех, за исключением Петровского [19]), ничего не найдено, а между тем все они обязаны подпискою о невыезде из Москвы, и им не дают отлучиться отсюда, ссылаясь на то, что будто бы нет разрешения III отделения, в которое представлено дело. Если это верно и по вашим делам нет препятствий, то, ради бога, разрешите поскорее, ибо многие жалуются на подобные стеснения. Разрешите также вопрос о Петровском, о котором у нас нет ничего, а между тем он сидит под арестом.

Вот пока все, что могу сказать: остальное увидите из донесений моих графу, и еще раз прошу вас, не сердитесь на меня, если буду ограничиваться только этими донесениями: ей богу, некогда, сегодня я по необходимости уже урвал несколько времени. Успокойте графа, что мы не спим и не сидим сложа руки, скорее трудно итти, хотя бы была еще особая комиссия. Впрочем, это как знаете. Помещение нам дал прокурор Мотовилов в казенном доме, совершенно отдельном, с несколькими ходами, большое и со всеми удобствами. Там у нас свой караул. Агенты ваши еще не являлись ко мне. Нужную и секретную переписку посылайте с теми посланными, которые доставляют вам нашу, или через жандармского капитана Карпова на Петербургской станции Николаевской железной дороги.

В заключение позвольте обратиться к вам, добрейший Константин Федорович, с просьбой лично, насчет меня: трактирная жизнь вообще, а в Москве в особенности, — как могут засвидетельствовать вам знающие Москву, — чрезвычайно дорога, в захолустье я не могу жить; вы сами сознаетесь в том; пространство Москвы, частые разъезды мои по всем возможным направлениям, отсутствие после 9 часов вечера извозчиков, тогда как мне приходится ворочаться домой в 4 часа ночи, вызывающее необходимость держать экипаж, посылка телеграмм, разные розыски помимо тех, которые делаются другими, необходимые лично для меня, конечно, в видах пользы дела, — все эти условия,

не говоря уже о другом, требуют таких расходов, за которые, быть может, я навлеку на себя неудовольствие начальства: ведь я все-таки не могу еще ручаться теперь за совершенно удачное окончание дела. Ради самого бога выведите меня из сомнительного положения, и, если это может поставить меня в тяжелое положение потом, то лучше предупредить это, — возьмите меня назад и пришлите того, кто, быть может, сумеет быть более экономным. Я тем более считаю нужным теперь же разрешить этот вопрос, что, по всей вероятности, мне, если меня не возьмут отсюда, придется пробыть здесь долее того, чем я предполагал, и, пожалуй, скоро просить о деньгах. Министерство юстиции действует в этом случае шире, и потому там этот вопрос на втором или, лучше сказать, на самом заднем плане. Затем, если бы мне приказано было оставаться здесь до окончания дознания, — что, как я сказал, может продлиться долее того, чем я предполагал, — то позвольте мне убедительнейше просить вас, в личное, о с о б о е одолжение мне, навестить в свободную минуту мою жену и, если она будет иметь нужду в чем-нибудь, не отказать ей в вашей помощи; ведь я уехал экстренно, не успев хорошенько переговорить с нею. Я хотя и предупреждал ее об этом, но, если моя просьба не будет вами отвергнута, вы... да, вы поймете и ее и мое положение и сгладите все. Отвечайте хотя коротенько, но поскорее.

Примите уверения в искренности и неизменном чувстве преданного вам

Н. Г о р е м ы к и н а.

VI.

Москва. 10 декабря 1869 г.

Конфиденциально.

Пишу вам, душевно уважаемый Константин Федорович, с тою главною целью, чтобы покорнейше просить вас успокоить его сиятельство насчет ведения здесь дела: при тех условиях, при которых оно производится, конечно, едва ли можно сомневаться в упущениях, а что касается до скорости производства, то о ней вы можете судить по тому уже, что мы ежедневно, не исключая и праздников, занимаемся с 10 часов утра до 5-го часа ночи. Князь В. А. Долгоруков, едущий в Петербург, может подтвердить справедливость сего, так как здесь учреждено за нами самое бдительное наблюдение, и мне князь сам сказал, что он очень хорошо знает, сколько мы работаем, но мы просим позволения ограничиться на некоторое время нашими журналами, не требуя от нас особых донесений, так как дело у нас в самом разгаре, и отрывочные сведения, отнимая у нас время на извлечение их, могут ввести только вас в заблуждение, а на подробное изложение всех

действий наших не станется никакой возможности, если бы даже для этого были назначены особые лица. Само собою разумеется, что о всяком особом случае мы будем немедленно сообщать вам. Андреева я отправляю обратно. Не грех ли Федору Архиповичу рекомендовать такую дрянь, притом же неразумную и до того здесь компрометированную, что даже он известен прокурорскому надзору! Что значит, что Блок не едет до сих пор? [20]) А между тем нам ловкий человек весьма был бы полезен. Вышлите нам, если вам можно, бумаги Антоновой [21]) (отношение московского обер-полицеймейстера в III отделение 19 мая № 581) и ваше мнение об этой личности, с тем, чтобы в случае надобности мы могли бы поступить с нею сообразно тому, как покажет дело, т.-е. продолжать ее арест или освободить. То же самое не откажите и в отношении Петровского (отношение ген. Арапова 1 декабря № 2821). Эти две личности, по исключительному положению их, заслуживают некоторого внимания. Вообще разъясните нам вопрос о том, можем ли мы освобождать тех из арестованных — хотя бы и по известному списку, — которых признано будет в с е м и нами возможным, конечно, по тщательном обследовании и если со стороны III отделения не последует какого-либо особого распоряжения. По ходу всего дела для нас самым важным представляется разъяснение убийства Иванова, которое, как кажется, немного подвигается. Сегодня мы арестуем студента Земледельческой академии Кизо, чрезвычайно странно ведущего себя. Климин начинает путаться. Также важны по делу Успенская и Прыжов, но первая только-что встала с постели, и ее п о л о ж и т е л ь н о нельзя трогать еще несколько времени; Прыжов же страдает delirium tremens и также, следовательно, не может быть пока спрашиваем [22]). Волей-неволей приходится выжидать. Да, что нам делать с Успенскою? Бедность большая, ребенок даже не крещен еще. Я решился выдать пока 25 руб., ибо с квартиры ее тронуть нельзя, особенно с грудным ребенком, — да здесь и нет помещения для заключения подобных личностей, на квартире у нее караул. Можно ли продолжать выдачи? Это было бы полезно даже в интересе дела. Нам очень бы были полезны серьезные показания из ваших арестантов, в особенности Успенского. Вышлите копии. Мы то же будем делать. Вышлите также по одному экземпляру взятых у Успенского прокламаций. Не откажите в ответе на мое письмо.

Неизменно преданный вам Н. Г о р е м ы к и н.

VII.

Москва. 11 декабря 1869 г.

Климин — на волоске, сильно колебается; просит позволения посмотреть свод законов уголовных. Дано. Читает и задумывается,

сквозь зубы бормочет: «Гм... да... так-то, так, а как есть что-нибудь хуже? Да я-то ничего, а другие? Нет, — позвольте, подумаю», и т. п. Видно по всему, что он готов сознаться; но он, верно, связан словом в отношении товарищей [23]). Мы не отступаем от него, но и не налегаем очень: это такая натура, что надо быть очень осторожным в обращении, — иначе можно совсем испортить дело. Сознание уже, как видите, есть, но нет разъяснения. Дело идет об обществе. Что касается убийства, то и оно двигается помаленьку. Есть уже указание, что найденный вблизи места преступления башлык принадлежит Лау, но нужно еще окончательно подтвердить. Вот сквернейшая личность — это Лау. Исследование идет ловко, и потому нам сыщиков уже не нужно. Сильно заняты. Арестован Кизо, он у ж а с н о сконфужен и все спрашивает: «Верно, по убийству?» Больше пока ничего. Если вам не нужна Марья Антонова, мы в с е полагаем возможным освободить ее, дело разъясняется пустяками, в сведениях московской полиции много неверного, а между тем Антонова 8 месяцев высидела в тюрьме, да еще московской! Будет особый доклад. Пока до следующего письма.

Преданный вам Г о р е м ы к и н.

P. S. Вы на всякий случай доведите об этом до сведения его сиятельства, но не в форме доклада, так как все-таки это еще слабо. Но вот что доложите:

Всех арестованных здесь 28: по распоряжению г. шефа — 3, по списку Успенского — 15, нами — 10. Всего 28. Из них студентов Петровской земледельческой академии 18; Московского университета—6. Следовательно, разночинцев только 4.

Титов только-что прибыл, все получил [24]). Вышлите также показание Кузнецова и возможно подробную справку о Троицком [25]), как об отчестве, так и о деятельности его.

VIII.

Секретно.

Из представляемого сего же числа журнала за вчерашний день ваше сиятельство изволите усмотреть, что нам удалось, наконец, получить показание, прямо указывающее на составление «Общества Народной Расправы». Сконфуженный арестом, но затем ободренный увещаниями в том смысле, какой вашему сиятельству угодно было указать мне, студент 2-го курса Московского университета Николай Померанцев [26]) (19 лет) совершенно чистосердечно показал следующее: месяца полтора назад товарищ его по университету Дометий Енку-

ватов [27]) предложил ему поступить в названное общество, уверяя, что это безопасно, что члены общества разделены на кружки и притом так, что один кружок не знает другого. Не зная, что сказать на это, Померанцев отвечал, что не может дать на это никакого ответа, тем более, что он имеет намерение перейти в медико-хирургическую академию, и следовательно, должен будет уехать в Петербург. Этим он думал отделаться от Енкуватова, ибо не имел никакого желания вступать в подобные общества, да и боялся. Енкуватов однако же не отставал и объявил ему, что до переезда в Петербург он все-таки должен вступить здесь в общество, и что, наконец, он не имеет уже права отказываться, так как имя его заявлено обществу, в случае же дальнейшего с его стороны упорства пригрозил тем, что он может поплатиться жизнью. Под влиянием подобных угроз Померанцев уже не смел дальше отказываться и получил от Енкуватова какой-то революционного содержания журнальчик под заглавием «Народная расправа», который ему приказано было распространять между своими знакомыми. Первый, к которому Померанцев отправился с этим журналом, был товарищ его, живший с ним вместе, Гладков [28]), но тот сейчас же прогнал его чуть не в шею, не читая даже журнала, который после того и возвращен Енкуватову. В этом заключается вся сущность показания Померанцева; рассказ его естественен в высшей степени, и по тем обстоятельствам, которые имеются в виду, не представляет оснований к сомнению, необходимо только развить его поподробнее в некоторых местах, чего по состоянию Померанцева вчера нельзя было исполнить.

Показание Померанцева особенно важным является в том отношении, что, во 1-х, указывает на то, что корень зла — в Москве, а во 2-х, подтверждает убеждение в том, что убийство Иванова совершено с политическою целью и притом в связи с производящимся дознанием.

Что касается до самого убийства, то оно, как, вероятно, уже доложено вашему сиятельству по письму моему к Филиппеусу, понемногу выясняется, — так, есть уже указание, хотя и не вполне еще достоверное, что башлык, которым были внизу связаны ноги Иванова, видели у Лау. Начинают также являться данные к подозрению Алексея Кузнецова в участии по преступлению. Вообще Алексей Кузнецов крайне необходим здесь как для следствия по убийству, так и по производящемуся здесь дознанию по политическому делу. Как из показаний Скипского, так и из всей переписки видно, что деятельность Кузнецова сосредоточивалась в Москве, через него же шла вся корреспонденция. Поэтому не изволите ли ваше сиятельство приказать выслать его немедленно в Москву вместе с показаниями и всеми бумагами его? Его нужно будет только одеть, так как высланное сюда платье его не может быть возвращено, ибо по некоторым сомнениям

подлежит исследованию экспертов по части химии. Вместе с тем необходимо произвести с а м о е т щ а т е л ь н о е дознание, когда именно прибыл Кузнецов в Петербург, ибо показание его о том, что приехал туда 18 или 19 ноября, положительно опровергается свидетельством разных лиц и в особенности его любовницы Ларионовой, на которую сам же он ссылается и которая утверждает, что он был у ней 22 числа [29]).

Равным образом, не изволите ли ваше сиятельство приказать немедленно выслать сюда с о в с е м и показаниями и бумагами Успенского, необходимость нахождения которого здесь обусловливается следующим: вся безусловно компрометирующая Титова переписка была с Успенским; Позерна — тоже; показание Скипского и находящиеся здесь бумаги Успенского могут и должны быть разъяснены только Успенским; наконец, адресы на конвертах городской почты, в которых рассылались прокламации, писаны женою Успенского и, конечно, не без ведома его; Успенскую же не только отправлять в Петербург, но и тронуть с квартиры нельзя.

В заключение я обязываюсь доложить вашему сиятельству, что по тому, насколько выяснилось уже дело, несомненным представляется то, что дело это сосредоточено в Москве и что все другие местности, не исключая и Петербурга, есть пункты второстепенные.

Затем позвольте, ваше сиятельство, испросить вашего разрешения на предоставление нам права немедленно освобождать из-под ареста тех, кого мы, по о б щ е м у в с е х н а с соглашению, признаем возможным, и доносить о них только журналами. Для того же, чтобы не могли воспользоваться свободою те, которые необходимы по дознанию, производящемуся в Петербурге, не изволите ли приказать извещать заблаговременно меня или г. начальника жандармского управления. Освобождение, во всяком случае, будет сопровождаться обязательством не выезжать из Москвы и подчинением негласному полицейскому наблюдению до окончания дела.

Сейчас привезли из Сызрани Семена Кузнецова, при котором, между прочим, найдены два экземпляра представляемой при сем прокламации [30]), о которой, сколько мне известно, князь Владимир Андреевич [31]) докладывал здесь государю императору в октябре сего года.

Г о р е м ы к и н.

12 декабря 1869 г. Москва.

Сейчас сознался еще Костыркин, сказав, что его приглашал в общество покойный Иванов. Показание его, впрочем, не совсем еще полно, но, во всяком случае, указывает на связь с Петербургом [32]). Завтра будет представлена копия, а пока не бесполезно бы было раз-

ведать под рукою, что за личность и где живет в Петербурге сестра покойного Иванова, Татьяна Ивановна Мазурина, — кажется, акушерка. Костыркин — студент Земледельческой академии в Москве.

IX.

Москва. 12 декабря 1869 г.

Секретно.

За неимением времени не могу повторить вам, многоуважаемый Константин Федорович, ближайших подробностей по ходу дознания здесь; но вы их узнаете из нашего журнала за вчерашний день и особого донесения моего его сиятельству, вместе с сим отправляемых.

Нам к р а й н е необходимы здесь Кузнецов и Успенский со всеми их показаниями и бумагами. В донесении моем укажу подробнее, чем мотивируется эта необходимость. Пришлите только п о с к о р е е их. Да сообщите имена и фамилии тех, которых нужно еще держать под арестом по вашему дознанию, ибо мы ходатайствуем о разрешении нам освободить тех из наших арестованных, которые окажутся ненужными.

Типографий здесь таких, какие нужны, не имеется. Говоря о т к р о в е н н о, я не надеюсь и на полицейскую, особенно ввиду того, с каким тщанием стараются проникнуть в нашу деятельность даже те, со стороны коих это по меньшей мере странно. Писарем же мы обладаем одним, который и без того сидит у нас ежедневно с 10 часов утра до тех пор, пока мы расходимся, что всегда бывает часов около 5 утра. Впрочем, сущность сколько-нибудь замечательных показаний излагается в наших журналах, а если вам [нужно] что-нибудь еще отдельно, пишите, и я сообщу вам.

Кузнецов лжет; его же любовница Ларионова, на которую он ссылается, утверждает, что он был у ней 22 ноября. Прикажите немедленно произвести с т р о ж а й ш е е дознание на квартире его как о времени приезда его в Петербург, так и о халате или армяке его из желтого верблюжьего сукна. Он в нем отправился. Что окажется, сообщите и вышлите сюда п о с к о р е е; это о ч е н ь важно. Да вышлите также подробности о елизаветградском деле [33]) и, в особенности, о Попиче [34]), о котором у нас идет речь: это необходимо для разъяснения дела. Вообще вы бы очень обязали нас сообщением хотя некоторых ваших сведений по дознанию, в том роде, как мы сообщаем вам; это послужило бы к разъяснению многого; ведь корень-то всей гадости здесь — в М о с к в е. Не будете ли вы так добры поспешить ответом на мои предыдущие письма и, в особенности, насчет Антоновой и

Петровского? В отношении Антоновой сведения московской полиции совершенно опровергаются самым точным дознанием.

Сейчас привезли Семена Кузнецова, он арестован в Сызрани; у него найдены прокламации, одну из которых я представляю графу.

Душевно благодарю за поощрение. Можете доложить, что я употребляю все силы, чтобы оправдать лестное доверие, и работаю так, как всегда привык. Будьте добры и не откажите что-нибудь черкнуть на мое послание к вам. А пока до свидания, которого жду с нетерпением. Зовут меня в Питер.

Горемыкин.

P. S. Когда, бог даст, вернусь, много интересного могу сообщить; быть может, и его сиятельство кое о чем поинтересуется. Писать нет возможности.

Чуть было не забыл: г. прокурор признает себя обязанным доложить со своей стороны г. министру юстиции о ходе дела, а потому списывает (впрочем, в 1-ый еще раз) копии с наших журналов. Препятствовать этому при настоящем порядке производства дела крайне неудобно, да и невозможно, так как ему все действия наши известны. Во всяком случае потрудитесь доложить об этом графу Петру Андреевичу.

X.

Москва. 14 декабря 1869 г.

Сейчас получил конверт от вас, многоуважаемый Константин Федорович, и спешу отвечать вам. Требуемый графом список прилагается к нашему журналу, сегодня же отправляемому в Питер [35]). Из него вы увидите, что мы сделали и в каком положении дело. Там же говорится и о собственном сознании вольнослушателя Петровской академии Мухортова, что башлык, которым связаны были ноги Иванова, принадлежит ему, Мухортову, вследствие чего он и арестован [36]) и зачислен за судебным следователем, так как собственно по политическому делу прямое соотношение его еще не выяснено. Кизо и Свечин [37]) — две разные личности; оба привлечены к делу. У Свечина взяты два пистолета, видимо, не бывшие давно в употреблении. У Кузнецова на квартире не было никакого револьвера [38]). Из бумаг по магазину Черкесова отберем, что нужно, и завтра отправим к вам. А теперь прилагаю восемь писем, доставленных мне здешним почтальоном и касающихся дел магазина, который закрыт по распоряжению из С.-Петербурга [39]). Не найдете ли нужным придумать что-нибудь насчет этого магазина, так как поступают разные требования и даже

деньги? Разрешите, ради самого бога, нам вопросы, поставленные в предыдущих письмах и докладах. Развяжите нам руки насчет освобождения арестованных, в и д и м о непричастных к делу и привлеченных к нему единственно потому только, что они в списке, в котором, как оказывается, есть такие, которые совсем непричастны и которые только предполагались. Это нам очень важно. Сильно заняты и потому больше писать некогда. Насчет Нечаева принимаем самые энергичные меры [40]).

За привет — сердечная признательность; только все-таки вы о главном-то ни слова не сказали, а между тем я стесняюсь. Деньги — всегда вопрос щекотливый, а между тем все-таки без них нельзя, и опять (ради бога, не сердитесь) повторяю: если я д о р о г буду, то лучше возьмите меня назад до греха, — а то, право, не знаешь, о чем больше думать: о деле или об экономии.

Ваш неизменный Н. Г о р е м ы к и н.

P. S. По моим личным отношениям с почтамтом получил очень важные документальные доказательства о принадлежности к обществу и деятельности в оном: в Одессе — Марьяшеса и в Москве — Кравца; только это уже что-то новое. Подробности завтра. Здесь арестуем сейчас, в Одессу послана телеграмма [41]).

Н. Г о р е м ы к и н.

XI.

Положение производимого здесь дознания указывает на крайнюю необходимость ближайшего ознакомления с настоящим положением дела в С.-Петербурге; необходимость эта стала неотложною после того, как здесь получено телеграфическое известие о том, что дело об убийстве Иванова разъяснено в С.-Петербурге [42]). А так как подробное ознакомление с этим разъяснением имеет для нас чрезвычайно важное значение по отношению к продолжению дознания в Москве, — чего через переписку достичь невозможно, то мы, по общему соглашению, признали нужным предложить г. Геракову [43]) отправиться с этой целью в С.-Петербург. Г. Гераков будет иметь честь явиться к вашему сиятельству и доложить о ходе нашего дознания, для чего он и снабжен всеми необходимыми сведениями.

Н. Г о р е м ы к и н.

15 декабря 1869 г. Москва.

XII.

Вероятно, вы виделись уже, многоуважаемый Константин Федорович, с г. Гераковым и потому познакомились уже с положением

нашего дознания. Мы теперь заняты общим сводом [44]), и тогда я представлю некоторые соображения, необходимые по делу. Когда получим сведения из Петербурга, тогда будем иметь полные материалы для окончательной обработки дела. Сегодня сделал сознание Абрамов; он, впрочем, более всего виноват в недонесении, но его показание важно в отношении Долгова, который запирается и которого он уличает [45]). В сегодняшнем журнале об этом будет сказано подробнее. Копии с показаний Титова и Кузнецова при сем посылаются. Больше пока ни того, ни другого допрашивать нельзя: первого, потому что он очень важен по делу, и потому необходимо прежде обставить его так, чтобы он не мог уже продолжать упорствовать, а второго, потому что еще не совсем поправился, и доктор не советует раздражать его, что обыкновенно случается, если его долго расспрашивают. Разрешите, пожалуйста, наши журналы и прочие вопросы, да дайте поскорее то, зачем поехал г. Гераков. Ждем с нетерпением из Одессы Марьяшеса, который должен нам разъяснить кое-что не только по Москве, но по Киеву и Одессе.

До свидания.

Преданный вам Н. Горемыкин.

17 декабря 1869 г. Москва.

XIII.

Москва. 19 декабря 1869 г.

На этот раз я обращаюсь к вам, многоуважаемый Константин Федорович, собственно о моей особе. Но хотя это и частность, она тем не менее имеет прямое отношение к делу, а потому я убедительно прошу вас выслушать меня и дать мне ответ в самом непродолжительном времени. Дело в том, что деньги у меня на исходе, а определить времени возвращения моего теперь невозможно, в особенности в ожидании прибытия Марьяшеса, уже отправленного из Одессы, а дождаться его я должен. Что я не кучу, показывает дело, за которым мы сидим с утра до утра. Что я не роскошничаю — можете справиться. Расходы — только по делу да по необходимости, а каковы они, вы можете судить по тому только, что я за одни телеграммы переплатил 60 рублей. Если бы мне было несколько посвободнее, я бы выслал вам теперь же отчет, но право же некогда. Я представлю его по возвращении, и тогда видно будет, как я расходовал; думаю, что меня не побранят. Теперь еще есть пока немного, но, пока я получу дополнительную ассигновку, пройдет все-таки несколько дней, и я могу очутиться на мели, особенно если придется сделать какой-либо непредвиденный, но весьма возможный расход. В конце концов, вышлите денег, но так, чтобы я мог действовать (помните наш разговор: право, не до бобров).

Пожалуйста же, Константин Федорович, устройте это обстоятельство и — поскорее. На-днях кончим то, что приготовляем для вас, и тогда увидите и судите [46]). Маряшеса жду с нетерпением, вижу его даже во сне. Больше писать не могу. Не сочтите за труд ответить

вашему неизменному Н. Горемыкину.

XIV.

Генерал-майор Слезкин отправляет сегодня донесение графу Петру Андреевичу о тех мерах, какие были приняты к разысканию здесь Нечаева [47]). Хотя Нечаева здесь и не отыскано, но я спешу и с своей стороны свидетельствовать, что в этом розыске не упущено ничего. Помимо распоряжений Ивана Львовича [48]) — распоряжений, и, как вы и сами увидите, насколько осторожных, во избежание излишней огласки, настолько же тщательно рациональных, — я, с своей стороны, особо делал секретные дознания, — со стороны г. обер-полицеймейстера в настоящем случае оказано самое горячее содействие; наконец, само начальство Петровской академии, без всякого приглашения к тому, по собственной инициативе, хлопочет изо всех сил, чтобы поймать этого негодяя, погубившего стольких воспитанников; земская полиция, которой известен Нечаев по следствию, как убийца, ищет везде этого преступника. Одним словом, трудно вообразить себе, как здесь возбуждены все против этого мерзавца, и потому вы можете успокоить его сиятельство насчет того, что в деле разыскания Нечаева не упущено ничего; наконец, слишком дерзко и рискованно было бы со стороны Нечаева оставаться теперь в Москве; он, конечно, очень хорошо знает о здешних обысках, которых полициею было сделано 65 и которые до того взбудоражили Москву, что первым делом моим по приезде сюда было приостановление полицейских обысков, производившихся без оснований, по одним лишь подозрениям. Не берусь, разумеется, утверждать, но мне сдается, что едва ли Нечаев здесь, и вот почему: А. Кузнецов показывает, что Нечаев встретился с ним на дороге, когда он в последний раз ехал в Петербург. Семен Кузнецов, значащийся в списке Успенского, арестован в Симбирской губернии, частные слухи ходят, что в Казани между студентами какая-то агитация; по письму Марьяшеса, которого мы ожидаем из Одессы, видно, что в Киеве и Одессе существуют уже кружки и кассы. Не есть ли все эти агитации действия Нечаева и не в тех ли местах он? Повторяю, я пока не стану уверять в том положительно, но подумайте сами, не найдете ли вы мои соображения не совсем безосновательными? Если да, то не лучше ли будет в таком случае направить туда ваших агентов, — конечно, после того, как Марьяшес даст нам разъяснения? Я сообщу их вам в свое время.

Я не понял, какое вам нужно письмо, и потому посылаю все 5 записок, писанных карандашом и найденных в бумагах Успенского. Прилагаю также одно письмо сестры Успенского, в котором говорится насчет корреспонденции между арестованными [49]). При этом я должен оговориться насчет того, что до сих пор не представляю доклада об Антоновой: неполучение о ней сведений из отделения, о чем я просил, и прилагаемая здесь записка, разъяснить которую, за отсутствием отсюда Успенского, не представляется возможности [50]), — все это вместе задерживает доклад.

Пишите что-нибудь, — кажется, вы совсем забыли о нас, горемычных.

Преданный вам душой

Н. Горемыкин.

20 декабря 1869 г. Москва.

XV.

Москва. 23 декабря 1869 г.

Позвольте убедительно просить вас, многоуважаемый Константин Федорович, исполнить поскорее следующие наши просьбы:

1) Разрешить немедленно освободить несчастную Антонову, которая сидит 8 месяцев только потому, что о ней доставлены были самые сбивчивые и неосновательные сведения, и разрешить выдать ей хотя рублей 30—40: она больная, не имеет ни гроша и за восемь месяцев потеряла все знакомство. О ней я представлю особый доклад, но на это потребуется время, — держать же ее из-за этого, по совести, не следует. Да, кстати о деньгах: розыски и командировки в разные места довели меня до того, что я остаюсь при нуле. Пожалуйства доложите его сиятельству, что если я не представляю сейчас отчета, то потому только, что некогда переписывать, но я представлю его.

2) Вышлите фотографические карточки девицы Луниной [51]) и Черкесова.

3) Опросите Черкесова, не посылал ли он в ноябре в Москву к сестре каких-то бумаг, каких именно, с кем и через кого именно они должны были быть переданы сестре его.

4) Вышлите справку об Орфано [52]) (у вас есть).

5) Если вам не нужно, освободите Ечеистова, так как (он) оказывается совершенно непричастным к делу [53]).

С нетерпением ожидаю ответа и поздравляю вас с праздником.

Преданный вам Н. Горемыкин.

XVI.

Москва. 24 декабря 1869 г.

Наконец, нам удалось убедить и Долгова, так долго запиравшегося [54]). Мы возились с ним вчера до 4-х часов ночи, продолжаем и сегодня. Показание замечательное и по объяснению и по величине. Едва ли кончится сегодня. Если разъяснения некоторых подробностей нам еще необходимы, то, я думаю, мы будем иметь возможность сказать, что все, что было в Москве по этому делу, раскрыто. Впрочем, увидите сами, а пока посылаю вам наскоро набросанную по показанию Долгова таблицу организации [55]), и если она оказывается несовсем согласною с теми, какие найдены у покойного Иванова и у Успенского, то едва ли ее не следует считать самою верною, так как Долгов был представителем всех кружков и, следовательно, лучше всех знал их. Копия с показания его будет доставлена вам скоро, как только будет возможно.

О Рипмане (участвовал именно Рипман, а не Рихман) есть следующие сведения:

Федор Рипман из дворян Эриванской губернии, православного исповедания, поступил в Петровскую академию кавказским стипендиатом 18 августа 1866 г., а выбыл из академии 3 ноября 1869 г. Где находится — неизвестно: здесь разыскивается, но, мне кажется, не следует ли поискать его и на Кавказе [56]). Если вы будете докладывать его сиятельству прилагаемую табличку, то попросите не гневаться на меня: чертил наскоро из-под руки Долгова с его показания, а переписать не успел, ибо опоздал бы на почту. Голикова [57]) освободить нельзя.

Поздравляю вас с праздником, желаю вам всего лучшего и прошу не забывать преданного вам Н. Горемыкина.

P. S. А что наш Павел Константинович Гераков? Так и надул нас, хоть бы строчку написал. Поклонитесь ему от нас.

XVII.

Москва. 27 декабря 1869 г.

Дело наше мы кончаем здесь, и, если бог поможет, в понедельник предполагаем (т.-е. я и товарищ прокурора судебной палаты Стадольский) выехать отсюда, так что во вторник, вероятно, увидимся. Везем хорошие материалы и на словах еще кое-что разъясним. До того мы особенного ничего сообщать не будем. Потрудитесь, многоуважаемый Константин Федорович, доложить об этом графу Петру Андреевичу и при этом присовокупите, что его сиятельство изволит убедиться в том, что дознание полно и что теперь настоящий момент, в который дело должно быть доложено.

Больше пока нечего писать. До скорого свидания.

Ваш Н. Горемыкин [58]).

XVIII.

Из телеграммы генерала Слезкина ваше сиятельство изволите быть уже известны об арестовании Николаева. В дополнение к сему я поставляю себе в обязанность доложить вашему сиятельству, как о том, каким образом арестован Николаев, так и о первоначальном показании его.

При обыске дома Петрова на Разгуляе, где взят Черкезов, узнано было, что к съемщице квартиры Мартыновой ожидается еще какая-то личность, которую Мартынова называла своим двоюродным братом Егором Анисимовым. Вследствие этого за прибытием упомянутого лица было учреждено негласное наблюдение; вчера Анисимов зашел в близ лежащий около дома Петрова трактир и там задержан, а затем и доставлен к нам. Паспорт при нем на имя крестьянина Анисимова оказался совершенно в порядке, сходства с фотографическою карточкою — никакого, говорит как мужик, манеры самые простые. Все эти данные давали основание полагать, что, в самом деле, не Анисимов ли это? Но два обстоятельства заставили обратить на него внимание: во 1-х, руки у него слишком чисты и хороши для плотника, за которого он выдавал себя, во 2-х, говоря о своем артельном хозяине, он называл «Мартиновым», что, конечно, не свойственно простому человеку, который непременно сказал бы: «Мартынов». Генерал Слезкин приказал ему расстегнуться, и под дубленкой оказалось пальто, дальше блуза, но нет рубашки, нет креста на шее. Это усилило подозрения. Антонов тотчас же был предъявлен Долгову, тому самому, который первый дал самое чистосердечное и точное объяснение всей организации. Долгов, не знавший настоящего имени Николаева и знавший его только в лицо, тотчас сказал: «Это тот самый, который президировал у нас [59])». — «Следовательно, вы — Николаев?» — спросили мы. «Да, если уж, — указывая на Долгова, — и вы так говорите, то и я скажу, что я Николаев», — ответил он. Мы тотчас же раздели, обыскали его и приступили к допросу. Как вчера, так и сегодня до 3-х почти часов дня, Николаев говорил согласно с имеющимися у нас сведениями, но только до 20-го октября [60]) сего года, с того же числа он начал путать, а в участии в убийстве Иванова совершенно запутался. Около 3-х часов Николаев, поставленный уликами в невозможность запираться далее, сознался и относительно убийства, причем хладнокровие его оставило, и он даже прослезился. Главною причиною всех своих преступлений Николаев выставляет то, что он отдал свой паспорт Нечаеву. В настоящее время он пишет показание, по содержанию которого тотчас же делаются необходимые распоряжения, о коих будет доложено особо. Необхо-

димая для распоряжений в С.-Петербурге выписка из показаний Николаева при сем представляется.

У священника Терновского произведен самый тщательный осмотр, но ничего не оказалось. Это добрый человек, делающий много добра и делящий свои крохи с бедными. Прыжов, знавший его, потому что некоторое время жил с ним в одном доме, воспользовался этой слабостью о. Терновского и выманил от него 11 р. денег и несколько старого платья для какого-то бедного священника. Петрова [61]) священник видал один раз, когда приносил Прыжову свое подаяние.

Н. Горемыкин.

31 декабря 1869. Москва.

XIX.

День 31 декабря посвящен был подробному допросу Николаева, который, решившись сознаться, дает чрезвычайно подробные объяснения всего дела, поименовывая лиц, участвовавших в преступном замысле и указывая нам каждого из них. Видно, вообще, что Николаев дает чистосердечное и полное показание: по крайней мере, то, что он рассказал до сих пор, согласно со всеми обнаруженными пока обстоятельствами, а те из указанных им лиц, которые арестованы по его указанию, делают сознание. Показания Николаева до такой степени пространны, что он их пишет еще и сегодня; вчера допрос ему продолжался до 2-го часа ночи и прекращен только ввиду усталости допрашиваемого. Из показания Николаева, между прочим, видно следующее: любовница арестованного в Петербурге Тейсса [62]), повивальная бабка Варвара Владимировна Александровская [63]) (высокая, старообразная, лет 40, волосы темнорусые, стриженная), бежала за границу с Нечаевым, чтобы, вернувшись оттуда в непродолжительном времени, привезти с собою прокламации. Нечаев также предполагает вернуться скоро в Россию и также с прокламациями. Он велел заготовить себе приюты, в том числе один — у Мартыновой, у которой взяты Черкезов и Николаев и которая уже арестована. В возвращении Нечаева Николаев не сомневается, потому что он чрезвычайно сконфужен пред заграничными наставниками своими неудачами дела в России. Эта же Александровская рассказывала Черкезову, что известный Березовский [64]) был недавно в Петербурге. Нечаев, видевшись с Николаевым в Туле в начале минувшего декабря, передавал ему об этом рассказе Александровской и досадовал, что она болтает то, о чем следует молчать. Далее Николаев объясняет, что необходимо обратить особое внимание на некоего Гончарова [65]) в С.-Петербурге (кажется, какого-то студента); этот Гончаров образует особую организацию и очень ловко ведет дело; но, как он стремится к цели другим путем,

нежели Нечаев, т.-е. путем развития и образования народа, — что не в духе Нечаева, — то сей последний сильно хлопотал о том, чтобы привлечь на свою сторону Гончарова. Но Гончаров осторожен, и потому предварительно арестования его за ним необходимо учредить бдительное наблюдение, ибо иначе у него можно не найти ничего.

Арестован, между прочим, служащий у известного Полякова [66]) инженер — коллежский секретарь Ламанский [67]), который хранил у себя инженерное платье и выдавал его разным лицам по произнесении условленного пароля. Платье ему передано было Черкезовым. Ламанский, хотя еще не сознается вполне, но уже путается.

Допрос Николаева продолжается.

Н. Горемыкин.

1 января 1870 г. Москва.

XX.

Нечаевская организация во всем, что касается Петровской академии, расследована в главных чертах окончательно. Остались только некоторые мелкие подробности, которые, в свою очередь, могут быть выяснены в самом непродолжительном времени.

Собственное сознание, согласное с обстоятельствами дела, большинства наиболее крупных действующих лиц и, в особености, вполне чистосердечные показания слушателя Долгова [68]), бывшего председателем всех кружков академии, достаточно обеспечивают верность сделанного вывода.

Показания Николаева удостоверяют то же самое.

Относительно же участия в деле университета и общества, то, хотя можно считать доказанным, что революционная пропаганда пустила свои корни и туда, но в то же время есть основание думать, что корни эти не пошли далеко. Во всяком случае, вполне, повидимому, искреннее показание Николаева, лица, перед которым не стеснялся снимать маску и сам Нечаев и которое заменяло его при отлучках в кружках всякой среды безразлично, дает надежду скоро покончить в Москве со всем делом вообще.

Но для успешного приведения дознания в желаемые ясность и полноту, необходимо прибытие в Петербург, хотя бы на два, на три дня, как мое, так и товарища прокурора судебной палаты Стадольского.

Личное и всестороннее объяснение нами хода дела здесь могло бы, казалось, с одной стороны, быть весьма полезным для Петербурга, без всякого сомнения, играющего в деле организации второстепенную только роль, а с другой, ход дела там осветил бы, вероятно, темные стороны его в Москве.

Есть лица, которые содержатся под стражей только потому, что невозможно с достаточною полнотою определить их значение по делу без сведений о них в Петербурге; найдутся, вероятно, и такие, которые находятся в Петербурге в том же положении относительно Москвы. Письменные же сношения в этом случае, в каком бы виде они ни делались, никогда не заменят обмена мыслей на словах, нескольких непродолжительных, но непосредственных объяснений с арестованными.

Коллежский советник Н. Горемыкин.

2 января 1870 г. Москва.

XXI.

Секретно.

Из показания Николаева, между прочим видно, что у Нечаева, на случай возвращения его в Россию, устроены тайные приюты в Твери, Клину и Ржеве. Если Нечаев не лгал, то, по соображениям Николаева, в первых двух местах означенные приюты могут быть устроены у кого-либо из тамошних семинаристов чрез Моравского, имеющего много между ними знакомых (Моравский, б. студент медицинской академии, неизвестно куда скрывшийся). В Ржеве же тайный приют для Нечаева мог быть устроен арестованным ныне Тейсом [69]) (в С.-Петербурге), который пропагандировал в Ржевском уезде между крестьянами, переодевшись сапожником. Как характеристику того, насколько пропаганда Тейса была удачна, Николаев рассказывает следующий случай: однажды крестьяне, пьянствуя в каком-то кабаке, заметили проезжавшего мимо одного из мелких полицейских чиновников, которого приняли за Нечаева. Они выскочили из кабака и закричали ему: «Что же, батюшка, когда же начинать? Мы все готовы давно». Чиновник растерялся и поскорее ускакал, а пьяные мужики догадались, что они ошиблись.

Долгом считаю доложить об этом вашему сиятельству.

Коллежский советник Н. Горемыкин.

3 января 1870 г. Москва.

XXII.

Секретно.

Николаев сейчас вспомнил, что Нечаев, по возвращении в Россию и не найдя главных сотрудников своих, по всей вероятности, будет скрываться у отставного юнкера Кронер [70]), проживающего в собственном селе Болгово на границе Ковровского и Шуйского уездов, Владимирской губернии, в 7-ми верстах от села Хомутова, где священником отец Орлова [71]). С Кронером Нечаев и Орлов довольно хорошо

знакомы; лето 1868 г. Нечаев провел у Кронера. Николаев полагает, что Кронер уже предварен о приготовлении тайного приюта для Нечаева. Дом Кронера на берегу реки, внизу мельница, чрез которую можно пробраться на противоположный берег и скрыться в кустах.

Н. Горемыкин.

4 января 1870 г. Москва.

XXIII.

Командированный в Тулу для обыска и арестования начальника тамошней телеграфной станции надворного советника Проспера Станкевича [72]) полковник Воейков сейчас вернулся, привезя с собою г. Станкевича и взятые у него при обыске бумаги. В числе этих бумаг, между прочим, оказались представляемые при сем: 1) фотографические карточки известной Александровской и 2) письмо к сей последней, адресованное в Тулу чрез Станкевича [73]). Как видно по почтовому штемпелю, письмо отправлено из С.-Петербурга 2-го, и в Туле получено 5-го сего января. Алексей Никитич, о котором говорится в письме, есть Тейльс, переехал в Пантелеймоновскую улицу к Цепному мосту — значит, арестован III отделением. Эти соображения подтвердил и Николаев, сказав, что так условлено извещать об аресте, но Станкевич говорит, что он ничего не знает, и самое знакомство с Александровскою объясняет случайностью. От него будет отобрано подробное показание.

Необходимо бы было просить немедленного распоряжения со стороны министерства внутренних дел о наблюдении за корреспонденцией Станкевича, как письменною, так и телеграфною, адресуемою и лично ему, и для передачи кому бы то ни было. Без этого распоряжения, как отзывается генерал-майор Муратов [74]), нет никакой возможности иметь эту корреспонденцию. Кроме того, в бумагах Станкевича найдены также прилагаемые у сего два документа Александровской и письмо на имя ее, как я полагаю, некоего Божко, причем о нем можно узнать от тех чиновников управы благочиния, о которых упоминается в письме. Документы эти, адресованные на имя Станкевича же, присланы в Тулу в прилагаемом конверте, как к а з е н н ы е, за печатью начальника V отделения управления по сооружению Московско-Курской железной дороги. Фамилия его — Керсновский, а квартира его в Курске [75]). О нем с нашей стороны никакого распоряжения не сделано, и самое обстоятельство это имею честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства.

Прыжов дополнил показание свое следующим: печать «Народной Расправы» должна быть в запечатанном помещении магазина Черкесова; указал и место хранения. Вследствие сего сделано распоряжение об осмотре вновь упомянутого магазина. Ближайшею особою к Не-

чаеву в Петербурге была г-жа Лихутина [76]), жившая где-то возле Таврического сада. В записной графленой книжке Успенского он, Прыжов, мог бы указать путь следования Нечаева за границу, конечно, если страница эта не вырвана [77]). Если Нечаев бежал по тому пути, то он должен быть в Бухаресте и видеться там с приятелем его, Прыжова, Каравеловым [78]), адрес которого, писанный рукою Прыжова, здесь прилагается. Прыжов просил позволения написать к Каравелову письмо с приглашением известить его о месте нахождения Нечаева или назначить свидание с ним. Прыжов надеется получить удовлетворительный ответ и таким образом оказать содействие поимке Нечаева. Письмо дозволено написать, просмотрено и отправлено на почту. Для ответа Каравелова в письме Прыжова дан следующий условный адрес: в Москву, у Арбатских ворот, дом Волкова, Наталии Ивановне Гололобовой. Так как письма из-за границы..... [1]) через Петербург, то необходимо бы было предупредить с.-петербургский почтамт. Здесь это уже сделано.

Н. Горемыкин.

6 января 1870 г. Москва.

XXIV.

Секретно.

Прыжов объясняет, что в числе взятых у Успенского бумаг должна находиться записная книжка последнего, и, если в ней не уничтожена одна страница, то можно узнать путь, по которому отправился Нечаев за границу. По этому маршруту, Нечаев должен быть в Бухаресте у приятеля Прыжова Каравелова, адрес которого при сем представляется. Прыжов просил позволения написать письмо Каравелову; он надеется, что последний ответит ему, и тогда можно будет узнать путь возвращения Нечаева. Это разрешено Прыжову, и письмо отправлено. Для ответа дан следующий условный адрес: в Москву, у Арбатских ворот, дом Волкова, Наталии Ивановне Гололобовой. Необходимо бы было наблюсти за ответом в петербургском почтамте; здесь уже я распорядился. Так же Прыжов заявил, что Нечаев просил его съездить за границу за прокламациями и взять с собою для этого какую-нибудь женщину, — с тем, чтобы по возвращении в Россию, по переезде границы, эту женщину, необходимую только как нечто вроде чемодана, уничтожить каким бы то ни было способом. Это наводит на мысль, что не будет ли подобною жертвою Александровская, которую, за отказом Прыжова, взял с собою Нечаев. — Отправленное вчера письмо о переезде Алексея Никитича (Тейльса) в Пантелеймоновскую улицу,

[1]) Одно слово не разобрано вследствие того, что письмо залито чернилами.— *Б. К.*

как полагает Николаев, послано Бобарыкиною или Бобарыковою, об арестовании которой телеграфировано в Петербург [79]). По направлению этого письма можно предполагать, что Нечаев прежде всего будет стараться попасть в Тулу. До сих пор неизвестно еще, откуда и какой паспорт приобрела Александровская на выезд за границу; но нельзя не обратить внимания на то, каким образом она могла получить заграничный паспорт, когда документы ее находились в с.-петербургской управе благочиния. Не могут ли дать по этому поводу каких-либо объяснений в управе или тот, кто хлопотал там об этих документах? Из Курска означенные документы, без сомнения, отправлены некиим г. Боль, служащим бухгалтером у г. Керсновского (см. вчерашнее донесение). Это муж одной из сестер Высоцких, о которых говорится в журнале 6 сего января [80]). Из показания арестованного студента Рахимова [81]), между прочим, видно, что он завел сношения с военным Александровским училищем в Москве, где у воспитанников ружья стоят около постелей и, следовательно, удобно ими воспользоваться, особенно при содействии воспитанников. По этому случаю наводятся более обстоятельные справки, причем будет поверено под рукою объяснение насчет того, где хранится в помянутом училище оружие.

Техник Пажон-де-Монсе уже арестован и доставлен в Москву. Сначала он запирался, но потом, будучи уличен сведениями, извлеченными из показания Николаева, сознался во всем и после истерического припадка, которым он страдает, принялся писать признание. Теперь просматриваются его бумаги [82]).

Нельзя не обратить внимания на появившиеся во вчерашних здешних газетах статьи по настоящему делу («Московские» и «Русские ведомости» и «Современные известия»). В особенности замечательна по своей резкости передовая статья «Московских ведомостей». Фраза, отмеченная красным карандашом, по меньшей мере, кажется неуместною. Наконец, каким образом редактор сохраняет у себя прокламацию, да еще и публикует о том? Не следует ли потребовать ее от него и вообще пригласить дать объяснение по поводу хранения оной, и в особенности тогда, когда по поводу прокламаций производится следствие? Казалось бы, что вообще было бы более полезно для дела, если бы газеты наши помолчали пока о Нечаеве [83]).

Н. Горемыкин.

7 января 1870 г. Москва.

XXV.

Вместе с сим при нашем журнале за вчерашний день, представляется тюк с бумагами, взятыми при вторичном осмотре библиотеки

Черкесова в Москве. По этому поводу поставляю себе в обязанность доложить вашему превосходительству следующее: в тюке заключаются три пакета, из них самый важный под № 1, в котором заключаются проект или программа организации и действий революционного общества, по которому производится дознание, и вообще преступная переписка, могущая быть чрезвычайно полезною при деле в С.-Петербурге. Программа общества, без сомнения, писана Успенским, который и должен дать по ней объяснение [84]). Далее в числе писем есть какой-то Кривцовой; в одном из них говорится о Каракозове и Березовском, означенных буквами К и Б. Эта Кривцова, по моему мнению, должна быть та самая, о которой упоминается в деле Лопатина и Волховского [85]). Если память мне не изменяет, то, кажется, в деле есть уже показание о ней Волховского. Показание Николаева по данному вашим превосходительством генералу Слезкину предложению при сем представляется.

До сих пор мы не можем отыскать дворянина Дмитрия Егоровича Коведяева [86]), очень нужного по производимому здесь дознанию. Между тем оказывается, что о нем можно получить сведения от сестры его, живущей с инженером Тверитиновым [87]) где-то на Петербургской стороне. Г. Тверитинов занимается изысканиями по железным дорогам. Приметы Коведяева следующие: 17 лет, роста среднего, лицо смуглое, длинное, глаза черные, большие, по близорукости носит постоянно очки, нос длинный, волосы черные, длинные, усы пробиваются, а на самом подбородке несколько черных волос. Одевается в черное драповое пальто с бобровым воротником и в белую мерлушечью шапку (единственную у него). Занимался с Тверитиновым. Не будет ли приказано сообщить сюда то, что будет узнано в С.-Петербурге о Коведяеве?

Между взятыми у Высоцкого фотографическими карточками оказалась одна некоего Ошанина (представляется при сем). Этот Ошанин, по показанию Николаева, большой приятель Орлова, который и посвящал его во все тайны заговора. У нас пока других указаний на Ошанина нет, и потому мы сами не решились принимать никаких мер в отношении его, хотя все указания, сделанные Николаевым, до сих пор подтверждались совершенно. Казалось бы, во всяком случае, необходимо прежде справиться с делом в С.-Петербурге и, кроме того, спросить о нем Орлова. В настоящее время Ошанин находится в селе Иванове гувернером у купца Якова Петровича Гарелина [88]).

В заключение не могу не доложить вашему превосходительству, что здесь дознание идет благодаря бога успешно, но так развивается, что мы с нетерпением ждем из С.-Петербурга нашего сочлена г. Стадольского, который, вероятно, привезет нам разрешение по многим вопросам, встречающимся по ведению дознания. Благоволите прика-

зать сообщить нам в возможной скорости показание Тейльса о начальнике телеграфа в Туле Станкевиче и арестован ли медицинский студент Мутафов [89]).

Н. Горемыкин.

8 января 1870 г. Москва.

XXVI.

Секретно.

Вместе с сим, во исполнение требования вашего превосходительства, представляются показания Николаева. Беру смелость покорнейше просить ваше превосходительство приказать возвратить их нам в возможной скорости, так как мы не успели еще списать с них копий, а между тем они чрезвычайно важны для нас при производстве дознания. Мне кажется, что, если бы признано было возможным, разделив показания по листам, поручить набор 2—3 человекам, то их успели бы напечатать в несколько часов; копии показаний необходимы бы были и для нас.

При этом имею честь представить отдельные показания Николаева, отобранные мною от него собственно по делу Дементьевой. Показание это очень важно по тому делу, — оно дает ему именно тот свет, в котором оно представлялось нам с самого начала. Спору нет, что Дементьева виновата, что это, к сожалению, извращенное нигилизмом существо, но все-таки корень зла заключается в Ткачеве, что это он, который губит молодежь, и что прокламация «К обществу» — произведение его, а не полиции, как он показывает [90]). Если Дементьева узнает как об аресте Николаева, так и о показании его, то можно надеяться, что она объяснится откровеннее. Зная не только дело, но и участвующих в нем лиц, будучи, так сказать, знаком с ними, я бы позволил себе предложить тому, кому поручено дальнейшее ведение сего дела, стараться действовать прежде на Дементьеву, а потом уже на Ткачева, так как на признание его труднее рассчитывать.

Кроме сего, при этом представляются бумаги, которые были спрятаны в сарае крестьянином Василием Николаевым, и две тетрадки из тех бумаг, которые найдены на чердаке при библиотеке Черкесова [91]) и которые заключают в себе список малороссийской общины [92]). Они оставлены были для снятия копий.

Н. Горемыкин.

9 января 1870 г. Москва.

XXVII.

Совершенно конфиденциально.

По поводу предстоящего празднования годовщины основания Московского университета, что обыкновенно бывает 12 января, здесь

в этот день устраиваются обеды и торжества в трех местах: в самом университете, в дворянском собрании и в артистическом кружке. Во всех трех местах, как частным образом слышно, готовятся большие скандалы, — в особенности против ректора г. Баршева. Когда я получил об этом сведение, по которому, между прочим, оказывалось, что собственно в университете овация г. Баршеву предполагается по прочтении им того места из отчета, где касается известной «полунинской истории», я по личным отношениям моим к г. генерал-губернатору позволил себе доложить о том князю Владимиру Андреевичу, но его сиятельство сказал мне, что, вероятно, г. Баршев не будет читать отчета вовсе. За всем тем слухи о будущих беспорядках передаются настойчиво, и если удастся здешним властям предупредить что-нибудь в других местах, то едва ли можно ручаться за успех в отношении артистического кружка, который, имея во главе своей известного князя Урусова (адвоката), пользуется здесь репутациею весьма неспокойного и неблагонадежного общественного места.

По поводу обыска в университете я был вчера в 1-м часу ночи у г. генерал-губернатора, чтобы доложить его сиятельству о том, что обыск был небезоснователен. Князь Владимир Андреевич, видимо, был доволен нашею удачею, но в то же время нельзя было не заметить тревожного состояния его сиятельства. Оказалось, что князя несколько заботит распоряжение по поводу «Московских ведомостей» [93]), случившееся как раз в то время, когда в университете был обыск [94]) и когда там, по слухам, предполагаются скандалы, могущие увеличиться и принять более серьезный характер, если г. Катков, по примеру г. Аксакова, вздумает пропеть какую-нибудь лебединую песнь [95]).

Все это не имеет прямого отношения к поручению, на меня возложенному, но я не считаю себя в праве умолчать.

Н. Горемыкин.

10 января 1870 г. Москва.

XXVIII.

Секретно.

В одном из предыдущих донесений моих и в журнале нашем за вчерашний день упоминается о намерении тайной организации воспользоваться тем, что в Александровском училище оружие воспитанников находится около их кроватей. По наведенной негласным образом справке, оказалось, что в означенном училище ружья, действительно, находятся в камерах воспитанников составленными в дортуарах. Цель хранения оружия подобным образом, а не в цейхгаузе, как частным образом узнано, заключается в том, чтобы воспитанники, имея постоянно оружие на глазах, более обращали на него внимание и свы-

кались с ним с первых же дней своей военной жизни. Практично ли это и насколько, судить не наше дело, можно только сказать, что обстоятельства настоящего дела показывают, что такой способ хранения оружия дает повод людям злонамеренным пятнать заведение, быть может, ни в чем непричастное, — по крайней мере, об Александровском училище у нас до сих пор нет никаких сведений по делу. Частным образом известно только, что недавно оттуда исключено 14 человек воспитанников за невыдержание экзамена.

В дополнение к представленным мною сведениям о Коведяеве имею честь доложить, что его можно искать в семействе какого-то Пружанского [96]), женатого на Явецкой или Евецкой [97]).

По поводу найденного в университете шрифта открываются новые обстоятельства, дающие довольно серьезные указания на Рязань. До завтра мы надеемся разъяснить их, и завтра я буду иметь честь представить подробное донесение.

Н. Горемыкин.

10 января 1870 г. Москва.

XXIX.

При этом представляется сегодняшний номер «Московских ведомостей». Передовая статья этой газеты обращает на себя особое внимание и едва ли не хуже тех, за которые дано предостережение. Статья «Русских ведомостей», при сем также представляемая, небезынтересна в другом смысле [98]).

Прапорщик Соколов, производящий обыск в библиотеке Черкесова, прислал сказать, что сейчас он отыскал спрятанным в горловой трубе набор «бланка для публики революционного общества» и еще какие-то важные бумаги. Завтра все это будет представлено.

Н. Горемыкин.

11 января 1870 г.

XXX.

Наши оба писаря — и здешний и присланный из С.-Петербурга — оба заняты срочною работою по переписке общего свода дознания, а потому представляемый доклад пришлось самому переписывать. Позвольте просить извинения вашего превосходительства, если он не совсем чист, откладывать его невозможно.

При журнале нашем представляется набор, найденный в книжном магазине Черкесова. Его нашли потому только, что я решился дозволить разобрать печки во всех тех местах, где могут быть дымовые проходы, в одном из них, заложенном сором и кирпичом, и найден шрифт. Один из находящихся у нас бланков, отпечатанных этим шрифтом, при сем представляется.

Половые, о которых упоминается в журнале, и вещи арестованы. Задержан также и Басов. [99]) Начат разбор бумаг, и затем будем допрашивать. Работы вообще очень много.

Не изволите ли признать возможным известить меня, где именно и каким образом задержана Александровская и нет ли ее указаний о том, где Нечаев. Не через Шмуля ли задержана Александровская? [100])

Н. Горемыкин.

12 января 1870 г. Москва.

XXXI.

Секретно.

Частным образом получено сведение, что со стороны почтового департамента, по просьбе самого Черкесова, сделано распоряжение об отсылке всей адресованной в московской магазин его корреспонденции в с.-петербургский магазин. Если это верно, то, казалось, не бесполезно было бы учредить в С.-Петербурге наблюдение за означенною корреспонденциею. Во всяком же случае, я бы покорнейше просил ваше превосходительство почтить меня уведомлением о тех распоряжениях, какие последуют по сему предмету, так как у нас есть несколько подобных писем с деньгами, хранение которых здесь затруднительно.

На вопрос об Александре Васильевиче Белкове (а не Белов) имею честь доложить, что это должен быть Николаев: на это имя у него был второй подложный паспорт, и под этим именем, по показанию нескольких лиц, он был известен в организации.

Копию с показания Марьяшеса при сем имею честь представить.

В числе бумаг, найденных вчера в магазине Черкесова, оказались два листка почтовой бумаги, на которых изложены суждения о революционной пропаганде. Сколько я помню почерк Волховского, это должно быть писано им, а потому оба означенных листка представляются при сем, в дополнение к тем бумагам Волховского, которые на-днях отправлены в С.-Петербург.

По представляемому при сем адресу не изволите ли, ваше превосходительство, приказать справиться и известить меня [101]).

Н. Горемыкин.

13 января 1870 г. Москва.

Примечание. Вчерашний день прошел здесь без особых случаев. В университете по окончании акта, когда г. генерал-губернатор уже вышел из залы, раздалось несколько свистков, но не вслед князю Владимиру Андреевичу, а в виде овации местному начальству. Говорят, впрочем, что во время акта между студентами пронесся шопот: «Когда, теперь или после? Лучше после». Впрочем, это частный слух,

вообще же день прошел тихо. Это подтвердил мне и князь Владимир Андреевич, у которого я был сегодня по поводу производимого дознания.

XXXII.

По поводу вопроса о Берсеневе, в дополнение ответной телеграммы генерал-майора Слезкина, имею честь доложить вашему превосходительству следующее: Варлаам Черкезов, отличавшийся во всей организации каким-то романическим настроением и вследствие того занимавшийся много романами, вычитал эту фамилию в известном романе Тургенева «Накануне». Николаев, как более серьезный характером, часто смеялся за это над Черкезовым, когда последний объяснил ему происхождение принятой им фамилии.

Из Курска и Кенигсберга были присланы на имя Ламанского две телеграммы, подписанные так: «акушерка Берсенева» (о последней из них упоминается в показании Николаева). Обе телеграммы, как показывает ход дела, были от Александровской, и, без всякого сомнения, означенная подпись служила условным выражением того, о т к о г о и к о м у следовали телеграммы (Александровская—акушерка; Берсенев—Черкезов). Это соображение потверждается и показаниями Ламанского. Что же касается до того, почему члены организации употребляли вымышленные фамилии, то это отличительная черта этой организации.

В настоящее время для нас чрезвычайно важный вопрос в жене Успенского; при первоначальных объяснениях с нею она дала, как теперь оказывается, ложные ответы. Обстоятельства в отношении ее настолько выяснились, что теперь ей можно поставить вопросы категорически, и едва ли ей можно будет продолжать упорствовать, но это неминуемо произведет на нее сильное впечатление, а между тем она кормит сама ребенка и вообще женщина нервная. При сильном потрясении молоко может броситься в голову, и, не говоря уже о ребенке, можно в ней лично понести ущерб в интересе самого дела. Мы приглашали поэтому главного врача полиции, который, вместе с тем, и известный здесь акушер. Как лицу официальному и врачу, мы должны были объяснить ему о том, что Успенской предстоит дать вопросы, могущие ее взволновать, и что, быть может, придется отправить ее в С.-Петербург. Тогда этот врач выразил, что, если отправление Успенской в С.-Петербург предполагается, то лучше бы было допросить ее уже там на месте, где, во всяком случае, более средств к сохранению ее, а то она может здесь расхвораться, выезд ее затянется, и она задержит ход дела.

Не изволите ли, ваше превосходительство, разрешить нам этот вопрос?

Вместе с тем я позволяю себе беспокоить ваше превосходительство покорнейшей просьбою о скорейшем разрешении вопросов, в предыдущих моих докладах изложенных, — в особенности же, насчет наблюдения за телеграфом в Москве и корреспонденцией в Туле и Твери, а также и об арестантах: это чрезвычайно важные для нас вопросы.

Н. Горемыкин.

14 января 1870 г. Москва.

XXXIII.

Секретно.

В бумагах Коведяева оказалось одно письмо к нему с припискою инженера А. Тверитинова (Ковенский переулок, д. № 13, кв. 4) следующего содержания: «Говорят, что Рыжие пустяки здесь и потомок Меча тоже».

Не изволите ли ваше превосходительство приказать опросить Тверитинова вообще об отношениях его к Коведяеву и, между прочим, предложить ему вопрос по поводу приведенной фразы? Не выяснится ли из показания Тверитинова еще чего-нибудь, подходящего к делу, так как мы имеем уже в виду участие нескольких инженеров, и притом таких, которые занимаются тем же, чем и Тверитинов, т.-е. изысканиями, — следовательно, такими работами, при которых они весьма близко становятся к народу?

Было бы также не бесполезно навести справки о брате Коведяева — Егоре Егоровиче Коведяеве, фотографическая карточка которого при сем представляется. Он служит в Государственном банке и, будто бы, куда-то уехал. Арестованный брат его явно уклоняется дать о нем какие-либо обстоятельные сведения, несмотря на то, что он взят в С.-Петербурге, а это порождает невольное сомнение в отношении личности Егора Коведяева. Можно, пожалуй, предполагать, что он не совсем чист по деятельности своей в банке и скрывается [102]).

При продолжающемся еще обыске библиотеки Черкесова в Москве найдены три письма, по которым, казалось, было бы не бесполезно допросить Успенского. Письма эти при сем представляются [103]).

Сейчас задержан Флоринский [104]), которого приказано было арестовать к приезду сюда полковника Жолобова [105]) и которого тогда не отыскано. Какие угодно будет приказать сделать распоряжения о нем? По содержанию того, что у нас есть, он будет допрошен.

Н. Горемыкин.

15 января 1870 г. Москва.

XXXIV.

Секретно.

По делу оказывается, что родная сестра арестованного Коведяева, ныне жена студента медицинской академии, с которым не живет, Любовь Егоровна Воронцова [106]) была приглашена в тайную организацию Черкезовым, бывала на совещаниях у последнего и выразила желание вступить в организацию. Необходимо бы было обыскать и арестовать ее. Живет она на Васильевском острове, по 10 линии, д. № 33.

Н. Горемыкин.

16 января 1870 г. Москва.

XXXV.

Секретно.

В одном из предшествовавших донесений моих я ходатайствовал о том, чтобы иметь право просматривать в здешнем телеграфном управлении депеши на имя тех лиц, за корреспонденцией которых необходимо следить.

Позвольте, ваше превосходительство, побеспокоить вас почтительнейшею просьбою о разрешении означенного ходатайства моего. Все необходимое отправлено в Тулу с занимающимся у нас товарищем прокурора здешнего окружного суда г. Рынкевичем, который командирован г. прокурором судебный палаты к тульскому прокурору с бумагами от г. министра юстиции. Впрочем, генералу Муратову из наших сношений с ним известно уже почти все.

Н. Горемыкин.

18 января 1870 г. Москва.

XXXVI.

Конфиденциально.

Г. сенатор тайный советник Чемадуров [107]) в ночь на 10-е сего февраля прибыл в Москву для дальнейшего производства возложенного на него по высочайшему повелению следствия об обнаруженных в разных местах империи признаках злоумышления, направленного против существующего порядка правления. Вместе с г. Чемадуровым, в числе других лиц, приехал сюда и товарищ прокурора московской судебной палаты г. Стадольский, на которого и министром юстиции возложено исполнение прокурорских обязанностей по этому следствию. Утром того же дня г. Стадольский отнесся ко мне о передаче ему произведенного мною в Москве дознания по означенному делу, что мною и было немедленно исполнено. Не долее, как через час, все дознание, заключающееся в 163 протоколах с объяснениями прикосновенных

к делу лиц, с следующими к ним актами обысков и арестов, бумагами и всеми прочими вещественными доказательствами, передано было мною г. Стадольскому. Бумаги и вещественные доказательства по каждому протоколу сложены и запечатаны отдельно, в таком порядке, что их тотчас же можно отыскать. Г. сенатор Чемадуров, видевший все это отлично, как можно полагать, остался очень доволен; по крайней мере, я считаю себя в праве так судить по личным выражениям мне его превосходительства. По объяснении затем самого дознания, оно следственной комиссией признано совершенно правильным и полным настолько, насколько можно требовать того от дознания. Г. сенатор Чемадуров признает однако ж необходимым продлить мое пребывание в Москве, пока он не ознакомится совершенно с делом и пока не устроятся некоторые отношения здесь; кроме того, его превосходительство предвидит возможность некоторых действий внеследственного порядка, а потому и приглашает меня остаться в Москве на несколько дней. По миновании во мне надобности я буду иметь честь испрашивать разрешения вашего сиятельства на возвращение мое в С.-Петербург.

Донося об этом вашему сиятельству, приемлю смелость доложить, что я считал бы настоящее донесение свое более чем неполным, если бы позволил себе умолчать о том, что как успешное ведение в Москве дознания, так и соблюдение того порядка, при существовании которого только представилась возможность совершить так скоро передачу всего дела, не принадлежат мне одному: это возможно было только при том согласии, взаимном доверии и той взаимной помощи, которые постоянно были оказываемы мне как со стороны здешнего губернского жандармского управления, так и со стороны прокурорского надзора и которые сохранялись здесь во все время производства дознания.

Вследствие занятий г. сенатора Чемадурова я довольно поздно получил вчера сведения о последствиях нового осмотра магазина Черкесова и потому несколько запоздал этим донесением. Действительно, там найдены и печать с секирою и некоторые довольно важные бумаги, но это все могло быть открыто только при помощи самого Успенского, их прятавшего; так, печать найдена замурованною в стене соседнего дома, которую без личного указания Успенского не было никакого основания ломать. Это выразили мне и следователи.

Коллежский советник Н. Горемыкин [108]).

12 февраля 1870 г. Москва.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Воейков — жандармский полковник.

[2]) При обыске, произведенном 26 ноября в библиотеке Черкесова и квартире Успенского, был обыскан и арестован купеческий сын Виктор Скипский,

служивший в библиотеке приказчиком и живший на одной квартире с Успенским. По сообщению начальника московск. губ. жандармского управления ген.-майора Слезкина (см. донесение его в III отделение от 28 ноября 1869 г. № 694; дело III отд. 3 эксп. 1869 г. № 115, ч. I, л. 57—59), Скипский, как и сам Успенский, еще до обыска обращал на себя внимание жандармов своею неблагонадежностью: «В читальне и библиотеке бывали преимущественно студенты, молодые люди и женщины, вовлеченные в нигилизм; Успенский и Скипский, явно оказывая им особенное свое расположение, старались увеличить число приходящих к ним студентов и молодых людей единственно с тою целью, чтобы расширить круг своего общества». Арестованный Скипский дал откровенные показания. Текст его показаний до нас не дошел, но о содержании их можно судить по донесению г.-м. Слезкина III отделению от 4 декабря 1869 г. (то же дело, лл. 130—134). Скипский, признав, что он является членом тайного общества, объяснил, что вступить в него ему было предложено сначала П. Успенским, а затем студентом Петровской академии А. Кузнецовым. Изложив подробно программу тайного общества, Скипский объяснил, что Кузнецов играл в обществе роль организатора одного из кружков, из которых складывалось тайное общество. По предложению Кузнецова, Скипский и инженер В. Черкезов, с которым Кузнецов также вел переговоры, обещали привлечь в общество своих знакомых и назвали их фамилии. Сам Скипский указал на студента Моск. университета Ст. Мих. Мельникова, приказчика магазина Перлова в Москве Мих. Демид. Ечеистова и его брата Бориса Ечеистова, служившего приказчиком в магазине Перлова в Петербурге. «После этого Кузнецов спросил, кто где будет действовать? Скипский ответил, что он будет действовать между малороссами, проживающими в Москве, и если успеет, то и с книжными торговцами. Затем Кузнецов объяснил, что всякий уезжающий из Москвы должен заявить об этом своему организатору. Скипский, имея ввиду свой отъезд в Петербург, тут же сказал о сем Кузнецову, который в самый день отъезда Скипского, 27 или 28 октября, принес ему четыре письма, из коих три были адресованы: Негрескуле (sic!) на Васильевский остров, 14 линия, Луниной на Бол. Морской, студенту технологического института Старицыну; последнее же письмо было без адреса, и Кузнецов просил Скипского вскрыть его по приезде в Петербург, но Скипский вскрыл прежде и прочел: «Передайте письмо без адреса студенту Старицыну...» По краткости времени пребывания своего в Петербурге Скипский не мог передать Луниной письма и возвратил его Кузнецову; при свидании же с Негрескулом и Старицыным он понял, что обе эти личности в деле организации общества принимают также участие, что есть партия Лихутинцовых, какая-то мадам Лихутина и Колачевский... Затем Скипский объяснил, что он по прибытии в Москву обо всем передал Кузнецову, но на предложение его доставить ему отчет о действиях его, Скипского, в Петербурге он отказался. К этому Скипский добавил, что из названных им Кузнецову лиц он говорил о вступлении в тайное общество только с Борисом Ечеистовым, но при этом советовал ему «оставить это дело»; между московскими малороссами и книжными торговцами пропаганды не вел». Конечно, такое показание Скипского имело громадное значение для расследования дела. Сообщая о нем гр. П. А. Шувалову, г.-м. Слезкин (см. его письмо от 4 декабря 1869 г.; то же дело, лл. 116—117) писал: «Показание Скипского заслуживает внимания, потому что оно, быть может, едва ли не единственное в изысканиях по этому делу, представляющее уже достаточные данные и фактические доказательства к обличению в преступном намерении Успенского и виновности названных мною лиц... Я обещал ему, за чистосердечное его показание и раскаяние, в нем видимое, просить о смягчении

ожидающей его участи пред шефом жандармов. В Скипском я, действительно, видел раскаяние и сердечное желание рассказать все, что он знает в этом деле, даже до самопожертвования, что выражается и в письменном его объяснении. Это самое дает мне основание просить ваше сиятельство за Скипского, он молод, с добрым сердцем и еще может исправиться».

Первоначально предполагалось Скипского вместе с Успенским немедленно отправить в Петербург в распоряжение III отделения, но Горемыкин, приехав в Москву, нашел нужным в интересах дальнейшего расследования дела задержать Скипского в Москве.

[3]) Горемыкин имел в виду данный ему в III отделении список лиц, которых надлежало арестовать в Москве.

[4]) Мотовилов — прокурор Московской судебной палаты.

[5]) Иванов был убит 21, а не 23 ноября. Телеграмма об арестовании Иванова была послана III отделением потому, что его фамилия значилась в списке, отобранном при обыске у Успенского.

[6]) Разрядкой здесь и ниже набраны места, подчеркнутые в подлиннике автором донесений.

[7]) Не Прозерн, а Позерн, Карл Карлович, владелец книжного магазина в Москве, проданного им в 1867 г. Черкесову. Позерн был арестован 5 декабря 1869 г., но по недостатку улик следствие о нем было прекращено.

[8]) 6 декабря Горемыкин послал шефу жандармов телеграмму следующего содержания: «Убийство Иванова по многим данным имеет отношение с нашим делом; но здесь нет сыщиков; благоволите, ваше сиятельство, выслать ловкого агента сыскной полиции, которому мы дадим здесь необходимые указания; об этом, вместе с сим, прокурор телеграфирует министру юстиции. Необходимо принять меры в отношении задержания Алексея Кузнецова, не говоря ему о смерти Иванова. Подробности почтой».

[9]) Не Киезо, а Кизо, Александр, дворянин Саратовской губ., был арестован 10 декабря на том основании, что «из хода дела по расследованию об убийстве Иванова оказывается, что Кизо находился в ближайших и тесных отношениях с лицами, подозреваемыми в совершении этого преступления» (журнал от 10 декабря; цитированное дело, ч. I, лл. 225—226). Впоследствии Кизо был освобожден ввиду того, что следствие не дало никаких данных относительно принадлежности его к тайному обществу.

[10]) Лау, Эдуард Вильгельмович, студент Петровской академии, член тайного общества «Народная Расправа». По процессу нечаевцев приговорен к 4 месяцам тюрьмы.

[11]) Горемыкин имел в виду список, найденный при обыске у Успенского. Вот этот список (в копии, сохранившейся в деле III отделения):

«1. Долгов.	Коробьин, Воронежский помещик, б. 2. Абрамов.		
2. Иванов.	Енкуватов.	Рязанов.	Голиков.
	Ланге, Валентин.	Енкуватов.	Римский-Корсаков.
	Попов, Владимир.	Померанцев.	
	Лау.	Голиков, Леонтий.	
3. Алексей Кузнецов.	Кузнецов, Семен.	Свечин.	
	Климин.	Иванин.	
	Рязанцов.	Протопопов.	
	Гавришев.		

4. Ритман или Рихман. { Ишханов. Петровский. Рахимов.

Знакомства.

В С.-Петербурге.

Кашменский, Спасский, Арсений, Спасский, Валериан } студента Рязанцева.
Городецкий — Семена Кузнецова.
Епифанов — студ. Гавришева.
Голиков — студ. Енкуватова.
Головачевский.
Дорошенко.
Амирхан.

В Киеве.

Молокснанов — студ. Гавришева.

В Харькове.

Малютин — студ. Г.
Герценштейн — студ. Семена Кузнецова.

В Казани.

Худяковский, Глинский } студента У.

В Одессе.

Попич — студ. Енкуватова.

В Екатеринославле.

Холянковский — студ. Гавришева».
(Дело № 115, ч. I, л. 4.)

[12]) Имеется в виду московская следственная комиссия 1866 г. по каракозовскому делу.

[13]) В этой телеграмме Горемыкин сообщал: «Мы напали на очень важное лицо — Титова, как организатора общества, руководителя Успенского; распорядились уже об аресте». Горемыкин преувеличивал значение найденных у Успенского писем М. И. Титова. Причастность последнего к нечаевскому делу ничем не была установлена. Показания, данные Титовым и Успенским, разъяснили действительный смысл писем Титова, и следствие о нем было прекращено.

[14]) Коптев — жандармский полковник в Нижегородской губ.

[15]) Арестованный в Москве в ночь на 26 ноября П. Г. Успенский в тот же день был отправлен в Петербург в распоряжение III отделения.

[16]) Московское губернское жандармское управление.

[17]) Фамилии перечисленных Горемыкиным лиц упоминались в письмах, отобранных при обысках в Москве. К нечаевскому делу эти лица отношения не имели и потому не привлекались по нему; только М. А. Моткова подвергалась аресту.

[18]) 4 апреля 1866 г. — выстрел Каракозова. Горемыкин имел в виду каракозовское дело.

[19]) Петровский, Сергей, студент Московского университета, был арестован в конце ноября 1869 г. При обыске у него были найдены стихотворения Рылеева и масонские знаки. В конце января 1870 г. Петровский был освобожден.

[20]) 8 декабря 1869 г. Филиппеус телеграфировал Горемыкину: «К вам отправлены вчера агент Андреев, сегодня сыщик Блок» (№ 115, ч. I, л. 181). «Федор Архипович» — Ф. А. Колышкин, заведующий секретным отделением при управлении петербургского обер-полицеймейстера.

[21]) Антонова, Мария Осиповна, была арестована в апреле 1869 г.; при обыске у нее были отобраны бумаги, принадлежавшие Ф. В. Волховскому. 12 января 1870 г. Антонова была освобождена.

[22]) О Прыжове в журнале от 5 декабря (д. III отд., № 115, ч. I, лл. 143—144) сообщается следующее: «Находящийся под арестом отставной коллежский секретарь Иван Прыжов изъявил желание дать некоторые сведения, имеющие связь с настоящим делом. В сделанном им заявлении находятся довольно важные указания: так, между прочим, он объяснил, что ему было известно, что Успенский принадлежит к какой-то тайной организации, что дело это идет из С.-Петербурга и что оттуда приезжают люди для устройства организации в Москве. При этом он назвал некоторых лиц, от которых получал возмутительные прокламации в России и из-за границы. Но как Прыжов во время дачи показания находился в крайне возбужденном состоянии, то дальнейший подробный допрос его, по обстоятельствам дела, признано необходимым отложить до времени, когда здоровье его придет в более нормальное состояние, почему и немедленно отнеслись к местному частному приставу об освидетельствовании его через полицейского врача и об оказании ему медицинской помощи. Оказалось, что причиною такового состояния есть последствие излишнего употребления спиртных напитков». В ответ на этот журнал Филиппеус 13 декабря телеграфировал Слезкину: «Успенский говорит: «Дайте Прыжову водки, будет отвечать как следует» (то же дело, ч. II, л. 3).

[23]) Климин долгое время уклонялся от признания, но затем сам заявил о своем желании дать подробное объяснение. Допрошенный 19 декабря, он показал, что принадлежал к кружку, возникшему в начале октября 1869 г. по инициативе Алексея Кузнецова. К кружку этому, кроме Климина, принадлежали Гавришев, Иван Рязанцев и Семен Кузнецов; позднее примкнул Владимир Рязанцев. Собрания кружка время от времени посещал некий Иван Петрович (в предъявленном ему портрете Нечаева Климин признал Ивана Петровича). На собраниях читались сочинения революционного содержания, делались сборы деньгами и платьем, наводились справки о личностях, как опасных для общества, так и могших быть ему полезными. По мысли убитого Иванова, в Петровской академии были открыты литературные вечера, которые служили средством сблизить молодежь и ближе ознакомить с нею членов общества. После убийства Иванова кружок, к которому принадлежал Климин, решил отстать от общества, если окажется, что убийство произведено его членами. Климин признал, что башлык, которым были связаны ноги убитого Иванова, принадлежит ему и был взят у него Алексеем Кузнецовым. 24 ноября Климин, по его словам, получил приказание следующего содержания: «Башлык ваш пошел в дело; где бы и на ком бы вы его ни увидали, не признавайте за свой». Приказание это было принесено неизвестным Климину человеком. Описанные Климиным приметы этого лица привели московскую комиссию к заключению, что им был И. Г. Прыжов (журнал московской комиссии от 19 декабря 1869 г.; дело № 115, ч. II, лл. 106—107).

[24]) Титов со всеми бумагами, отобранными у него при обыске, был доставлен в Москву 11 декабря.

[25]) Троицкий, Михаил Петрович, из «обер-офицерских детей», был арестован в октябре 1869 г. вследствие доноса о том, что он совместно с В. И. Кунтушевым подготавливал в Елисаветграде покушение на Александра II. Вследствие того, что донос этот не подтвердился, Троицкий в мае 1871 г. был освобожден; по освобождении выслан в Кострому под строгий надзор полиции.

[26]) Померанцев, Николай Дмитриевич, студент Московского университета, состоял членом «Народной Расправы». 23 января 1870 г. Померанцев был арестован и привлечен к нечаевскому делу, но судом оправдан.

[27]) Енкуватов, Дометий Александрович, студент Московского университета, член «Народной Расправы», был арестован 6 декабря 1869 г. и по процессу нечаевцев приговорен к 8 месяцам тюремного заключения.

[28]) Гладков, Владимир Иванович, студент Московского университета, привлекался по нечаевскому делу, но был оправдан.

[29]) А. Кузнецов уехал в Петербург вместе с Нечаевым 22 ноября.

[30]) У С. Кузнецова при аресте в Сызрани было найдено 2 экземпляра прокламации «К русскому дворянству», за подписью: «Потомки Рюрика и Революционный Дворянский Комитет». Прокламация эта опубликована в XXII т. «Красного архива».

[31]) «Князь Владимир Андреевич» — кн. В. А. Долгоруков, московский генерал-губернатор.

[32]) В журнале московской комиссии от 12 декабря 1869 г. содержатся следующие сведения о показании Костыркина: «Показание Костыркина обращает на себя внимание подробным указанием на присылку в Петровскую академию от 15 до 20 экземпляров прокламаций такого же содержания, как взятые у Кузнецова (Семена Кузнецова; прокламации «Русскому дворянству». — *Б. К.*). Сверх того, Костыркин, сознаваясь в несочувствии двум товарищам, представившим полученные им прокламации начальству, прямо указывает, что убитый Иванов с горячностью не одобрял их образа действий. Костыркин при этом также сознался, что Иванов приглашал его поступить в общество, имеющее целию ниспровержение существующего порядка. От этого предложения Костыркин прямо не отказался, но обусловливал поступление свое знанием членов его и общей программы действий, о чем Иванов не успел ему передать за смертию» (дело № 115, ч. I, лл. 260—261.)

[33]) «Елизаветградское дело» — дело Кунтушева и М. П. Троицкого. Подробно это дело изложено в книге: Б. Козьмин, «Революционное подполье в эпоху «белого террора». М. 1929 г. Ср. воспоминания Ф. Борисова в № 4 «Каторги и ссылки» за 1929 г.

[34]) Попич, Авраам Маркович, студент Одесского университета, привлекался по нечаевскому делу, но суду предан не был.

[35]) Гр. Шувалов затребовал из Москвы список всех арестованных по нечаевскому делу.

[36]) Вольнослушатель Мухортов был арестован 13 декабря 1869 г., но вскоре освобожден, так как выяснилось, что башлык принадлежал не ему, а, как сказано выше, Климину.

[37]) Свечин, Григорий Аггеевич, студент Петровской академии, член «Народной Расправы», привлекался по нечаевскому делу и был приговорен к 2 месяцам тюремного заключения.

[38]) Успенский показал на допросе в III отделении, что револьвер, которым был убит Иванов, остался на квартире А. Кузнецова.

[39]) Имеется в виду книжный магазин Черкесова в Москве.

[40]) 7 декабря Филиппеус телеграфировал Слезкину: «Успенский показывает, что за 6 дней до его арестования Нечаев под именем Павлова был у него. Шеф приказал просить вас принять меры к проверке показания и разысканию лица» (дело № 115, ч. I, л. 147).

[41]) Московский почтамт передал Горемыкину перлюстрированное письмо Марьяшеса от 7 декабря к Кравецу в Москву, в котором Марьяшес, между прочим, сообщал, что в Киеве существует студенческая касса, насчитывающая 208 членов и распадающаяся на 19 кружков. «Касса, — писал он, — с каждым днем расширяет свой круг деятельности. В нашем кружке в последнее время читали журнал, издающийся в Женеве бывшим студентом Казанского университета, который в 62 году был сослан в Сибирь, но успел улизнуть, Элпидиным, под названием «Народное дело». Журнал крайне революционный, атеистический, стоит за федеративное устройство России. Если я успею переписать его, то я вам летом дам его». Далее Марьяшес писал: «Я намерен всеми силами стоять за общение, за связь всех русских студентов между собою. Не знаю, как отнесутся к этому студенты нашего и других университетов, но в Одессе, по крайней мере, большинство относится с участием к этому вопросу» (копия письма Марьяшеса; дело № 115, ч. II, лл. 28—29). Арестованный и привезенный в Москву, Марьяшес на допросе показал, что он был членом киевской студенческой кассы. В том кружке, к которому он принадлежал, было решено, помимо прямой цели — взаимопомощи студентов, заняться серьезным чтением; намеревались читать политическую экономию Милля, но так как книги этой под рукой не было, то на первый раз решено было прочитать «Народное дело», принесенное на заседание кружка одним из его участников. Чтение это представилось слушателям опасным и потому на следующих собраниях кружка не повторялось (журнал московской комиссии от 26 декабря 1869 г.; дело № 115, ч. II, л. 183).

[42]) 13 декабря Филиппеус телеграфировал Горемыкину: «Убийство Иванова Успенский приписывает Нечаеву, Кузнецову и Прыжову». В тот же день он же телеграфировал Слезкину: «Важные показания Успенского. Убийство Иванова совершено в шестом часу вечера 21 ноября в парке или в саду Петровской академии в гроте. Участвовали в убийстве Нечаев, Николаев или Белявин, Прыжов, Успенский и Алексей Кузнецов. Башлык был во время убийства на Кузнецове и принадлежит студенту Климину. Револьвер остался в квартире Кузнецова, где должны быть следы от выстрела, сделанного после убийства в виде шутки. Николаев, или Белявин, должен проживать в квартире Кузнецова... Заметьте, что у Нечаева искусаны руки» (дело № 115, ч. II, лл. 2 и 3).

[43]) Гераков — судебный следователь, участвовавший в следствии по нечаевскому делу.

[44]) Заканчивая свою работу по расследованию нечаевского дела, московская комиссия составила и представила в III отделение «Общий свод материалов по делу».

[45]) Абрамов показал при допросе, что Долгов двукратно уговаривал его поступить в общество. Ввиду того, что он при этом избегал объяснить цель общества, Абрамов отказался, обещая только не доносить о предложении Долгова правительству (журнал московской комиссии от 17 декабря 1869 г.; дело № 115, ч. II, л. 83).

[46]) Имеется в виду «Общий свод», о котором см. выше 44-е примечание.

[47]) 20 декабря за № 811 Слезкин доносил шефу жандармов: «Получив 7 декабря в телеграфической депеше приказание вашего сиятельства о проверке показания Успенского относительно того, что за 6 дней до ареста его у него был Нечаев

под именем Павлова, я в то же время, без малейшего отлагательства, принял меры к проверке сведений о тех местах, в каких бывал в Москве Нечаев. Таким образом проверены были все номера в огромном доме Олсуфьева на Тверской, где, по некоторым данным, бывал Нечаев. В то же время учреждено было наблюдение во всех местах около Петровской земледельческой академии и так называемых «Выселок», т.-е. небольших слобод, окружающих академию. В отношении этих последних мест были следующие указания: 1) что на даче Боброва нынче осенью встречали личность, похожую на Нечаева; 2) что около того же времени видели Нечаева в так называемых Павловских номерах; 3) что на даче Хомякова хранятся будто бы вещи какого-то Ивана Петровича и 4) что на даче Порта живет прачка, стиравшая будто бы на какого-то Ивана Петровича — молодого человека. Телеграммы вашего сиятельства, в коих изложены показания Успенского насчет мест пребывания Нечаева, убеждая в справедливости вышеизложенных сведений, указывали еще на дом княгини Вадбольской на Арбате, а потому тотчас же было учреждено наблюдение и за этим домом. Когда таким образом были получены достоверные и не подлежавшие сомнению сведения, что Нечаев был в Павловских номерах, я тотчас же распорядился о произведении там самого строгого обыска, но без употребления воинской силы, так как для этого по расположению дачи достаточно было тех средств, которыми я мог располагать. Оказалось, что Нечаев посещал там содержательницу номеров, но это было месяцев около двух назад; он приходил туда один раз обедать и потом заплатить деньги; с тех пор его там не видали. Указания относительно дач Хомякова и Порта, также обысканных одновременно, не подтвердились, и лица, там находящиеся, будучи спрошены, отозвались совершенным неведением об Иване Петровиче, — под каким именем вообще известен был в академии Нечаев. Имея затем ввиду объяснения некоторых из привлеченных к делу лиц, показывающих, что Нечаев не имел нигде постоянной квартиры и проводил где день, где ночь, я, не ограничиваясь упомянутыми выше распоряжениями, учредил самый строгий надзор за появлением здесь Нечаева, о чем и имею честь донести вашему сиятельству» (дело № 115, ч. II, лл. 111—112).

[48]) Иван Львович — И. Л. Слезкин.

[49]) Этого письма в деле III отделения не сохранилось.

[50]) По объяснению Успенского, эта записка представляла собою продиктованное ему Нечаевым описание пути, по которому «бежал и может бежать за границу Нечаев». Вот содержание этой записки (по копии, сохранившейся в деле III отделения):

«1) Город Одесса, где Нечаев должен остановиться в Ольвиопольской гостинице.

2. Из Одессы в г. Аккерман, в котором есть Попушовское училище; там, т.-е. в училище, есть учитель Совещанский (sic), и так как путешествие может совершаться не иначе, как с помощью пароля, то к Совещанскому следует обратиться с словами: от «Стефана Розанова»; отсюда пешком до станции

3. Бараницы, где следует спросить казака Василия Явтушенко, которому надо сказать: «я серб»; далее следуют:

4. } Немецкие колонисты { Старый Саратов } где можно зайти к немцу
5. } Немецкие колонисты { Новый Саратов } Бабюайеру.

Затем следует направиться через:

6. Павловку, которую осторожно обойти, потом
7. Немецкая колония Плоско,
8. Село Таневец,

9. Село Лован,

10. Кадуанен, где следует спросить Туманова или Всекаренкова и сказать: от «Стефана Розанова»,

11. Село Пандакле,

12. Село Кабей (отсюда граница в 7 верстах).

За границей.

Б... (нельзя разобрать. Надо думать, что имеется в виду селение Бельцы. — *Б. К.*) Церковные школы, тут есть учитель Николай Шапов, которому сказать: «от Бельгийского», отсюда дорога к Дунаю.

Далее:

Село Аглы,

Село Чекметьево,

Село Рене, где следует спросить болгара Христи.

Галац, где есть болгарское училище против улицы Карлуса. Надо спросить учителя.

От Галаца на пароходе до Браилова. Здесь можно остановиться в «Ecole Bolgar» у г-на Ponitschko и надо спросить Стефаника, а сказать: от «Петрова» (так называется сам Нечаев).

Бухарест, в котором есть улица или здание под названием Страда-Липискани, где следует спросить конторщика Дмитрия Ценовича или Монзова, Цанкован Касабова.

Джуржево — болгарская кофейня, спросить Райко-Грублова или Рейнева или Георгия Киселева или Николая Ценовича» (дело № 115, ч. III, лл. 24—28). Эта записка представляет большой интерес, ибо дает возможность установить связи Нечаева с болгарскими революционерами.

[51]) Лунина, Анна Игнатьевна, дворянка, была арестована 5 декабря 1869 г. в связи с нечаевским делом, но вскоре освобождена.

[52]) Орфано, Алексей Герасимович (1837—1891), в 1862 г. был арестован по обвинению в сношениях с приезжавшим в Россию эмигрантом В. И. Кельсиевым, но судом оправдан. В 1866 г. Орфано привлекался по каракозовскому делу в связи с устройством фабрики на артельных началах и был подчинен негласному наблюдению.

[53]) Фамилия Ечеистова стояла в списке, найденном во время обыска у Успенского. Скипский показал (см. прим. 2-е), что он говорил Б. Ечеистову о тайном обществе. Дознание выяснило, что Ечеистов членом «Народной Расправы» не был и что его лишь имелось ввиду привлечь в тайное общество.

[54]) Долгов первоначально не сознавался в принадлежности своей к тайному обществу, но 23 декабря 1869 г. дал подробные показания, объяснив организацию общества и поименовав входивших в него лиц. Оценивая показания, данные Долговым, московская комиссия писала: «Между прочим из показания Долгова обнаружилась виновность Голикова, Попова, Коробьина, Римского-Корсакова, Свечина и Ланге, до сего времени ни в чем и ничем не изобличавшихся и потому освобожденных; вследствие чего сделано распоряжение об их новом аресте» (журнал московской комиссии от 23 декабря 1869 г., дело № 115, ч. II, л. 170).

[55]) Этой таблицы в деле не сохранилось.

[56]) Рипман был арестован 28 декабря 1869 г. При допросе он признался в принадлежности к тайному обществу «Народная Расправа», но деятельность его, по его словам, была настолько ничтожна, что он не составил даже вокруг себя того кружка, который обязан был составить (журнал московской комис-

сии от 28 декабря 1869 г.; дело № 115, ч. II, л. 242). По процессу нечаевцев Рипман был приговорен к одному году тюрьмы.

[57]) Леонид Голиков был арестован вследствие того, что его имя находилось в списке, обнаруженном при обыске у Успенского (см. прим. 11-е; в этом списке он по ошибке назван не Леонидом, а Леонтием). В журнале московской комиссии от 26 декабря 1869 г. имеются следующие сведения о допросе Голикова: «Не взирая ни на какие убеждения и явные улики (Голиков), положительно отрекается от всякого участия в известном обществе. Впрочем, выразившись, что он не принимал никакого участия в «Обществе Народной Расправы», — название, о котором ему вовсе и говорено не было, — Голиков тем самым изобличает себя в собственной лжи» (дело № 115, ч. II, л. 183). По процессу нечаевцев Л. Голиков был оправдан.

[58]) На этом письме рукою Филиппеуса написано карандашом: «Согласно приказания его сиятельства телеграфировано, чтобы отложил приезд. 28 декабря. 69». 30 декабря Горемыкин прислал гр. Шувалову следующую телеграмму: «Для пользы дела необходимо прибыть на некоторое время в Петербург теперь же. Испрашиваю разрешения вашего сиятельства». В ответ на это Шувалов в тот же день телеграфировал: «Разрешение по предмету вашей депеши № 9788 последует через несколько дней» (дело № 115, ч. II, лл. 232 и 233).

[59]) На собраниях кружков «Народной Расправы» Николаев заменял Нечаева во время его отсутствия.

[60]) Явная ошибка Горемыкина. Вместо «до 20 октября» надо «до 20 ноября», т. е. до дня, когда было принято решение об убийстве Иванова.

[61]) Петров — фамилия, под которой был известен в Москве Нечаев.

[62]) Так в подлиннике. Надо: «де-Тейльс». Алексей де-Тейльс, студент медико-хирургической академии, был арестован 27 декабря 1869 г. по нечаевскому делу и по процессу нечаевцев приговорен к 4 месяцам тюрьмы.

[63]) Александровская, Варвара Владимировна, в декабре 1869 г. уехала за границу вместе с Нечаевым. 11 января 1870 г. при возвращении ее в Россию она была арестована на границе со значительным количеством прокламаций. По процессу нечаевцев приговорена к ссылке на поселение в Сибирь.

[64]) Березовский, Антон Иосифович, польский революционер, покушавшийся в 1867 г. в Париже на Александра II.

[65]) Гончаров, Николай Петрович, студент технологического института в Петербурге, в мае 1871 г. издал прокламацию «Виселица», за что был приговорен к ссылке на житье в Сибирь.

[66]) Поляков — миллионер, железнодорожный строитель.

[67]) Ламанский, Николай, инженер, был арестован 31 декабря 1869 г. по нечаевскому делу; в мае 1870 г. освобожден ввиду недостатка улик.

[68]) Долгов, Николай Степанович, студент Петровской академии, был членом основной пятерки московского отделения «Народной Расправы». Арестованный 6 декабря, он был приговорен по процессу нечаевцев к одному году тюрьмы.

[69]) См. прим. 62-е.

[70]) Подозрения, падавшие на Кронера, при проверке не подтвердились, и он к делу привлечен не был.

[71]) Орлов, Владимир Федорович, сын священника, один из ближайших помощников Нечаева во время студенческого движения 1868—1869 гг. в Петербурге. Арестованный в июне 1869 г., Орлов по процессу нечаевцев был оправдан.

[72]) Проспер Станкевич был арестован 31 января 1870 г. вследствие того, что на его имя должна была приходить корреспонденция, предназначавшаяся Александровской. По недостатку улик Станкевич вскоре был освобожден.

[73]) Указанных Горемыкиным приложений в деле III отделения не сохранилось.

[74]) Муратов — жандармский генерал-майор в Туле.

[75]) Керсновский к следствию по нечаевскому делу привлечен не был.

[76]) Лихутина, Екатерина Никитична, принадлежала к нечаевскому кружку в Петербурге. 31 декабря 1869 г. она была арестована. По процессу нечаевцев оправдана.

[77]) Относительно этой записи см. прим. 50-е.

[78]) Каравелов, Любен (1837—1878 гг.), известный болгарский писатель и политический деятель, обучавшийся в первой половине 60-х гг. в Москве и там познакомившийся с Прыковым. С его запискою от него в сентябре 1869 г. явился к Прыкову Нечаев.

[79]) Бобарыкова, Юлия Валентиновна, жена поручика артиллерии, 24 декабря, в связи с нечаевским делом, скрылась, но 29-го была доставлена мужем в III отделение и арестована. По процессу нечаевцев оправдана.

[80]) В журнале московской комиссии от 6 января 1870 г. о сестрах Высоцких говорится следующее: «Вследствие обнаруженных сношений повивальной бабки, дочери капитана, Варвары Дмитриевны Высоцкой и сестры ее с Александровской, которая, по показанию задержанной на несколько времени до разъяснения некоторых обстоятельств повивальной бабки Вешняковой, приезжая в Москву, постоянно останавливалась у Высоцких, сделано распоряжение о производстве у первых обыска» (дело № 115, ч. III, лл. 202—203). На допросе Варвара и Елизавета Высоцкие показали, что Александровская, проезжая через Москву, останавливалась у них несколько раз; последний раз была 5 декабря 1869 г., когда ехала из Петербурга в Тулу. О своих будущих планах не говорила ничего, кроме того, что намерена служить в земстве. В заключение своих показаний Высоцкие обязались сообщить немедленно полиции, если Александровская опять приедет к ним. По взятии с них подписки о невыезде, Высоцкие были освобождены (дело № 115, ч. IV, л. 8). За квартирой Высоцких было учреждено негласное наблюдение.

[81]) Рахимов, Ибрагим Рахимович, студент Московского университета, член «Народной Расправы», по процессу нечаевцев был приговорен к 3 неделям тюрьмы.

[82]) Пажон-де-Монсе был арестован 5 января 1870 г. При допросе в московской комиссии он первоначально ни в чем не сознался, но потом признал, что он был знаком с Черкесовым и Иваном Петровичем, т. е. Нечаевым, что Черкесов приглашал его вступить в организацию, но он не дал на это предложение определенного ответа. Далее Пажон показал, что по поручению Черкесова ездил в Петербург к Тейльсу просить его достать заграничный паспорт, что он снабдил Черкесова пиджаком, брюками и шапкой и жертвовал деньги «в пользу страждущих», но кому именно давал эти деньги, Пажон не объяснил (журнал московской комиссии от 7 января 1870 г.; дело № 115, ч. III, л. 259). По процессу нечаевцев Пажон-де-Монсе был оправдан.

[83]) В № 4 «Московских ведомостей» от 6 января 1870 г. была помещена передовая статья, написанная М. Н. Катковым и посвященная нечаевскому делу. Какая именно фраза была подчеркнута Горемыкиным, сказать трудно, ибо приложенного им к своему письму номера «М. в.» в деле не сохранилось. Катков в своей статье приводил обширные выдержки из прокламации Бакунина «Несколько

слов к молодым братьям в России». По предписанию из Петербурга, Катков был запрошен относительно того, откуда он получил эту прокламацию и почему по получении не представил ее подлежащим властям. В своем письме Катков указал, что ему предоставлено право на бесцензурное получение всех заграничных изданий, ввиду чего он не считал себя обязанным представлять полученную им прокламацию кому бы то ни было. «В Русских ведомостях» и «Современных известиях» от 6 января 1870 г. были помещены статьи по поводу нечаевского дела.

[84]) Имеются в виду составленные Нечаевым «Общие правила организации». См. В. Богучарский «Государственные преступления в России», т. I, стр. 182—183.

[85]) Имеется ввиду дело о раскрытом в 1868 г. «Рублевом обществе», организованном Г. Лопатиным и Ф. Волховским.

[86]) Коведяев, Дмитрий Егорович, член «Народной Расправы», был арестован 12 января 1870 г. и по процессу нечаевцев приговорен к 2 месяцам тюремного заключения.

[87]) Тверитинов, Алексей Николаевич, инженер, в январе 1870 г. подвергся обыску в связи с нечаевским делом.

[88]) Ни Высоцкий, ни Ошанин по нечаевскому делу привлечены не были.

[89]) Мутафов, Степан Лазаревич, студент Московского университета, член «Народной Расправы», был арестован 11 января 1870 г. и по процессу нечаевцев приговорен к 2 месяцам тюрьмы.

[90]) Ткачев при допросе в III отделении не только не сознался, что автором прокламации «К обществу» был он, но заявил, что, основываясь на слухах, ходивших в Петербурге, считал ее произведением полиции.

[91]) Указанных Горемыкиным приложений в деле не сохранилось. Василий Николаев — служащий в библиотеке Черкесова в Москве.

[92]) Имеется в виду «малороссийская община», существовавшая в Москве в 1863—1867 гг. и организованная Ф. В. Волховским. Часть библиотеки и архива этой общины была спрятана Волховским в амбаре при библиотеке Черкесова.

[93]) 8 января 1870 г. состоялось распоряжение министра внутренних дел об объявлении «Московским ведомостям» первого предостережения за передовые статьи, напечатанные в №№ 2 и 3 этой газеты. Мотивировалось это распоряжение тем, что означенные статьи, «обозревая события и обстоятельства минувшего года, изображают многие из сторон правительственной деятельности и вообще положения дел нашего отечества в превратном виде и тем способствуют распространению в обществе неосновательных и тревожных опасений, могущих возбудить в нем недоверие к правительству». В № 2 Катков, между прочим, писал: «Для всех становятся очевидностью загадочные слова покойного Муравьева, что главный ржонд не в Варшаве, не в Вильне, а на берегах Невы, хотя, по грустной иронии судьбы, сам же Муравьев спасовал перед тайным злом, когда оно было у него под рукой... Зло после этого выросло; оно овладело полем; оно располагает такими средствами обмана, что борьба с ним становится почти невозможна».

[94]) Во время обыска в одной из лабораторий университета был найден типографский шрифт, спрятанный там Рахимовым.

[95]) Повидимому, Горемыкин имел в виду историю закрытия газеты «Москва», издававшейся И. С. Аксаковым в 1867—68 г. Газета эта вызвала ряд репрессивных мер со стороны правительства, закончившихся тем, что министр внутренних дел Тимашев возбудил вопрос в Сенате о полном прекращении газеты. Случайно узнав об этом, Аксаков добился того, что ему было разрешено представить в Сенат объяснения. В результате вопрос о закрытии «Москвы» и Сенатом и Госуд.

советом был разрешен в неблагоприятном для правительства смысле, и только после сильного давления на членов Государственного совета сверху Тимашеву удалось добиться согласия общего собрания Государственного совета на закрытие «Москвы». Историю газеты «Москва» Аксаков подробно рассказал в №№ 54—58 газеты «Русь» за 1881 г.

[96]) Пружанский, Иосиф Харитонович, студент медико-хирургической академии, участвовал в студенческом движении 1869 г., в связи с чем был арестован.

[97]) Евецкая, Марья Орестовна, по мужу Пружанская, в 1871—1873 гг. жила в Швейцарии и обучалась в Цюрихском университете. В 1873 г. при возвращении в Россию была арестована. Находилась под негласным надзором полиции.

[98]) Передовая статья № 8 «Московских ведомостей» от 11 января 1870 г. была посвящена напечатанному в этом же номере предостережению. Катков сознавался, что статьи №№ 2 и 3, действительно, «могли подать повод к предостережению», и оправдывался тем, что желал бороться со «всем теперь видимою интригою, которая подкапывается под благие начинания верховной власти и подрывает доверие к правительству». В передовой статье «Русских ведомостей» от 11 января (№ 8) говорилось о смерти А. И. Герцена и «с грустью» отмечалась административная кара, обрушившаяся на «Московские ведомости».

[99]) Басов, Семен, купец, в 1863 г. привлекался по делу Андрущенко. К нечаевскому делу привлечен не был за отсутствием улик.

[100]) 3 января 1870 г. Горемыкин телеграфировал шефу жандармов: «По показанию Николаева, Нечаев проедет чрез Эйдкунен при пособии еврея Францмана или Фальцмана Шмуля, у которого стража на откупу. Об этом хорошо знает Черкезов. Не будет ли приказано, не арестовывая пока Шмуля, проследить за ним и в данную минуту схватить Нечаева?» (дело № 115, ч. III, л. 56). За Францманом Шмулем, оказавшимся контрабандистом, был установлен бдительный надзор (там же, лл. 223—224).

[101]) Упомянутых Горемыкиным приложения и адреса в деле III отделения не сохранилось.

[102]) Коведяев, Егор, к нечаевскому делу привлечен не был.

[103]) Писем этих в деле III отделения не сохранилось.

[104]) Флоринский, Иван Иванович, сын священника, член «Народной Расправы», был арестован в начале 1870 г. и по процессу нечаевцев приговорен к 6 месяцам тюремного заключения.

[105]) Жолобов — жандармский полковник, принимавший участие в следствии по нечаевскому делу.

[106]) Коведяева, Любовь Егоровна, по мужу Воронцова, 19 февраля 1870 г. была арестована по нечаевскому делу; по процессу нечаевцев была оправдана.

[107]) Чемадуров — сенатор, на которого по высочайшему повелению было возложено руководство следствием по нечаевскому делу.

[108]) 14 февраля 1870 г. Горемыкину была отправлена управляющим III отделением телеграмма о немедленном возвращении, по приказанию гр. Шувалова, в Петербург.

Из записной книжки архивиста.

Казнь участников кронштадтского восстания 1906 г.

Публикуемый ниже документ дает возможность восстановить картину расправы классовой юстиции самодержавия с виднейшими участниками июльского восстания 1906 г. в Кронштадте, охватившего почти всю матросскую массу (флотские экипажи) и часть сухопутного гарнизона (саперов и минеров).

Если сравнить карательную политику в Балтике 1905 г. и 1906 г., то увидим существенную разницу между ними.

Среди 123 осужденных за участие в октябрьском восстании 1905 г. в Кронштадте только 9 человек были приговорены к каторжным работам. В 1906 г. только по одному делу «Азова» к каторжным работам было приговорено 12 матросов, а в общей сложности за восстания 18—21 июля — 287 человек, в том числе только по одному Кронштадту 180 человек. Из общего числа 3000 арестованных за летние восстания 1906 г. только по восстанию в Кронштадте было приговорено 1451 человек. Расстреляно в 1906 г. было 55 матросов, в 1905 г. — ни одного (речь идет только о Балтике). Пользуясь моментом, самодержавие поставило своей задачей покончить со всей политически неблагонадежной частью матросов. С этой задачей оно не справилось, как и не справилось с революционным движением и деятельностью революционных партий.

Печатаемый ниже документ вносит значительную точность в наши сведения об обстановке расправы с революционными кронштадтцами. Местом казни 19 матросов [1]) до последнего времени считался форт Литке. Теперь ошибка очевидна: матросы расстреляны на форту № 6, ставшем вообще местом расправы с революционными матросами флота и кронштадтского гарнизона. Рапорт командира 91 Двинского полка вскрывает полную картину расправы вплоть до того, как «обошли казненных и пристрелили подававших еще признаки жизни».

А. Дрезен.

Рапорт командира 91 пех. Двинского полка от 2/X 1906 г. № 36 [2]).

Генералу-от-инфантерии Водару.

Доношу о подробностях совершения казни над 19 матросами.

---

[1]) Расстреляны: И. И. Карагодов, И. И. Красненков, М. И. Севастьянов, И. И. Маскаев, Р. П. Коротчик, А. Д. Кукарцев, Ф. Л. Ковальчук, Н. И. Комарницкий, М. Е. Востряков, Ф. К. Голованов, А. М. Кузнецов, Е. С. Лисицкий, С. П. Юров, Е. С. Лящук, Т. Л. Глебко, П. И. Новожилов, С. Т. Зендриков, П. П. Крашенинников, Д. Никитин.

[2] Моск. центр. военно-исторический Архив. «Материалы к отчету следств. комиссии о беспорядках в кр. Кронштадте в 1905 и 1906 гг.». Приложение, ч. I, к делу 16 отд. Гл. штаба 1906 г., № 18, лл. 13—14. — Текст сообщил Л. Крицман.

В четверг, 21 сентября, около 3 часов дня я был вызван и. д. коменданта генерал-лейтенантом Адлербергом, от которого получил приказание привести в исполнение приговор над 19 осужденными матросами.

Во исполнение сего к 2½ час. ночи отряд, под моим начальством, сосредоточился на Петербургской пристани.

В состав отряда вошли по одной роте от следующих частей: от полков лейб-гвардии Егерского, Московского и Финляндского и от 91 Двинского, 94 Енисейского, 2 Кронштадтского крепостного батальона, Кронштадтской крепостной артиллерии и 18 флотского экипажа; сверх того прибыло 10 безоружных матросов-рабочих от того же экипажа.

Осужденные отправлены были на форт № 6 заблаговременно, под конвоем роты л.-гв. Егерского полка, который, окарауливая арестованных, в то же время составил гарнизон форта, временным комендантом которого назначен был л.-гв. Финляндского полка полковник Турбин.

Отряд посажен был на пароходы «Минер», «Артиллерист» и «Пушкарь». Отвалили в 3 часа и пошли за портовым пароходом, указывавшим путь между ряжевыми заграждениями.

Вследствие темноты, сильного ветра и крупной волны отряд подошел к форту только в 4½ часа и нашел там пароход «Нжору», на котором прибыл священник. Было совершенно темно. В ожидании рассвета отряд составил ружья, и люди по очереди грелись в казармах. В 5 часов я предложил священнику напутствовать осужденных. В это время на месте казни (бастионный дворик) между столбами натянули канат на высоте пояса, и приготовлено было 19 веревок для привязывания ими осужденных. Затем, отсчитав 20 шагов, я поставил флотскую роту, а остальные войска расположил шпалерами от каземата до места казни. Зарядили ружья. В 6 часов священник вышел из каземата и доложил мне, что 7 осужденных отказались от напутствия и св. причастия. Вслед за тем я приказал вывести осужденных. Как только они вышли, то некоторые из них, махая шапками, обратились, было, к войскам с какими-то словами, но речь их была заглушена дробью всех наличных барабанщиков, заблаговременно сосредоточенных мною у выхода из каземата.

По мере прохождения осужденных войска поворачивались и шли в том же направлении, и у места казни выстроились на три фаса, имея восточный фас открытым. Перед чтением приговора осужденные запели какие-то революционные песни, но я сказал, что, если пение не прекратится, я прикажу одеть немедленно на головы мешки, и пение прекратилось. Затем священник с крестом обошел осужденных, и те же 7 человек к кресту не приложились.

Прочитали приговор, и я приказал лейтенанту приступить к его исполнению. После первого залпа (6 час. 30 мин. утра) все осужденные упали, но шевелились, и раздавались крики и стоны, вследствие чего я приказал повторить залп. Затем из фронта матросов вызваны были унтер-офицеры, которые вместе с лейтенантом и доктором обошли казненных и пристрелили подававших еще признаки жизни. После этого принесены были мешки, и рабочие уложили в них казненных; в каждый мешок положены были камни, весом около 1½ пудов. Затем тела снесены были на пароход и под конвоем ½ роты Енисейского полка отправлены для потопления в море за Толбухин маяк. Отряд вновь сел на пароходы и около 8 часов прибыл в Кронштадт.

Вне казарм войска пробыли с 2 часов ночи до 8½ часов утра. Полурота Енисейского полка, конвоировавшая тела, вернулась около полудня, так как назад пароход шел южным фарватером, обогнув Толбухин маяк.

Полковник Вальберг.

Из истории революционного движения в армии накануне 1905 г.

В 1905 г. мы наблюдаем активные революционные выступления целых войсковых частей. Но широкое распространение революционных идей в солдатской среде и наличие в ней революционного настроения относятся к более раннему времени — к началу того общественного подъема, который связан с экономическим кризисом конца XIX в.

Стоявшая тогда перед революционной социал-демократией задача быть руководителем политической борьбы рабочего класса ставила в порядок дня и работу в армии, являвшуюся главной опорой самодержавного строя.

В брошюре В. И. Ленина «Что делать?» этот вопрос поставлен совершенно определенно. Говоря о том, что организаторы социал-демократы должны итти «во все классы населения», Ленин к этой фразе делает следующее примечание: «Например в военной среде в последнее время замечается несомненное оживление демократического духа, отчасти вследствие учащающихся случаев уличной борьбы против таких «врагов», как рабочие и студенты. И, как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию».

И действительно, особенно широко в первые годы XX в. развернули революционную работу в армии социал-демократические организации. Эта работа прежде всего выражалась в широком распространении в войсках литературы, как специально предназначенной для армии, так и общереволюционной. При этом прокламации и другие нелегальные издания рассылались по почте, а также разбрасывались в местах расположения воинских частей. Рассылкой и разбрасыванием прокламаций не ограничивалась работа среди войск в эту эпоху. Имели место также, как это сообщают многие документы, случаи устной агитации среди солдат.

И, наконец, с самого начала XX в. возникают солдатские кружки. Одним из известных кружков, наиболее ранним по времени своего возникновения, был солдатский кружок в квартировавшем в Москве 1 л.-грен. Екатеринославском полку. Руководители кружка вели в течение 1901 г. организованную пропаганду среди солдат в частях 1-й гренадерской дивизии. С конца июня 1903 г. в департамент полиции стали поступать сведения, что в Саратове среди солдат местного гарнизона ведется усиленная социал-демократическая пропаганда и организованы кружки, руководителями которых были рабочие чугунолитейного завода. Осенью 1903 г. особенно широко была поставлена революционная пропаганда в Севастополе среди солдат крепостной артиллерии, где были организованы солдатские кружки, устраивались сходки и т. д. Военный министр А. Н. Куропаткин на докладе об этом 1 декабря 1903 г. наложил следующую резолюцию: «Дело очень нехорошее, а мы преступно бездействуем».

«Для выяснения всех обстоятельств дела» был командирован в Севастополь помощник начальника главного военно-судного управления ген. Лузанов, который составил подробный доклад и указывал в нем меры по борьбе с проникновением в армию революционной пропаганды.

3 декабря 1903 г. открывает свою работу в Севастополе Особое совещание для обсуждения мер против распространения среди нижних чинов политической пропаганды. В этом же году возникают и в некоторых других центрах России совещания для выработки мероприятий, касающихся

борьбы с революционным движением в армии.

Печатаемые ниже письма, непосредственно связанные с событиями, о которых мы говорили выше, отражают взгляды на меры по борьбе с революционным движением в армии как В. К. Плеве, предполагавшего организовать нечто вроде аракчеевских поселений для «неблагонадежных солдат», так и некоторых представителей высшего генералитета, призывавших на помощь церковь и черносотенную печать (Батьянов).

М. Ахун и *Д. Зиневич.*

Письмо вр. и. д. нач. гл. военно-судного упр. ген. П. Ф. Лузанова на имя мин. внутр. дел В. К. Плеве от 23/IX 1903 г. № 543 [1]).

*** Копия. Секретно.*

Милостивый государь

Вячеслав Константинович.

Замечаемое за последнее время усиление распространения политической пропаганды в рядах армии побудило военного министра в августе 1902 г. обратиться ко всем главным начальникам военных округов с просьбой указать меры, которые, по их мнению, могли бы способствовать делу борьбы с указанным прискорбным явлением [2]).

Некоторые из высших военных начальников, указывая меры, способные, по их мнению, уменьшить противоправительственную пропаганду в войсках, тем не менее, высказывают, что все меры, принимаемые в одном военном ведомстве, окажутся не более как паллиативами, если не пресечь зла в самом его корне, т.-е. народе, с которым войска не могут не сохранять самой тесной связи. Эти начальствующие лица указывают, между прочим, и меры общегосударственного характера, проведение которых должно содействовать прекращению политической агитации в народе вообще.

К числу таких мер принадлежит, по мнению командующего войсками Туркестанского военного округа, генерал-лейтенанта Иванова [1]), направление всех усилий правительства на поднятие экономического благосостояния народа, особенно же крестьян, как наиболее многочисленной, консервативной и наиболее преданной существующему порядку массы, составляющей к тому наибольшую часть нижних чинов.

Член военного совета генерал-от-инфантерии Батьянов [2]), исходя из соображения, что в настоящее время

---

[1]) ЛОЦИА, дело мин. внутр. дел по управлению по делам о воинской повинности, 1903 г., № 98, «Об изыскании мер к борьбе с распространением преступной пропаганды в войсках». На подлиннике штамп: «За военного министра вр. и. д. начальника главного военно-судного управления, 23 сентября 1903 года. № 543».

[2]) 12 августа 1902 г. циркуляром военного министра А. Н. Куропаткина (циркуляр опубликован в изд. «Искра», №№ 1—52, 1900—1903, вып. IV, Л., «Прибой», Истпарт, стр. 83) были запрошены по вопросу о пропаганде в армии все командующие войсками в военных округах; полученные от них отзывы были сосредоточены в главном военно-судном управлении, и свод их вместе с заключением по ним этого управления был 28 июля 1903 г. представлен военному министру. Тогда же было предположено образовать особую комиссию, которая и должна была выработать мероприятия по борьбе с революционным движением в армии (всеподд. отчет воен. министерства за 1903 г., СПБ, 1905, стр. 39—40).

[1]) Иванов, Николай Александрович (1842—1904), командующий войсками Туркестанского военного округа.

[2]) Батьянов, Михаил Иванович (1835—1916), ген.-от-инф., член военного

даже в деревнях начинают читать и интересоваться общественными делами, печать же является вообще могучим средством борьбы, указывая, затем, на пример западно-европейских правительств, широко пользующихся услугами печати для проведения желательных им взглядов и идей, предлагает объединить направление: «Правительственного вестника», провинциальной и народной печати и парализовать действие распространителей вредных идей печатным словом [1]). При этом, по мнению генерала Батьянова, при надлежащем подборе руководителей органов печати и при содействии церкви, достижение желательных результатов возможно даже без указания на вредные идеи, против которых ведется борьба.

Сообщая об изложенном, по приказанию военного министра, вашему высокопревосходительству, имею честь просить не отказать уведомить о заключении вашем по вышеизложенным предположениям.

При сем присовокупляю, что как самые предположения, так и заключения по ним имеют быть внесены в предполагаемую к образованию в начале ноября сего года с высочайшего соизволения особую комиссию для выработки мер борьбы с распространением противоправительственной пропаганды в войсках.

Некоторые командующие войсками военных округов, в числе других мер, признают безусловно необходимым вовсе не зачислять на службу войск лиц, признанных политически неблагонадежными [1]). Пожелание это нельзя не признать совершенно правильным, между тем в настоящее время присутствиями по воинской повинности зачисляются на службу и лица, привлеченные в качестве обвиняемых к дознаниям о политических преступлениях; весьма многие из таких лиц, по разрешении впоследствии их дел, исключаются из военной службы, без именования воинским званием. Между тем, будучи приняты на службу и зачислены в части войск, они остаются там в течение иногда года — полутора и всегда не менее нескольких месяцев, до разрешения их дел. Конечно, трудно ожидать, чтобы большинство из них, попав в войска, оставили свою деятельность и не пытались бы агитировать среди своих товарищей. Избежать временного пребывания таких лиц в рядах армии было бы возможно, если бы установить, чтобы вовсе не зачислялись на службу лица, привлеченные как обвиняемые к делам политического характера. Для этого надлежало бы обязать подлежащие губернские жандармские управления и прокуроров судебных палат сообщать присутствиям по воинской повинности, хотя бы только губернским, о всех лицах призывного возраста, привлеченных в качестве обвиняемых к формальным дознаниям.

Вместе с тем, военный министр имеет в виду исходатайствовать высочайшее повеление, дабы указанные присутствия приостанавливали определение сих лиц на службу впредь до разрешения производящихся о них дознаний.

Во избежание же возможности со стороны некоторых лиц намеренного,

---

совета (1903—1911), в 1905 г. был командующим третьей манчжурской армией и принимал участие в подавлении революционного движения в армии.

[1]) Характеристику специально сфабрикованной для солдат литературы см. в статье К. Оберучева «Духовная пища русского солдата» («Русское богатство», 1906, кн. 6, стр. 1—18).

[1]) Значительно позже законом 12 декабря 1908 г. было воспрещено принимать на военную службу лиц, «привлеченных к дознаниям по государственным преступлениям и подвергнутых гласному надзору полиции» (Полное собр. зак., собр. III, т. XXVIII, отд. I, № 31270.)

с целью уклонения от воинской повинности, участия в маловажных политических преступлениях, ввиду незначительности определяемых в сих случаях в административном порядке наказаний, следует установить, чтобы лица, коим будут определены наказания, не соединяемые с исключением из военной службы, немедленно по разрешении их дел принимались на службу с назначением в отдаленные округа, где служба дольше и тяжелее; лицам же, коим будет определено наказание, соединенное с исключением из военной службы, т.-е. административная высылка под гласный надзор полиции в более или менее отдаленные места, таковая должна быть назначаема, во всяком случае, на срок не менее срока действительной военной службы.

При этом необходимо иметь в виду, что среди политически неблагонадежных лиц имеется весьма большой процент евреев; еврейские же общества стремятся всевозможными способами сдать в войска наименьшее число своих членов (напр., всеми мерами стараются, чтобы был принят действительно больной, которого забракуют вскоре по прибытии его в часть, и т. п.); возможно, что ими употребляются всякие ухищрения, чтобы сдавать в войска именно более серьезных политических преступников, которым все равно угрожает высылка на продолжительные сроки. Это соображение указывает на необходимость установить, чтобы вместо непринятых, ввиду привлечения к политическим делам, евреев немедленно зачислялись на службу следующие по номерам евреи же, которые, в случае зачисления на службу временно непринятых, немедленно должны быть увольняемы от нее.

Засим, начальствующие лица, указывая на бывшие в некоторых частях войск случаи, что сообщения о неблагонадежности нижних чинов получались уже по увольнении их в запас, после выслуги полного срока службы, находят необходимым предложить гражданскому начальству немедленно сообщать подлежащему военному начальству о политически неблагонадежных лицах, назначаемых в войска. Военный же министр, сверх сего, признает необходимым, чтобы такие же сообщения делались и в главное военно-судное управление, в котором в настоящее время сосредоточиваются все сведения о политически неблагонадежных лицах, принадлежащих к военному ведомству.

Сообщая по приказанию военного министра вашему высокопревосходительству вышеизложенные соображения об охранении армии от неблагонадежных элементов и прося не отказать в заключении по ним и зависящих распоряжений, долгом считаю присовокупить, что на сношение по сему вопросу с вами и министром юстиции последовало высочайшее соизволение при предварительном докладе военным министром государю императору всех предположений высших военных начальников о мерах борьбы с распространением преступной пропаганды в войсках.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности

Петр Лузанов.

Письмо мин. внутр. дел В. К. Плеве на имя военного мин. А. Н. Куропаткина от 5/XI 1903 г. № 10705.

Копия.
Конфиденциально.

Милостивый государь
Алексей Николаевич.

На письмо за № 543 о мерах к охране армии от влияния противоправительственной пропаганды имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что я всецело присоединяюсь к мнению вашему о настоятельной необходимости пресечь преступную агита-

цию среди войска, наблюдаемую в настоящее время. Наиболее радикальной в этом отношении мерой представлялось бы, без сомнения, осуществление сообщенного вашим высокопревосходительством мнения генерал-лейтенанта Иванова о необходимости поднятия экономического благосостояния народа, но таковое, будучи главной задачей всякого государства, является и в России предметом непрестанных забот правительства и в частности министерства внутренних дел. Нельзя не отрицать существенной пользы и тех упомянутых в письме вашего высокопревосходительства мероприятий, которые указывает генерал-от-инфантерии Батьянов и которые клонятся к воспитанию народа в духе преданности престолу и отечеству, но благие результаты их могут появиться лишь с новым поколением, вследствие чего нельзя не признать надобности в применении ныне же некоторых частных мер, которые, быть может, окажутся в силах освободить армию от вредных влияний.

К таким мерам надлежит, по моему мнению, отнести недопущение в ряды войск лиц, состоящих привлеченными к дознаниям о государственных преступлениях, что могло бы быть достигнуто распространением на них действия 169 ст. уст. о воинской повинности. Хотя статья эта и упоминает лишь о состоящих под следствием и судом и умалчивает о привлекаемых к какого-либо рода дознаниям, но, в силу постановлений отд. второго раздела II кн. III уст. угол. суд. (в частности, 1035[7] ст. сего устава), дознания жандармских чинов о государственных преступлениях по процессуальному своему значению должны быть приравнены к «предварительным следствиям», производимым судебными следователями по общим преступлениям. Ввиду сего привлечение к дознанию о государственном преступлении должно иметь по отношению к воинской повинности одинаковые с нахождением под следствием общеуголовные последствия, определяемые ст. 169 уст. о воинской повинности. По сим соображениям я полагал бы возможным, в случае, если бы ваше высокопревосходительство разделили мое по сему предмету мнение, распространить, без испрошения особого на сие высочайшего соизволения, действие означенной статьи устава о воинской повинности на лиц, привлеченных к дознаниям по ст. 1035 и след. уст. угол. судопр., соответствующим распоряжением министра внутренних дел. С тем вместе я признавал бы необходимым, в видах обеспечения точного соблюдения предположенного порядка, установить одновременно обязательное уведомление уездных (городских) воинских присутствий производящими дознания по ст. 1035 уст. угол. судопр. чинами о привлечении к сим дознаниям лиц, кои не отбывали воинской повинности.

Что касается засим предположений военных начальств относительно назначения признанных виновными в маловажных политических преступлениях в отдаленные округа и об определении лицам, кои подлежат высылке под гласный надзор полиции в более или менее отдаленные места, а потому должны быть исключены из войск, продолжительности этой высылки не менее срока действительной военной службы, то в сем отношении я долгом считаю высказать следующее.

Привлечение к дознаниям о государственных преступлениях в отношении одних лиц не влечет за собою никаких последствий при наличности данных, доказывающих случайность их привлечения. Отягчать отбытие ими воинской повинности обязательным назначением в отдаленные военные округа лишь в видах предотвращения возможности учинения маловажных политических преступлений с одной целью уклонения от воинской повинности

едва ли представлялось бы целесообразным, так как подобная цель может быть достигнута и ныне путем ложного обвинения или самообвинения в любом преступном деянии общеуголовного характера. Далее, для другой группы лиц привлечение к означенным выше дознаниям оканчивается применением к ним, по суду или в административном порядке, наказаний, по существу своему, в силу ст. 13 уст. о воинской повинности, исключающих возможность принятия их на военную службу. Отношение лиц этих к воинской повинности не вызывает каких-либо сомнений. Но между этими двумя категориями есть третья, в которую входят все те, кои, не будучи «государственными преступниками», должны быть признаны политически неблагонадежными. Не подходя под условия упомянутой статьи устава, они отбывают воинскую повинность на общих основаниях и могут попадать в ряды войск, почему заботы правительства и должны быть направлены на борьбу с их вредным влиянием, как это полагает и генерал-лейтенант Лузанов. Однако замену для подобных лиц обязательной службы административной высылкой на сроки, столь же продолжительные, как эта служба, я затрудняюсь признать желательной, так как мера эта была бы равносильна полному освобождению этих лиц от исполнения воинской повинности без достаточных к тому оснований. С своей стороны я полагал бы построить указанную борьбу с вредным влиянием лиц этой категории в войсках на сочетании военного режима с тяжелым, в суровой жизненной обстановке, физическим трудом, который не ограничивался бы несением строевой службы, а имел бы иное практическое, общеполезное применение и служил бы средством перевоспитания не только внешнего, но и внутреннего [1]). В этих видах надлежало бы в отдаленных малокультурных местностях империи учредить особые саперные баталионы, которые вместе с военными упражнениями приложили бы свой труд к проведению в означенных местностях дорог, подготовляя новые участки земли к переселению, столь необходимому в настоящее время для населения России. Такая пионерская деятельность саперных баталионов, в сочетании со строгостию военной дисциплины, дала бы возможность найти применение бесцельно затрачиваемым теперь молодым силам лиц, ставших на ложную политическую дорогу, создала бы для них здоровую, отрезвляющую жизненную школу и принесла бы неисчислимые блага отечеству.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. П л е в е.

Н. Н. Романов и американская концессия на железную дорогу Сибирь — Аляска в 1905 г.

В «Дневнике» Г. О. Рауха, ген.-квартирмейстера штаба войск гвардии и петербургского военного округа в революционный период 1905—1906 гг., опубликованном в XIX томе «Красного архива», имеется следующая запись под 25 декабря 1905 г.:

«Обедал у вел. князя [Николая Николаевича], — вечером в клуб неожиданно приходил Дубровин [2]). Говорит, что в городе распространяют слухи, будто вел. князь Николай Николаевич совместно с Вонлярлярским [1]) хотят провести концессию на Аляскин-

[1]) На полях помета: «Мысль самого В. К. Плеве, включенная сюда по его требованию».

[2]) Дубровин, А. И., д-р, председатель «Союза русского народа».

скую жел. дорогу. Это — проект железной дороги через всю Сибирь, Аляску, через Берингов пролив. Проект американцев и англичан, действительно, рассматривали в Совете министров, и [он] передан во вневедомственную комиссию для изучения. Капиталисты пока просят одного — не позже как через 18 месяцев дать принципиальный ответ, с тем чтобы потом передать дело в Гос. думу. Такова истина, и имени Вонлярлярского тут нет».Далее Раух пишет: «Наши великие князья до такой степени дискредитировали себя именно участием в разных концессиях и денежных делах, что такой слух может иметь успех. Это и встревожило Дубровина...»

Нижепубликуемая собственноручная записка вел. кн. Николая Николаевича, обнаруженная в 1923 г. в Ленинградской военной библиотеке штаба РККА вместе с другими собственноручными черновыми бумагами Николая Николаевича чисто военного содержания [2]), при свете этой записи в дневнике Г. О. Рауха получает с в о й о с о б ы й с м ы с л и з н а ч е н и е. Эта записка написана чернилами на листке почтовой бумаги, без указания лица, коему она предназначена, и гласит следующее:

«Имел возможность говорить про дорогу «Аляска» — отнеслись более чем сочувственно. С о в е т у ю к о н ф и д е н ц и а л ь н е й ш и м о б р а з о м п р е д у п р е д и т ь, ч т о г р о м а д н ы й ш а н с н а н а з н а ч е н и е к о м и с с и и — и ч т о б ы н е у е з ж а л.

Н и к о л а й.

25 ноября 1905 г.»

[1]) Вонлярлярский, В. М., полковник в отставке, участник аферы с лесными концессиями на Ялу в Корее накануне русско-японской войны.

[2]) Опубликованы в нашей статье «Бумаги быв. вел. князя Николая Николаевича» «Революция и война», 1924, № 1/28.

Подчеркнутая нами фраза «Советую конфиденциальнейшим образом...» и т. д. ясно показывает, что слухи о каком-то участии вел. кн. Николая Николаевича в деле концессии жел. дороги Сибирь — Аляска имели свое основание, и, таким образом, не было «дыма без огня». Фраза «предупредить... чтобы не уезжал», повидимому, относилась к представителю американского синдиката, некоему французскому гражданину Лоик-де-Лобелю, обращавшемуся к русскому правительству с предложением относительно соединения непрерывным рельсовым путем Сибирской и американских железных дорог посредством тоннеля под Беринговым проливом.

Интересные данные по существу этого грандиозного проекта находим в печатной копии «Журнала особого совещания [1]) по рассмотрению предложений: 1) французского гражданина Лоик-де-Лобеля о сооружении железнодорожной линии Сибирь — Аляска и 2) американского гражданина У. Джексона о сооружении железных дорог в восточной части империи» от 1 декабря 1905 г.

Особое совещание происходило под председательством гр. С. Ю. Витте, при участии председателя Совета госуд. обороны, вел. кн. Николая Николаевича, министров: иностранных дел — гр. В. Н. Ламздорфа, финансов — И. П. Шипова, торговли и промышленности — В. И. Тимирязева, юстиции — С. С. Манухина, путей сообщения — К. С. Немешаева, военного министра — А. Ф. Редигера, начальника ген. штаба — Ф. Ф. Палицына, госуд. контролера — Д. Д. Философова и главноуправляющего землеустройством и земледелием — Н. Н. Кутлера.

Главнейшие условия, на которых представляемый Лоик-де-Лобелем син-

[1]) Этот «Журнал особого совещания» был утвержден Николаем Романовым, по докладу гр. Витте, 12 декабря 1905 г.

дикат изъявлял готовность принять на себя осуществление линии Сибирь — Аляска, были следующие:

«1) железнодорожная линия, начинаясь у станции Канск Сибирской жел. дороги, направляется на г.г. Киренск, Якутск, Верхне-Колымск, мыс Дежнев и, проходя тоннелем под Беринговым проливом, переходит на американскую территорию;

2) протяжение линии составляет около 5000 верст, строительная стоимость — около 1250 тыс. франков (соответственно 470 млн. рублей);

3) правительственной гарантии капиталу компания не испрашивает;

4) испрашивается отвод 24-х верстной полосы, по 12 верст по каждую сторону, на всем протяжении железнодорожного пути, с целью предоставления компании разработки в пределах этого отвода недр и поверхности, с соблюдением однако прав третьих лиц; колонизация отводимой полосы иностранцами не допускается;

5) компания готова предоставить русским металлургическим заводам значительный заказ предметов железнодорожного устройства;

6) срок концессии — 90 лет, срок выкупа — 30 лет;

7) выработка подробных условий, порядка уступки компании земель и проч., должна быть возложена на особую комиссию с участием представителей предпринимателя. Означенная комиссия должна окончить свои труды в течение 18-ти месяцев со дня высочайшего указа, коим предпринимателям даруется предварительная концессия (concession provisoire)».

Далее, в последнем своем заявлении, от 26 ноября 1905 г. [1]), поданном министру торговли и промышленности, Лоик-де-Лобель сообщил, что представляемый им синдикат ходатайствует лишь о том:

1) чтобы Совет министров признал в принципе возможным осуществление железнодорожной линии от Канска до Берингова пролива, без правительственной гарантии, и

2) чтобы Совет министров постановил, что правительством будет образована особая комиссия для изучения и установления, по соглашению с представителем синдиката, условий осуществления указанного проекта. Та же комиссия должна установить порядок уступки компании земель, в возмещение отсутствия правительственной гарантии, причем комиссия свою работу должна окончить до истечения 18 месяцев.

При обсуждении этого вопроса в особом совещании выступали, главным образом, гр. С. Ю. Витте и вел. кн. Николай Николаевич. По мнению гр. Витте, рассматриваемое предприятие имеет несомненно «большое экономическое значение в смысле оживления мертвого в настоящее время края, а также привлечения американских капиталов»; равным образом, гр. Витте находил, что «это предприятие не лишено и стратегического значения в смысле улучшения охраны наших дальне-восточных окраин. Между тем, без привлечения иностранных капиталов эта линия, конечно, не осуществится еще в течение весьма долгого времени».

Поэтому гр. Витте не усматривал «принципиальных возражений против проекта Лоик-де-Лобеля и в предоставлении компании в том пустынном необъятном пространстве 24-х верстной полосы земли вдоль железнодорожной линии, тем более, что, по удостоверению предпринимателей, они ограничиваются исключительно промышлен-

[1]) Заметим, что публикуемая записка вел. кн. Николая Николаевича с «конфиденциальнейшим» советом «не уезжать» ввиду «громадного шанса на назначение комиссии» датирована 25 ноября 1905 г., — таким образом Лоик-де-Лобель подал свое последнее заявление, заручившись поддержкой вел. князя.

ными целями, устраняя всякие предположения о колонизации иностранцами имеющих быть уступленными им земель». Однако гр. Витте не мог в то же время не высказать сомнения «в осуществимости проекта Лоик-де-Лобеля как в виду его грандиозности, так и по соображениям о недостаточной, повидимому, кредитоспособности предпринимателя».

Поэтому «в настоящее время, — по мнению гр. Витте, — надлежало бы ограничиться удовлетворением ходатайства Лоик-де-Лобеля лишь в отношении образования комиссии для изучения и составления условий возможного осуществления железнодорожной линии Сибирь — Аляска...»

Вел. князь Николай Николаевич, как мы знаем теперь из его «конфиденциальнейшей» записки, заранее знакомый с обсуждаемым вопросом, выступал очень осторожно на особом совещании, отмечая, что «ввиду грандиозности предприятия едва ли можно, без предварительного всестороннего его изучения, высказать принципиальное по нему заключение, в особенности при современном неопределенном общем положении». Высказываясь так же, как и гр. Витте, за назначение особой комиссии, которая рассмотрела бы проект по существу и выработала бы возможные условия его осуществления, вел. кн. Николай Николаевич счел однако нужным отметить, что «ни назначение подобной комиссии, ни ее выводы не могут еще создать каких-либо обязательств для правительства, от которого будет зависеть, по рассмотрении трудов указанной предварительной комиссии, или отвергнуть предложение г. Лоик-де-Лобеля, или же, приняв таковое принципиально, выработать дальнейшие подробности».

Особое совещание присоединилось к высказанным соображениям гр. Витте и вел. кн. Николая Николаевича и вынесло постановление:

«1) Не предрешая вопроса о предоставлении американскому синдикату, представляемому французским гражданином Лоик-де-Лобелем, сооружения и эксплоатации железнодорожной линии от Канска (станция Сиб. ж. д.) до Берингова пролива, поручить особой комиссии под председательством д. с. с. Циглер-фон-Шафгаузена из представителей министерств путей сообщения, финансов, внутренних дел, иностранных дел, военного и торговли и промышленности, а также гос. контроля, генерального штаба и гл. упр. землеустройства и земледелия, при участии представителя предпринимателей, выработать условия осуществления указанного предприятия, с тем чтобы названная комиссия закончила свои труды до истечения 18-ти месяцев со дня высочайшего соизволения на образование сей комиссии.

2) Предоставить министру торговли и промышленности заключение поименованной комиссии представить на высочайшее е. и. в. благовоззрение для испрошения указаний его величества относительно дальнейшего направления сего дела».

Г. Верещагин.

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Турецкая революция 1908 — 1909 гг. С предисловием *А. Попова* . . . . 3— 54
Разгон II Государственной Думы. С предисловием *И. Татарова* . . . . . 55— 91
Из дневника Константина Романова. С предисловием *И. Лапина* . . . 92—115
К истории нечаевского процесса. (Донесения и письма Н. Д. Горемыкина.)
С предисловием *В. Козьмина* . . . . . 116—165

Из записной книжки архивиста

Казнь участников кронштадтского восстания 1906 г. С пред. *А. Дрезен* . 166—167
Из истории революционного движения в армии накануне 1905 г. Сообщили
М. Ахун и *Д. Зиневич* . . . . . 168—172
П. Н. Романов и американская концессия на железную дорогу Сибирь —
Аляска в 1905 г. Сообщил *Г. Верещагин* . . . . . 173—176

Цена 3 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД

НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова и М. Н. Покровского

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

В 1931 ГОДУ ВЫЙДЕТ 6 ТОМОВ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 12 руб., на полгода — 6 руб.

Цена отдельного номера — 2 руб. 50 коп.

Журнал ставит своей целью опубликование неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, а также материалов по истории литературы, быта и культуры.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

МОСКВА, Центр, Ильинка, 3, Периодсектор Книгоцентра Огиза; **ЛЕНИНГРАД**, проспект 25 Октября, 28, Ленотгиз; в отделениях, магазинах и киосках Книгоцентра Огиза, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, в почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев.